

1584 380

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XXVIII

Б. Х. КАРМЫШЕВА

УЗБЕКИ-ЛОКАЙЦЫ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

ВЫПУСК I

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ЖИВОТНОВОДСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

Сталинабад

1954

І. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос изученности локайцев

В историко-этнографической литературе специальных работ о локайцах не имеется. Эта большая группа тюркоязычного населения совершенно не описана и крайне мало известна даже специалистам тюркологам, историкам и этнографам Средней Азии. Правда, небольшое количество разрозненных сведений о локайцах можно найти в отдельных работах, посвященных географическому или демографическому описанию Таджикистана.¹ Но эти случайные сведения, вкрапленные в подобные работы, никак не сведены, да и одна сводка их, если бы она и была совершенна, конечно, не могла бы восполнить этот пробел в нашей литературе, в силу отрывочности и пестроты опубликованного материала.

В 1945 г. Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР, по инициативе покойного члена-корреспондента Академии наук СССР проф. М. С. Андреева, впервые был поставлен вопрос о необходимости этнографического изучения тюркоязычного населения Гиссарской долины и Южного Таджикистана и в первую очередь относящегося к нему наиболее многочисленного племени локай. Вопрос этот получил благоприятное разрешение и в том же 1945 г. автору настоящей работы—сотруднику ИИЯЛ Таджикского филиала АН СССР, было дано поручение по сбору и обработке материалов по локайцам. В течение четырех лет автором был совершен ряд поездок по всем местам расселения локайцев, за время которых были собраны материалы по основным занятиям, жилищу, утвари и обычаям, связанным с рождением, свадьбой, похоронами и пр. Результаты сборов были изложены в подробных полевых отчетах, хранящихся в Архиве Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.²

В 1948—1949 гг. Кулябская этнографическая экспедиция Таджикского филиала Академии наук СССР провела работу по изучению этнического состава населения Кулябской области, во время которой впервые сплошным этнографическим обследованием были охвачены все многочисленные ираноязычные и тюркоязычные племена Кулябской области

¹ Наиболее ценные данные о локайцах содержатся в работах: Материалы по районированию Средней Азии, книга I, часть I, Ташкент, 1926; Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929.

² См., например, «Жилище и утварь локайских родов Эсен-ходжа и Бадраглы» — отчет 1945—1946 гг.; «Женские промыслы у локайцев» — отчет 1947 г.; «Хозяйственная деятельность локайцев» — отчет 1948 г.; «Обычай и обряды локайцев, связанные с рождением, свадьбой и похоронами» — отчет 1949 г. Упомянутые отчеты составляют 330 страниц машинописного текста.

Таджикской ССР. Эта работа проводилась начальником экспедиций А. К. Писарчик и автором настоящей работы.¹

Объектом изучения этой экспедиции было также и локайское население. Наконец, в 1950 г. автором была сделана еще одна поездка для сбора дополнительных материалов как во все районы расселения локайцев, так и в места расположения высокогорных пастбищ на хребте Петра Первого, где локайцы выпасают свои стада.

Таким образом, в результате специального полевого этнографического изучения накопился значительный материал, который позволил автору предпринять попытку подготовить к изданию специальную работу о локайцах. Мы надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга окажется небесполезной, так как публикация нового конкретного этнографического материала расширяет круг крайне редких и малочисленных источников о локайцах и может быть использована не только этнографами, но историками, археологами, фольклористами и другими специалистами, связанными в своей деятельности с изучением истории народов Средней Азии.

Расселение и родоплеменной состав

Узбекское племя локай довольно многочисленно. По данным Комиссии по районированию Средней Азии на 1924—1925 гг. локайцев насчитывалось 25.400 человек.²

По данным Ф. И. Лютко, основанным на подсчетах налоговых списков 1923—1924 гг., локайцев, проживающих только на правобережье Вахша, было 14.926.³

Следует иметь в виду, что эти данные относятся ко времени разгара басмаческого движения в Восточной Бухаре, когда не могло быть и речи о проведении точной переписи населения и когда значительная часть населения была постоянно в движении. Позднее Н. Г. Маллицкий насчитывал локайцев до 46 тысяч.⁴ За истекшее время, несомненно, численность локайцев значительно возросла в связи с резким уменьшением смертности, особенно детской, и увеличением рождаемости в результате непрерывных забот Коммунистической партии и Советского государства о здоровье трудящихся и в связи с ростом общего благосостояния колхозного крестьянства. О росте населения, об увеличении числа кишлаков и деревень их нам неоднократно заявляли сами локайцы. Однако точных данных о численности локайцев в настоящее время нам получить не удалось.

Согласно данным материалов Комиссии по районированию Средней Азии, локайцы проживают в Южном Таджикистане. В других районах Средней Азии они не зарегистрированы.

По единодушному заявлению многих локайцев, в Афганском Туркестане проживает весьма незначительная часть их соплеменников, подавляющее большинство которых состоит из эмигрантов, активных участников басмаческого движения и их близких сородичей, побоявшихся вер-

¹ Результаты обследования см. Писарчик А. К., Кулябская этнографическая экспедиция, Известия Таджикского филиала АН СССР, № 15, Сталинабад, 1950; Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953.

² Материалы по районированию Средней Азии, книга I, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 17.

³ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, М.—Л., 1929, стр. 29.

⁴ Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 64.

нуться на родину. Возможно, что небольшое число локайцев проживало в Северном Афганистане и до переселения части их с правобережья Пянджа. Мы говорим о небольшом числе потому, что в многочисленных работах как русских, так и иностранных авторов, затрагивающих вопрос об этническом составе населения Афганистана, нам не приходилось встречать упоминания о локайцах. Даже в таком обстоятельном труде, как «Каттаган и Бадахшан» Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки,¹ в котором перечисляются все основные узбекские племена, локайцы не упомянуты. В тексте, в списках селений, встречается лишь один кишлак Лакай в 20 дворов к югу от Хазрети Имам-Сахиба.² Кроме того, на карте Кундуза к югу от самого города Кундуза отмечен кишлак Лахай.³ Материалы Кушкеки относятся к 1923 г.⁴ Существовали ли эти кишлаки издавна или они появились в 20-х годах текущего столетия, судить трудно.

Накануне установления Советской власти в Бухарском ханстве локайцы составляли значительную часть населения восточных бекств: Гиссарского и Бальджуанского. На севере граница расселения локайцев шла по линии: горы Ранген-Тау (к югу от Гиссарской долины, т. е. долины среднего течения реки Кафирнигана) — Яван—Туткаул—Бальджуан—Ховалинг (рис. 1); на западе границу расселения локайцев составляли горы Карши-Тау, Газималек и Гардани-Ушти, протянувшиеся по левому берегу реки Кафирнигана после ее резкого поворота на юг.⁵ На юге локайцы не спускались южнее Арал-Тугая (остров, образуемый рукавом Вахша у устья правого его притока Яван-Су, ныне Куйбышевский район), урочища Алимтай (адыры⁶ в южной оконечности гор Джилан-Тау между реками Таир-Су и Кзыл-Су) и устья реки Ях-Су, т. е. 37° 50' с. ш.

На востоке границей расселения локайцев служила река Ях-Су.⁷

На всей указанной выше территории локайцы составляли подавляющее большинство населения. Они занимали широкие долины и невысокие адыры, и вдоль границ своей территории, за исключением южной, соседствовали с таджиками, которых и вытеснили при завоевании края с долин и адыров в горы. Помимо соседства вдоль границ, таджики составляют как бы клин в местах расселения локайцев, занимая гористые берега реки Вахша после ее резкого поворота на юг у Нурека и до выхода реки из теснин южнее кишлака Санг-Туда со смешанным таджико-локайским населением (горы Кара-Тау на правом берегу, горы Сарсарак и Санглок на левом берегу). Помимо таджиков, локайцы соседствовали и отчасти жили вперемежку с другими многочисленными ираноязычными и тюркоязычными племенами. Следует отметить, что до революции Гиссарскую долину занимали узбекские племена барлас, марка и тюрк.

¹ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, Ташкент, 1926. Перевод с персидского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. А. А. Семенова.

² Кушкеки, Ук. соч., стр. 46.

³ Там же, карта на стр. 50.

⁴ Кушкеки, Ук. соч., См. предисловие А. А. Семенова, стр. X.

⁵ На правом берегу Кафирнигана имеется всего один небольшой кишлак, населенный локайцами. По словам его жителей, кишлак основан лет 60 тому назад выходцами из Кокташа. Кишлак этот Дурмен-Булак, ныне относящийся к Кзыл-Аскарскому кишлачному Совету Шахринауского района. Основное население этой местности — тюрки племени муса-базари.

⁶ Адыры — предгорные холмы.

⁷ На восток от Ях-Су имеется всего лишь один небольшой кишлак, населенный локайцами, основанный, по словам его жителей, лет 100 тому назад. Это кишлак Сангпар Зиракинского кишлачного Совета Кулябского района.

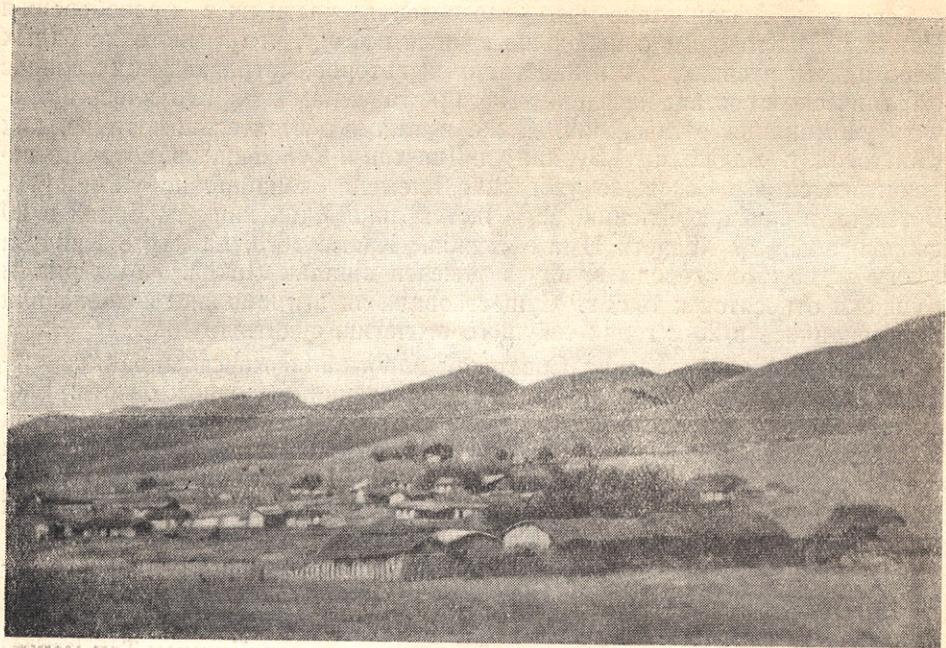

Рис. 2. Кишлак Бурденгель Советского района Кулябской области.
Фото П. Г. Чучева.

На западе в долине Кафирнигана и горах Баба-Таг соседями локайцев были узбекские племена дурмен, барлас и муса-базари.

На юге локайцы приходили в соприкосновение как с ираноязычными племенами (хазара, белуджи, лярхоби и пр. выходцами из Афганистана), так и с многочисленными тюркоязычными народами: на Джиликкульском плато жили туркмены племени эрсари; по соседству с ними жили узбеки-кунграты и казахи; на Арал-Тугае жила небольшая группа узбекского племени каучин, выходцев из Гузара; но больше всех на юге было представителей многочисленных родов узбекского племени катаган, переселившихся из Афганистана; встречались также мугулы (мугол, могол) и карлуки.¹

На востоке (к востоку от реки Ях-Су) жили узбекские роды Семиз и Кесамир² и представители племени тюрк. Последние жили еще на северо-востоке Бальджуанского бекства.

Тюркоязычные карлуки, наравне с локайцами, имели кишлаки на адырах и в долинах. Так, карлуками были заселены: восточная половина Яванской долины, северо-восточная часть Дангаринской долины, юго-восточный угол современного Кангуртского района и северо-запад Советского (быв. Кызыл-Мазарского) района Кулябской области.

До установления Советской власти в жизни локайцев, как и у многих

¹ Февралев И., Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарья от Калы-Ванч до Керки, Военный сборник, № 10, 1895, стр. 426—427.

² Кармышева Б. Х., Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953, стр. 99—110.

других тюркоязычных кочевых скотоводческих народов нашей страны (казахов, киргизов, туркмен и др.) еще сохранилось более или менее устойчивое родоплеменное деление. Названия основных родов и некоторых родовых подразделений племени локай приведены в статье И. П. Магидовича о населении Бухары.¹ В упомянутой книжке Ф. И. Лютко перечислены, например, основные роды локайцев правобережья Вахша.² Оба автора, материалы которых относятся к началу двадцатых годов, не дают, к сожалению, генеалогической таблицы племени.

В настоящее время, когда родоплеменное деление полностью утратило свое значение и даже наименования племен и родов быстро забываются, люди среднего возраста, не говоря уже о молодежи, далеко не всегда знают названия мелких подразделений рода. Поэтому материалы о родовом составе нами собраны преимущественно у представителей старшего поколения. Однако и последние оказались не в состоянии восстановить более или менее стройную структуру основных родов, т. к. письменных шаджира,³ по словам локайцев, у них не было. Только прекрасная память ныне покойного сказителя Сулеймана Умарова из кишлака Таш-Булак Дагана-Киикского района сохранила нам генеалогию одной ветви рода Бадраглы. Состав других родов удалось привести в некоторую систему (см. таблицу 1) лишь после кропотливого сбора материалов во время ряда наших поездок, путем тщательного сопоставления и сравнения сообщений многих информаторов.

Локайцы делятся на две большие группы, получившие свои наименования по месту обитания: роды, проживающие в пределах бывшего Гиссарского бекства, назывались гиссарскими локайцами (хисоры лакай); роды, проживающие в пределах бывшего Бальджуанского бекства, назывались бальджуанскими локайцами (бальджуон лакай), а теперь иногда называются кулябскими (куляби лакай). До середины XIX в. границей между этими группами служила река Вахш с прилегающими горами и долина реки Таир-Су, включая горы Джилан-Тау, ограничивающие долину с востока и служащие водоразделом рек Таир-Су и Қзыл-Су. Позже гиссарские локайцы переселились на восток от Вахша и накануне революции границей между этими группами уже были горы Джилан-Тау.

Каждая из указанных групп делилась на два рода. Гиссарские локайцы делились на роды Эсен-ходжа и Бадраглы, а бальджуанские локайцы — на роды Байрам и Турт-оул. Таким образом, локайцы делились в прошлом на четыре крупных рода, которые в свою очередь разветвлялись на более мелкие родовые подразделения (см. таблицу 1).⁴

По собранным нами расспросным путем сведениям, многочисленный род Эсен-ходжа распадается на 11 основных подразделений:⁵ Ак-сары, Утарчы, Узден, Туячи, Кул-бечче, Мурзагул, Алтмыш, Малыш, Кунту, Кулумбет и Нарын.

Помимо этих родов нами еще зарегистрированы названия: Кармыш, Мулла-бечче, Надыр-бечче, Яхшылык-бечче, Бай-кучкар. Повидимому, эти названия обозначают более мелкие подразделения вышеуказанных 11 родов, подобно тому как, например, род Малыш имеет 3 подразделения:

¹ Материалы по районированию Средней Азии, книга I, ч. I, стр. 198, 199.

² Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 28, 29.

³ Шежіре (казах.), санжыра (киргиз.), шэжэрэ (башкир.) — генеалогия рода, племени (от арабского шаджарун — дерево).

⁴ Для обозначения рода у локайцев употребляются несколько терминов: урук, тайфа, каум, улус.

⁵ Полевая запись от 2 ноября 1947 г. от представителя рода Эсен-ходжа Икрамула Чарикюлова. Қокташ.

Али-бечче, Бахты-бечче и Ходжа-мияр, а род Туячи имеет 7 подразделений: Малай, Дусай-туячи, Джадыгер, Кельди-бек, Бақы-бечче, Нар-бечче и Молмыш.

К роду Эсен-ходжа примыкает еще один — это крупный род Курдек. Он имеет 4 основных подразделения: Алты-бай, Казак, Джака и Кара-тума.

Алты-бай имеет подразделения: Загара-туяк или Загара-уяк, Акбузау, Кара-сыйрак.

Джака имеет подразделения: Сакау, Гульмурза-бечче, Джадыгер, Тюркия.

Нами еще зарегистрированы родовые названия Кара-бузау, Токанды, Башкап и Абдал, относящиеся к роду Курдек, но не выяснено к которому из родовых подразделений они относятся.

Второй крупный род гиссарских локайцев, а именно род Бадроглы, одними локайцами, с которыми нам пришлось работать, в том числе уже упомянутым нами сказителем Сулейманом Умаровым, рассматривается как состоящий из 6 крупных разветвлений: Кзыл-бай, Келекей, Парча, Джунус, Кетте мерген и Кичи мерген. Другие локайцы рассматривают их парными, т. е. неразрывно связанными, как бы слитными попарно, родами.¹

Некоторые локайцы, в том числе Маматмуса Хаитов,² сохранившие в памяти родосплетенное деление, а также Ф. И. Лютко³ расчлениют род Бадроглы на 3 подразделения — Кзыл-бай, Парча и Мерген, а подразделения Келекей, Джунус, Кетте и Кичи мерген рассматривают как подразделения первых трех родов.

Рассмотрим более мелкие подразделения рода Бадроглы в основном по Сулейману Умарову. Род Кзыл-бай имеет подразделения: Деветер, Серке, Утеш, Джау-качты.

Роды Парча и Джунус делятся на 4 подразделения: Буйра, Самарканды, Кычылы и Кучек.

Род Кичи мерген имеет 6 подразделений: Эвлади-Хасан, Эвлади-Назар, Ак-баш, Бай-сенд, Джанкаул и Беш-курук.

Род Кетте мерген имеет 2 подразделения: Анна-ходжа и Бай-ходжа.

По этим двум родам нами записаны и еще более мелкие подразделения. Бай-ходжа делится на Далде и Канхур.

Анна-ходжа имеет 8 подразделений: Ураз-бечче, Усуп-бечче, Алим-бечче, Мурат-бечче, Сары-бечче, Хелпе-бечче, Шакасым-бечче и Кичи-сан.

Ураз-бечче в свою очередь распадается на 3 подразделения: Дахан, Сары и Мегер.

Усуп-бечче распадается на 5 подразделений: Алла-Назар, Бай-Назар, Науруз, Кесп и Джол-болды.

В наших записях имеются еще 2 названия, относящиеся, повидимому, к более мелким подразделениям рода Бадроглы, а именно: Будене и Эвлади-Конгур. Последнее название записано, как относящееся к роду Кичи мерген.

Переходим к перечислению родовых делений бальджуанских локайцев. Они делятся на 2 основных рода: Байрам и Турт-оул.

¹ Парные роды встречались и у других узбекских племен, как и вообще у тюркских народов, что неоднократно отмечалось в советской этнографической литературе. По мнению большинства исследователей, в этом нужно видеть следы дуально-брачного деления.

² Представитель рода Кзыл-бай, житель кишлака Биринчи Джалтыр-Кепе Кокташского района, 71 года, неграмотный. Полевая запись от 31 октября 1947 г.

³ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 29.

Род Байрам имеет следующие подразделения: Турт-ата, Шекей, Девет и Чегене.

Род Турт-ата считается размножившимся от четырех братьев и соответственно имеет 4 подразделения: Эсе-бай, Бай-толыш, Кыр-садак или Кырк-садак и Боранай.¹

Как относящиеся к этому роду Турт-ата нами зарегистрированы названия Чаулы-мурат и Ак-чанач. Повидимому они являются названиями более мелких подразделений.

Род Шекей также размножился от четырех родоначальников: Палван, Тенгри-берди, Худай-берди и Алла-берди.

Род Девет делится на 3 больших подразделения: Ак-девет, Кара-девет и Ак-чура.

Ак-девет в свою очередь имеет ветви: Кутыр, Джулей, Келекей, Рысай и Кабанай.

Кара-девет имеет ветви: Тинал, Джам-пулат и Бедель. По словам семидесятилетнего локайца Мулла-Бабакула из кишлака Бурденгель Советского района,² к Девету еще относится род Бурденгель, который распадается на 2 подразделения: Бурденгель и Кара-таяк.

Нами еще зарегистрированы ветви Эвледи-Хусан и Хейбет, как относящиеся к роду Девет. Повидимому, они являются названиями мелких подразделений какого-либо из выше перечисленных родов.

Род Чегене имеет подразделения: Чыркыравык, Казак, Чуяге или Чуйага и Азау. Локаец Кувандык Фаизов из рода Казак указал нам, что этот род имеет 2 подразделения: Чоборма и Тентек-эвлад.³ Шеров Тагайназар к роду Чыркыравык относит подразделение Саркеч.⁴

Род Турт-сул, один из двух самых крупных родов бальджуанских локайцев, имеет следующие ветви: Уч-уул, Суюндук, Бурундук, Чал, Кусе, Гургуру или Гергера.

Род Уч-уул делится на подразделения: Элетен, Кара-мурча, Карасыйрак, Чанкан, Мраз и Сары-мраз.

Локаец из кишлака Якка-тут называл нам еще 2 родовых наименования, повидимому, более мелких ветвей: Эвледи-Туры и Эвледи-Нар.

Род Суюндук имеет подразделения: Каль (или Куль), Ходжалы и Дусай. Согласно записям от уже упомянутого Шерова Тагайназара, к Суюндуку относится и род Конгыр-тана, а подразделение Дусай имеет более мелкое подразделение Чайгуз.

Род Бурундук имеет подразделение Джалпуш; род Чал имеет подразделения Сары-чал, Куки, Кый-текме и Карача.

На этом мы заканчиваем краткий обзор родовых названий локайцев, который показывает, несмотря на неполноту наших материалов, крайнюю пестроту названий.

Неполнота наших материалов объясняется тем, что родовые названия, потеряв свое практическое значение, чрезвычайно быстро стираются из народной памяти и это очень затрудняет сбор материалов по данной теме в настоящее время. Эта трудность усугубляется еще тем, что в силу чрезвычайной раздробленности локайцев в прошлом на мельчайшие, нередко состоящие даже из 5—6 семей, особые подразделения возникает необходимость посещения каждого кишлака, что, конечно, не всегда возможно. Примером такой расчлененности могут служить

¹ Об этих четырех братьях среди локайцев имеются предания, согласно которым от упомянутых четырех братьев, сыновей вдовы, размножился род Турт-ата.

² Полевая запись от 17 августа 1948 г.

³ Полевая запись от 18 августа 1948 г.

⁴ Полевая запись от 4 августа 1950 г.

два кишлака Леурского сельсовета Кокташского района: Биринчи Джалтыр-Кепе и Иккинчи Джалтыр-Кепе, населенные представителями рода Кызыл-бай, который, в свою очередь, является ветвью Бадраглы. Мы знаем, что род Кызыл-бай имеет 4 подразделения: Деветер, Серке, Утеш и Джаукачты. Жители этих двух кишлаков, кроме подразделения на эти 4 группы, делятся на еще более мелкие ветви внутри каждого селения. В кишлаке Биринчи Джалтыр-Кепе: Аваздан туган, Хыле, Джананнан туган, Каршидан туган. В кишлаке Иккинчи Джалтыр-Кепе: Ак-чанак, Кара-чанак, Гуляндан туган, Туглыдан туган, Дуанадан туган.¹

В расселении локайцев перед революцией в той или иной мере продолжал сохраняться родовой принцип, хотя родовая собственность на землю уже давно сменилась частной. Многие кишлаки носили (и по сей день носят) названия родовых подразделений, как например: Девет, Казак, Бурденгель, Кармышабат и др.

Расселение основных локайских родов в пределах той территории, которая была нами рассмотрена выше, дано в Материалах по районированию Средней Азии.² В книжке Ф. И. Лютко «Басмачество в Локае» мы находим описание расселения родов Эсен-ходжа и Бадраглы на правом берегу Вахша.³

Наши материалы, внося незначительные коррективы, в основном подтверждают данные И. П. Магидовича и Ф. И. Лютко. Хотя собранные нами сведения позволяют проследить расселение не только основных родов, но и мелких родовых подразделений, мы, принимая во внимание вводный характер данного раздела работы, ограничимся, как и упомянутые авторы, описанием расселения лишь четырех основных родов: Эсен-ходжа, Бадраглы, Турт-оул и Байрам⁴ (рис. 1).

Выше уже отмечалось, что накануне установления Советской власти границей между гиссарскими и бальджуанскими локайцами являлись горы Джилан-Тау. Дангаринская долина (долина реки Таир-Су) представляла собой место стыка двух этих групп и поэтому в ней встречались представители обеих групп.

Род Эсен-ходжа занимал Кокташ и горы к югу от него, т. е. Ранген-Тау, северо-западную часть Яванской долины, включая три кишлака Кайнар (Куз-Кайнар, Баш-Кайнар, Орта-Кайнар) и северную часть Дангаринской долины (преимущественно род Курдек), а в центральной части этой долины два кишлака Саргазон, относящиеся ныне к Бульёнскому кишлачному совету.

Род Бадраглы занимал прилегающую к Кафирнигану Леурскую долину, всю Киикскую долину, обширное урочище Донгыз-Адыр (адыры к востоку от Киикской долины) вплоть до Арал-Тугая включительно и юго-западную часть Яванской долины. Кроме того, род Бадраглы занимал юго-западную часть Дангаринской долины, включая селение Санг-Туда

¹ В этих названиях «туган» означает «рожденный», т. е. «рожденный от такого-то», «потомок такого-то». В ряде других случаев названия родов начинаются со слова «эвлад» — «потомство» (через таджикский от арабского اولاد)

² Кн. I, ч. I, стр. 198—199.

³ Ук. соч., стр. 30—31.

⁴ Материалы по Кулябской области собраны в составе Кулябской этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР 1948—1949 гг. под руководством и при непосредственном участии А. К. Писарчик.

на берегу Вахша и окрестные кишлаки. К северу от современного районного центра Дангара был лишь один бадраглинский кишлак Куш-Булак.

Род Байрам занимал западную половину долины Кызыл-Су, включая прилегающие адыры, а также горы Джилан-Тау. На юге его территория простиралась вплоть до Таир-Су, включая оба склона гор Джилан-Тау и северную часть обширного урочища Алимтай. Кроме того, на севере байрамцы занимали небольшую территорию на левом берегу Кызыл-Су, примыкающую к Бальджуану (ныне кишлачные советы Дектиор и Салмоли-Дашт).

Род Турт-оул занимал локайскую территорию к востоку от реки Кызыл-Су, за исключением северо-западного угла, занятого, как отмечалось, кишлаками байрамцев. На запад от реки Кызыл-Су кишлаки рода Турт-оул имелись в той части локайской территории, которая примыкает к Кангурту, а также на северо-востоке Дангаринской долины. На юге, в урочище Алимтай, также имелись кишлаки турт-аулинцев.

К настоящему времени, хотя и сохранились, в основном, описанные нами границы расселения локайских родов, но все же отмечаются значительные изменения. Изменения эти происходили и происходят в трех направлениях: 1) локайцы вышли далеко за пределы указанной территории, особенно продвинулись на юг; 2) на территорию, ранее занятую локайцами, спустилось с гор, как на свои исконные земли, значительное число таджикского населения; 3) произошло значительное смешение в расселении самих локайских родов, особенно в Дангаринской долине (рис. 3).

Кроме того, следует отметить появление некоторого числа русского и татарского населения преимущественно в районных центрах в пределах бывшей локайской территории.

На западе и востоке локайской территории не произошло существенных изменений. За реку Ях-Су локайцы перешли только в нижнем ее течении: в ряде колхозов Кулябского и Московского (б. Чубекского) районов живут локайцы, как гиссарские (Бадраглы), так и бальджуанские, переселившиеся из Дангаринского и Советского районов. Население водораздела рек Ях-Су и Кызыл-Су, состоящее в подавляющем большинстве из локайцев, переселилось в низовья этих рек на новые земли, осваиваемые под посевы хлопка.

Гораздо большие изменения произошли на севере и юге. В Гиссарской долине отдельные семьи локайцев встречаются во многих колхозах Орджоникидзебадского, Рахатинского, Сталинабадского, Гиссарского и Шахринауского районов.

На севере Кулябской области произошло, наоборот, значительное сокращение локайского населения. В Ховалинском районе не осталось ни одного локайского кишлака, а в тех немногих колхозах, где имеются локайцы, они составляют меньшинство населения.

В Дангаринском и Советском районах в ряде кишлаков локайское население полностью сменилось таджикским, в других появились таджикские семьи. Кроме того, возникли таджикские кишлаки вновь, т. е. на прежде незаселенных местах.

Таким образом, на юге — в Кировабадском, Молотовабадском, Ворошиловабадском, Кагановичабадском, Октябрьском, Курган-Тюбинском, Кулябском, Пархарском, Московском районах, наряду с колхозами и совхозами, в которых живут несколько локайских семей среди таджиков или других групп узбеков, встречаются целые локайские переселенческие колхозы. Некоторые из них уже давно, лет 20 и более сеют

хлопок и живут в этих местах. В этих районах еще много неосвоенных земель и приток локайцев, как и таджиков и других, будет продолжаться.

В результате упомянутых изменений граница расселения узбеков-локайцев на юге совпадает теперь с нашей государственной границей с Афганистаном.

Происхождение локайцев

Вопрос о происхождении локайцев и о времени их поселения в местах современного обитания уже неоднократно затрагивался.¹ Ему уделялось внимание не только в географической и исторической литературе, но даже в зоотехнической, в связи с изучением и характеристикой интересующей специалистов известной локайской лошади. Однако единство взглядов на эти вопросы до сего времени отсутствует. Поэтому необходимо не только выяснить состояние изученности указанных вопросов, но попытаться наметить их решение, используя для этого новый, главным образом полевой этнографический материал, собранный нами во время поездок к локайцам.

К настоящему времени наметились две гипотезы. Исследователи, придерживающиеся первой гипотезы, считают локайцев одним из родов полукочевых узбеков.² При этом некоторые авторы, ссылаясь на локайские предания об их происхождении от одного из чингизхановых военачальников по имени Локай, допускают возможность прихода локайцев в Среднюю Азию в конце первой четверти XIII в. вместе с полчищами Чингиз-хана.³ Исследователи, выдвинувшие вторую гипотезу, отвергая принадлежность локайцев к узбекам,⁴ связывают их происхождение с карлуками и относят появление локайцев в бассейне правых притоков Аму-Дарьи ко времени, предшествующему завоеванию Средней Азии арабами.⁵ Проф. М. Е. Массон считает даже возможным, «что карлуки уже в VIII в. застали локайцев в горной Бухаре и что последние являются потомками тех турок, которые в середине VI в. разрушили царство эфталитов и

¹ Кармышева Б. Х., К вопросу о происхождении локайцев, Советская этнография, № 4, 1952.

² Борнс А., Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849. На стр. 367 перечислены 32 главнейших узбекских рода и среди них есть локайцы с указанием их места обитания в Гиссаре. Хорошхин А. П. в «Сборнике статей, касающихся до Туркестанского края» (СПб., 1876, стр. 512) среди 92 узбекских родов на 82 месте помещает род Локай. У Логофет Д. Н. в работе «На границах Средней Азии» (кн. III, СПб., 1909, стр. 53) среди 102 узбекских родов на 6 месте помещает локайцев. Панков А. в статье «Население Таджикистана», помещенной в сборнике «Таджикистан» (Ташкент, 1925), узбекский род Локай, наряду с родами Таз, Катаган, Кунград и Мангыт, относит к числу «наиболее чистых, подлинных «благородных» узбекских родов» (стр. 90).

³ Льютко Ф. И., Басмачество в Локае, М.—Л., 1929, стр. 28; Азаров С. Г. и Бригис О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930, стр. 62; Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 222.

⁴ Среди племен узбеков, участвовавших в завоевании Шейбани-ханом Мавераннахра, локайцы не упоминаются. (Семенов А. А., К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, труды АН Таджикской ССР, том XII, Сталинабад, 1954, стр. 24 и 29, Массон М. Е., К истории происхождения локайской лошади, Известия ТФАН СССР, № 15, 1949, стр. 52; Мукминова Р. Г., К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., Известия АН Узбекской ССР, № 1, Ташкент, 1954, стр. 74.

⁵ Магидович И. П., Население Бухары, Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, Ташкент, стр. 198.

создали самое обширное из существовавших до тех пор кочевое государство от границ Китая до пределов Ирана в Византии».¹

Как И. П. Магидович, так и М. Е. Массон подчеркивают связь локайцев с карлуками, а подтверждение этой связи видят в их совместном расселении в настоящее время.²

Кроме того, И. П. Магидович, основываясь на совпадении некоторых локайских этнонимов с родовыми названиями казахского племени аргын, считает, что «часть локайцев составила из осколков древнего тюркского племени аргын, почти не встречающегося среди остальных узбеков».³ М. Е. Массон говорит об этом менее уверенно: «Если исходить из приведенного народного предания локайцев о роли в их судьбе Чингиз-хана и из сближения их по сходству некоторых упомянутых родовых названий с аргынами, то появление племени локай в Восточной Бухаре можно было бы связать с теми передвижениями аргынов, которые имели место в начале XIII в. и на которые обратил внимание еще Н. А. Аристов. Как установлено, в результате деятельности Чингиз-хана, аргыны подались тогда на запад впереди найманов и кереев. Нельзя, однако, упускать из виду, что передвижения части аргынов могли происходить задолго до завоевания монголами Средней Азии и, кроме того, что предки локайцев могли появиться в Южном Таджикистане совершенно самостоятельно от аргынов, связь с которыми пока не доказана».⁴

Несколько строк локайцам посвящено в обширном коллективном труде «История народов Узбекистана». Авторы этого труда по существу присоединяются к точке зрения И. П. Магидовича, относя локайцев, наряду с племенами тюрк, карлук, туркмен, уйгур и др., к числу вероятных потомков наиболее древней части населения Средней Азии.⁵

Коренной недостаток приведенных выше гипотез заключается в том, что они не опираются на фактический исторический и этнографический материал, а высказываются в порядке общего предположения.

Приступая к попытке объяснить происхождение локайцев, обратимся прежде всего к названиям родов и родовых подразделений локайцев и сравним их с доступными для нас материалами по родовому составу других тюркских народов: казахов, киргизов, узбеков, туркмен и др. Мы, конечно, не намерены утверждать, что за каждым совпадением этнонимов различных народов непременно кроется указание на родство или единство их происхождения. Среди родоплеменных названий, бытующих иногда в течение многих сотен лет, живут, несомненно, и такие, которые возникли совсем недавно и произошли преимущественно от собственных имен и прозвищ отдельных лиц. К таким названиям, как нам кажется, следует отнести, например, следующие этнонимы локайского племени: Кул-бечче,⁶ Мулла-бечче, Кельди-бек, Баки-бечче, Нар-бечче, Али-бечче, Гульмурза-бечче, Буйра, Самарканды, Эвледи-Хасан, Эвледи-Назар, Палван, Кусе, Сакау, Эвледи-Хусан, Тентек-эвлэд, Шакасым-бечче, Хелпе-бечче, Мурат-бечче, Алим-бечче, Ураз-бечче, Усуп-бечче, Алла-Назар, Бай-Назар, Науруз, Кесп и, возможно, еще некоторые другие. Но большинство локайских этнонимов, видимо, древнего происхождения. Это те этнонимы, которые не встречаются среди локайских личных имен

¹ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

² Магидович И. П., Ук. соч., стр. 198.

³ Магидович И. П., Ук. соч., стр. 198; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

⁵ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 290.

⁶ Бечче — от таджикского «бача» — дитя, юноша.

и прозвищ, а также в лексике современного локайского говора узбекского языка и подлинное значение которых уже не понятно народу. Часть этих этнонимов встречается среди родовых названий других тюркских народов, указывая на истинную близость отдельных компонентов, из которых сложились эти народы.

Результаты приведенного нами сравнения изложены в таблице 2.¹

Наименование «локай» у других тюркских народов и племен пока не встречено. Можно предполагать, что оно возникло относительно поздно, возможно, во время окончательного сложения локайского союза уже на современной его территории, и происходит от имени предводителя какого-либо рода или племени, сыгравшего большую роль в организации союза, как об этом говорят локайские предания (см. ниже).

Из зарегистрированных нами 159 названий локайских родов и родовых подразделений 74 обнаружены среди родовых названий других тюркоязычных кочевников.

Из таблицы следует, что локайцы не имеют общих этнонимов с до-узбекскими племенами Южного Таджикистана, за исключением двух названий: весьма сомнительного созвучия локайского Шекей с Шакайди у карлуков, проживающих в Афганистане,² и совпадения одного элемента этнонима Тентек-эвлад с барласским Кырк-тентак и Эллик-тентак.³ Последнее совпадение может быть совершенно случайным, так как слово тентак (придурковатый, глупый, сумасбродный) часто употребляется в обиходной речи.

¹ Для сравнения этнонимов, а также тамг, помимо собранного нами полевого материала, привлекались данные следующих работ: Абуль-Гази Бохадур-хан, Родословная туркмен, Ашхабад, 1897; Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Живая старина, в. III и IV, СПб., 1896; того же, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований, Живая старина, вып. III и IV, СПб., 1894; Бернштам А. Н., Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, № 4, 1948; Гребенкин А. Д., Узбеки, Русский Туркестан, М., 1872; Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Ташкент, 1889; Джемгерчинов Б., Из генеалогии киргизов, Сб. «Белек» С. Е. Малову, Фрунзе, 1946; Жданко Т. А., Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Задыкина К. Л., Узбеки дельты Аму-Дарьи, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952; Карпов Г. И., Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3—4, 1945; его же, Родовые тамги у туркмен, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3—4, 1945; капитан Комаров, Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих левый берег Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя, 1886, Сборник материалов по Азии, вып. 25, СПб., 1887; Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I, Ташкент, 1926; Мещкова В. Г., Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1950; Маргуланов А., Наймаши, Казахи, Сб. III, Л., 1930; Потапов Л. П., Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; Радлов В. В., Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887; его же, Средняя Зеравшанская долина, ИРГО, т. VI, СПб., 1880; Семенов А. А., К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Сталинабад, 1954; Ситниковский Н., Генеалогическая таблица у полукошевого узбекского рода кунград, Изв. Турк. Отд. РГО, т. VII, 1907; Сыдыков А. С., Родовое деление киргиз, Сборник В. В. Бартольд, Ташкент, 1927; Шмидт Э. А., Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда, Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927 и др.

² Полевая запись от 28 июля 1950 г.

³ Полевая запись от 19 августа 1949 г.

Больше всего сходных этнонимов локайцы имеют с казахами (52), в частности с такими племенами, входящими в Средний жуз (33), как аргын, найман, керей, кыпчак. При анализе названий казахских родов Большого и Младшего жузов, совпадающих с локайскими, оказывается, что некоторые из них происходят также от указанных четырех племен, образовавших Средний жуз. Таким образом, количество совпадений локайских этнонимов с этнонимами племен Среднего жуза фактически увеличивается.

Н. А. Аристов доказал, что роды Турт-оул и Суюндук являются аргынскими, а в состав других племен они попали во время передвижений и смешений.¹ С названием Байрам, например, мы не встречаемся у казахов. Однако у аргынов и найманов имеется род Майрам.² Аристов приводит аргынское сказание о том, что у одного из потомков Алача, родоначальника всех казахов, был сын Аргын. У него от старшей жены родился сын Майрам, а у последнего было 2 сына — Кувандык и Суюндук.³

У аргынов казахских есть и род Кувандык.⁴ И. П. Магидович отождествляет его с локайским Куюндук.⁵ Последнего названия среди локайцев нам не приходилось встречать, хотя вполне возможно, что в 20-х годах и было какое-либо мелкое подразделение под таким названием. У локайцев распространено собственное имя Кувандык. Таким образом, локайское название Байрам может считаться аргынским. Кроме того, можно допустить, что в прошлом у локайцев был и род Кувандык (Куюндук, зарегистрированный в 1924 г.) также аргынского происхождения.

И. П. Магидович локайский этноним Бурундук отождествляет с аргынским Бегендик, который встречается и у туркмен племени теке. Однако нам такое отождествление кажется сомнительным, так же, как отождествление Магидовичем локайского Девет с туркменским Дат. Локайское родовое название Джака, созвучное с Джакай (Джакау) казахов Младшего жуза, может рассматриваться как аргынское, так как оно у казахов принадлежит подразделению рода Кара-кисяк, который, как доказал Аристов, является аргынским.

Среди зарегистрированных этнонимов Большого жуза нами обнаружено 16 названий, сходных с локайскими. Из них только 4 — Кармыш, Бадрак, Карача и Кунту — не имеют себе аналогий среди этнонимов Среднего и Младшего жузов. Однако название Кармыш встречается еще среди родовых подразделений рода Кыпчак киргизского племени ичкилик, которое считается чуждым киргизам,⁶ и, следовательно, род Кармыш по своему происхождению примыкает к племени кыпчак Среднего жуза казахов.

Из всех известных нам киргизских этнонимов 20 совпадают с локайскими, причем пять из них встречаются и среди этнонимов Среднего жу-

¹ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 358—366.

² У казахов, так же как и у узбеков «Майрам» произносится двояко: «Майрам» и «Байрам».

³ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 363.

⁴ Там же, стр. 362.

⁵ Магидович И., Ук. соч., стр. 198.

⁶ В числе родов племени ичкилик встречаются те же названия Найман и Кыпчак, которые входят в состав Среднего жуза, а также род Кесек Младшего жуза, происходящий от аргынов (Аристов Н. А., Заметки..., стр. 378). По Ч. Валиханову, в середине прошлого столетия киргизские племена еще не признавали ичкиликов истинными киргизами, родственными себе (Аристов Н. А., Опыт выяснения..., стр. 428).

за; в числе последних такие древние наименования, как Тума и Чура.¹ Среди остальных, т. е. не имеющих аналогий в этнонимах Среднего жуза, есть уже отмеченный нами род Кармыш, а также род Кызыл-бай. Последний, как и Кармыш, будучи подразделением племени ичкилик, является иноплеменной примесью среди киргизов и примыкает генетически к племенам Среднего жуза.

Из всего сказанного становится очевидным, что значительная часть локайцев сложилась из тех же этнических компонентов, что и казахи Среднего и частично Младшего жузов. Очевидна также связь локайцев с древним тюркским племенем аргын, являвшимся одной из составных частей Среднего жуза.

Следует остановиться еще на одном этнониме. У локайцев под названием Курдек известен многочисленный род — подразделение рода Эсен-ходжа. Такое же название имеется у тобольских и тарских татар,² которые живут в непосредственном соседстве с казахами Среднего жуза, имеют с ними некоторое родство в происхождении и общую историческую судьбу на длительном отрезке времени, когда они входили в Улус Джучия, его сына Шейбана, а позже — Абульхайра. В. В. Радлов считает роды Курдак, Туралы и Аялы с древности живущими в Сибири и отмечает, что Курдаки, по сравнению с Туралы, мало смешались с пришлыми «бухарцами».³

Некоторые наши информаторы-локайцы род Курдек считают самостоятельным. Кувандык Алишев из рода Эсен-ходжа (житель кишлака Шурча Яванского района) рассказал нам предание о том, что родоначальник эсенходжинцев женился на женщине, имевшей сына от первого брака. Этого пасынка Эсен-ходжи и звали Курдек. Потомство Курдека, согласно преданию, не принадлежит к собственно эсенходжинскому роду. Видимо, осколок рода Курдек сибирских татар в свое время пристал к одному из казахских (узбекских) родов, вошедших впоследствии в состав локайцев. Еще Н. А. Аристов заметил, что если какой-либо род или осколок племени присоединяется к другому племени, то в народном сознании это находит отражение в виде преданий, в которых родоначальник чуждого по происхождению (присоединившегося) племени считается приемным сыном или сводным братом родоначальника основного племени.

В таблице указано несколько других совпадений локайских этнонимов с этнонимами народов Южной Сибири. В этой связи хотелось бы еще отметить локайский род Мраз, созвучный с названием реки Мрас-Су, бассейн которой населяют шорцы.

Обращает на себя внимание, что среди этнонимов узбекских племен встречается очень мало совпадений с локайскими родовыми названиями. Это объясняется, возможно, недостаточностью сравнительного материала. Если бы существовали подробные списки родов и мелких родовых подразделений по отдельным узбекским кочевым племенам, как это

¹ Чура относится к племени саяк, которое считалось происходящим не от законной жены Тагая, а от наложницы, поэтому главные киргизские роды относились к нему с некоторым пренебрежением. Стало быть, как отмечает Н. А. Аристов (Опыт выяснения..., стр. 442), племя саяк было инородным у киргизов. Интересно отметить, что в предании о локайском роде Алтымыш предводитель его назван Айнакул-саяк.

² Аристов Н. А., Заметки..., стр. 350; Радлов В. В., Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887, стр. 25.

³ По сообщению В. В. Храмовой, название курдак до сих пор живет в памяти тарских татар. Бухарцами в Сибири называют потомков торговцев, выходцев из Средней Азии, осевших среди тобольских и тарских татар и ассимилировавшихся с ними.

имеется по казахам, то, возможно, этих совпадений было бы значительно больше. Однако вполне возможно и то, что локайцы, по сравнению с другими узбеками, составились из несколько иной группы дештикыпчакских племен.

Обратимся к локайским тамгам, хотя они, к сожалению, могут рассказать очень немногое, так как, повидимому, давно утратили значение родового знака и уже до революции воспринимались только как знаки собственности отдельных баев. Они выбирались тем или иным скотовладельцем совершенно случайно, независимо от его родовой принадлежности.

Ряд локайских тамг опубликован в работе Г. Г. Хитенкова.¹

Несколько тамг с указанием владельцев изобраили нам старики-коневоды:

- ∞∞ Байназар-хаджи
- Г Тюрахан-бай
- + Шаполат-бай
- q Хатим-бай
- l Каурак-бай.

Тамги локайцев обнаруживают сходство с приводимыми ниже:

- +× казахские племена керей, алчи, тлеу, каракалпакское племя кенегес, туркменские племена номуд, сарык, теке;
- l казахские племена кыпчак и канглы, каракалпакское племя кыпшак, ногайское племя тортунулоуас, туркменское племя теке (подразделение Конгур рода Тохтамыш и подразделение Букри рода Векиль);
- казахские племена найман и кунграт;
- ψ казахское племя сергеле (род Уштамгалы);
- qф туркменское племя теке (среди ряда других тамг в ауле Меана, населенном смешанными родами);
- :- туркменское племя номуд (род Ушак).

Из приведенного обзора сходных этнонимов и тамг можно сделать следующие выводы:

1. Локайцы, как и многие другие узбекские племена, по происхождению не являются кровнородственной группой, это конгломерат тюркско-монгольских племен и родов. В состав их исторических предков вошли тюркоязычные этнические элементы, общие с казахами, киргизами, частично сибирскими татарами и другими тюркоязычными народами Южной Сибири, которые участвовали также и в этногенезе кочевых узбеков, туркмен, каракалпаков и некоторых других тюркоязычных народов. На этом основании можно утверждать, что в состав локайцев вошли кыпчакские тюркоязычные племена и группы, которые дробились и расходились, смешивались и скрещивались в результате распада Улуса Джучия.

2. Локайцы в основном — выходцы из северо-восточной части Улуса Джучия, т. е. из Улуса Шейбана, о чём говорят многие их этнонимы, общие с этнонимами населения этой части Дешти-Кыпчака.

3. Этнонимические материалы не подтверждают связи локайцев с племенами тюрк и карлук, обитавшими в южной части Таджикистана.

Узбекоязычные племена² Южного Таджикистана можно разделить на две резко отличные одна от другой группы. В первую группу входили:

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 220.

² Термин «племя» в данном случае мы употребляем совершенно условно.

тюрк, карлук, барлас, муса-базари, кальта-той и мугул,¹ во вторую группу — локай, дурмен, кунграт, катаган, марка, каучин, кесамир и семиз.

Первая группа, за исключением мугулов, называет себя тюрками, а вторая — узбеками. Об этом различии писал еще в 1920-х годах покойный Н. Г. Маллицкий: «Карлуки, барлосы и муса-базари называют себя тюрк». Отметив монгольское происхождение барласов и мугулов, Н. Г. Маллицкий продолжает: «Перечисленные народы тюркского и монгольского происхождения, очевидно, пришли на территорию нынешнего Таджикистана еще до появления здесь узбеков и несколько отличаются от них по языку и обычаям».²

К числу узбеков, пришедших с Шейбани-ханом, Н. Г. Маллицкий относит кунгратов, дурменов, катаганов и, с оговоркой, локайцев. «Локайцы, — пишет он, — держатся несколько обособленно не только от таджиков, но и от тюрков, и отличаются также и своею наружностью, более чистым тюркским типом, хотя среди них есть много светловолосых и сероглазых (черта, несвойственная вообще тюркам)».³

Согласно нашим материалам, эти две тюркоязычных группы, которые мы условно будем называть «тюрко-карлукская» и «узбекская», отличаются между собой прежде всего по языку. Представители первой группы говорят на весьма близких друг другу говорах среднеузбекского диалекта (по терминологии проф. А. К. Боровкова),⁴ или чагатайского наречия (по терминологии некоторых, более ранних классификаций). Представители второй группы говорят на сходных говорах джекающего диалекта (по Боровкову), или кыпчакского наречия (по более ранней терминологии).⁵

Следует отметить, что если представители второй, кыпчакской группы, в том числе и локайцы, не владеют таджикским языком (особенно женщины), то значительная часть тюрко-карлукской группы двуязычна, включая и женщин, а у племени тюрк во многих горных районах Таджикистана идет интенсивный процесс полного вытеснения родного языка таджикским. Этот процесс дошел до такой степени, что тюрки нередко называют себя таджиками рода Тюрк.

Различие между этими двумя группами проявляется и во внешних антропологических особенностях. Даже неспециалисту бросается в глаза это внешнее антропологическое различие между представителями обеих групп, особенно между карлуками и локайцами. Научное подтверждение этому дали работы Кулябской этнографо-антропологической экспедиции 1952—1953 гг., осуществлявшейся совместно Институтами истории, археологии и этнографии Академий наук Таджикской и Узбекской ССР. Перед экспедицией была поставлена задача антропологического обследования населения по этническим и родоплеменным группам. Согласно предварительным данным, любезно сообщенным начальником антропологического отряда В. Я. Зезенковой, карлуки по типу оказались близкими к таджикам (европеоидный тип Среднеазиатского междуречья), тогда как локай-

¹ Произносится различно: мугул, могол, могул, мугол.

² Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 62 (разрядка наша — Б. К.).

³ Там же, стр. 64.

⁴ Боровков А. К., Развитие узбекского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, Известия Академии наук Уз.ССР, № 4, 1951, стр. 6.

⁵ В связи с тем, что до сих пор в узбекской диалектологии нет установившейся классификации говоров, мы были вынуждены привести и более раннюю терминологию.

цы, наоборот, оказались резко отличными от таджиков и стносящимися к монголоидной группе.

Если мы обратимся к хозяйственной деятельности и материальной культуре, то и здесь найдем большую разницу между двумя рассматриваемыми группами. Мы не имеем возможности здесь дать обстоятельное описание этих различий. Но в связи с наличием устойчивого, хотя ничем не обоснованного мнения о близости карлуков и локайцев, считаем необходимым все же указать некоторые различия и в этом отношении.

Основным, а в некоторых районах даже единственным занятием тюрко-карлуковской группы в прошлом было овцеводство; разводились овцы так называемой гиссарской породы, которая среди местного населения называлась тюркской.¹ В хозяйственной деятельности племен узбекской группы животноводство хотя и занимало ведущее место, но не имело единого направления. Локайцы, например, были известны как коневоды, кунграты — как верблюдоводы, марка — как коневоды и рисоводы и т. д.

Конечно, среди локайцев, как и среди некоторых других групп узбеков (дурмен, кунграт, катаган и, особенно, марка), встречались крупные овцеводы, но это занятие не считалось спецификой этой группы, тогда как для тюркской группы (особенно для карлуков) разведение гиссарской овцы было специфично. Образ жизни, материальная культура, народное изобразительное искусство и некоторые обычаи и обряды как локайцев, так и вообще всей узбекской группы носят черты, общие для культуры кочевников Дешти-Кыпчака. Вплоть до 20-х годов XX в. локайцы, дурмены, кунграты, марка и другие узбекские группы жили преимущественно в войлочных юртах. Остов локайской юрты, как и юрты казахов, состоял из решетки «кереге», которая нередко ставилась в два яруса, и палок «уук», составляющих остов крыши и вставляемых в деревянный дымовой круг «чангарак».

Карлуки, барласы, тюрки (неосевшая часть), калта-той — тоже жили в юртах (в некоторых местностях до сих пор рядом с глинобитным домом ставят войлочную юрту), но другого типа, достигающих иногда очень больших размеров (до 15 и более метров в диаметре). Каркас этого жилища имеет полусферическую форму и представляет собой сплошную решетку. Решетчатые стенки и купол его образуют одно целое и состоят из перекрещивающихся деревянных дуг. Дуги составные, из согнутых палок, связанных в местах соединения.

Очаги и у локайцев, и у карлуков вырыты в земле, но имеют различную форму, хотя и те, и другие пекут хлеб на каменной плите, кипятят чай в чугунных или медных кувшинах и варят пищу в чугунных (раньше медных) котлах.

Представители узбекской группы ткют узорные паласы (ковры без ворса), мелкие ковровые предметы с ворсом и вышивают. Особенно известны как искусные вышивальщицы и ткачихи локайские женщины. Карлуки и тюрки не знают тканья узорных паласов (приобретают их у локайцев) и не вышивают. Даже тюбетейки во многих районах карлуки и тюрки покупают у локайцев или таджиков.

Орнамент локайских вышивок и ковров² очень близок, порой совер-

¹ Кармышева Б. Х., К истории происхождения гиссарской овцы, Доклады АН Таджикской ССР, вып. 7, Сталинабад, 1953, стр. 45—50.

² Образцы локайского орнамента даны в вышеуказанной нашей статье—К вопросу о происхождении локайцев, Советская этнография, № 4, 1952.

шенно тождественен с бытующим у катаганов, семизов, кесамиров, дурменов, кунгратов и других узбекских групп и имеет много общего с орнаментом казахов, киргизов и туркмен. Несомненно, что истоки и история развития этого орнамента общие.

В одежде и украшениях обеих групп, несмотря на большое внешнее сходство, имеются значительные различия. Например, цвет и размеры чалмы и особенно способ ее наматывания у карлуков и локайцев совершенно различны. Карлукская чалма существенно отличается и от таджикской. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Карлуки, как и другие представители тюрко-карлукской группы, хотя и разводят лошадей, но не знают кумыса, а у локайцев кумыс был в недавнем прошлом любимым напитком.

В обычаях и обрядах локайцев, как и других узбеков, обнаруживается общность с таковыми у казахов. Например, свадебные обряды локайцев, катаганов и марка вплоть до деталей совпадают со свадебными обрядами казахов, чего нельзя сказать о карлукской свадьбе.

Конечно, обе рассматриваемые группы имеют и некоторые общие черты в быту и особенно в хозяйстве, в частности в животноводстве. Эти сходные черты, видимо, обусловлены, с одной стороны, кочевым экстенсивным скотоводством, которое с древнейших времен составляло основное занятие обеих групп; с другой стороны — их совместной жизнью на общей территории в течение ряда веков. Кроме того, обе рассматриваемые группы в значительной степени подверглись воздействию культуры и быта окружающего таджикского населения.

Приведенные выше материалы позволяют поставить под сомнение предположение И. П. Магидовича и М. Е. Массона о «какой-то связи» локайцев с карлуками «на длительном отрезке исторической жизни»,¹ а также категорическое утверждение М. Е. Массона о том, что «в данный момент можно считать установленным, что появление локайцев в бассейне правых притоков верхнего течения Аму-Дарьи на много веков предшествовало завоевательным походам Шейбани-хана в XVI столетии».²

Локайцы, наряду с катаганами, дурменами, семизами, кесамирами, марка и кунгратами, считают себя узбеками, при этом — выходцами из Балха. Они обычно относят себя к одной из многочисленных ветвей (шах, таипа) племени катаган. Вместе с тем они подчеркивают, что карлуки к узбекам не относятся.

Нам неоднократно приходилось слышать от стариков-локайцев, что «в основе своей локайцы — узбеки, родина узбеков — Балх»; «локайцы и катаганы — одно и то же, локайцы отделились от катаганов»; «локайцы, наряду с дурменами, марка и кунгратами, одна из ветвей узбеков; карлуки и тюрки к узбекам не относятся».³ При этом наши информаторы всегда подчеркивали, что с катаганами и другими узбеками, принадлежность которых к дештыкыпчакским узбекам (катаган, кунграт, дурмен,

¹ Магидович И. П., Ук. соч., 198; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52.

² Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53.

³ Один из локайцев — Маматмуса Хантов (71 г.) в подтверждение своих слов рассказал, что до Советской власти Гиссарское бекство делилось на 18 амлякдарств (амлякдарство — поземельно-податный участок, Б. К.). В большие праздники в Гиссаре устраивались состязания по борьбе представителей различных амлякдарств. При этом обычно разбивались на две партии: первую партию составляли узбеки, а вторую — таджики, карлуки и тюрки. Гиссарские узбеки составляли амлякдарства: дурмены — одно, марка — одно, а локайцы — два, так как род Эсен-ходжа и род Бадраллы составляли отдельные амлякдарства. Остальные 14 амлякдарств Гиссарского бекства слагались из представителей таджиков, тюрков и карлуков.

марка и др.) не вызывает сомнений, у них одинаковый образ жизни и одинаковые обычаи, в чем мы сами убедились. Общее происхождение с ними локайцы осознавали еще до консолидации узбеков в единую узбекскую социалистическую нацию. М. С. Андреев, будучи в Кокташе в 1925 г., записал от локайского бия Абдурашида из рода Эсен-ходжа: «Кунрат, локай, катаган, дурмен считаются одной племенной группой (97 родов). Он не знает, к какому роду примыкает локай — либо к кунрат, либо к катагану. Общей родовой тамги нет. Урана и птицы также нет».¹

Особенно интересно отметить, что еще более ста лет назад Александру Борнсу, когда он проезжал близ Гиссара, говорили о локайцах, как об узбеках.²

В этой связи приведем несколько легенд, записанных нами во время полевой работы. От жителей Кокташа Икрамкула Чарикулова из рода Эсен-ходжа и Абилова из рода Бадроглы 2 ноября 1947 г. записано следующее предание. Как им рассказывал сказитель, ныне покойный Бабахан-саки из кишлака Иккинчи Джалтыр-кепе, локайцы распространились от катаганов, которые, по его словам, мало отличаются от локайцев и якобы делятся на 110 родов.

Локайцы переселились в Таджикистан из Балха 8 поколений (пушт) тому назад. Родословную свою локайцы ведут от Кармыша, единокровного брата Чингиз-хана. У него было 16 сыновей катаганов («ун олты ул катаган»), одним из которых был Лакай. Кармыш еще при жизни роздал весь свой скот сыновьям, но забыл только Лакая, самого младшего. Лакай явился с претензией к отцу. Отец ответил: «Имущество (мол) твоих братьев — твое. Когда тебе будет нужно, можешь брать у них». С тех пор локайцы считают, что имущество родов племени катаган якобы им дозволено (халол), так как завещено отцом.

В число 16 подразделений катаган (ун олти уру катаган), по словам рассказывавших, входят: Локай, Дурмен, Кунрат, Курт, Таз, Марка, Катаган, Мугул, Каучин, Найман, Уч-уул, Байрам; остальные 4 рода сообщавшие нам эти сведения локайцы не смогли вспомнить. Карлуки в число узбекских родов не входят.

Чингиз-хан оставил локайцев как разведку в Балхе, а в Самарканде оставил племя кырк-мен-джуз.

Вышеизложенное является частью обширного предания о происхождении локайцев, которое записано нами от других лиц.³ Приведем это предание с некоторыми сокращениями.

В Балхе во времена правления царя Махмуда (по другой версии — Магруп-ша) при его дворе жил сынчи (профессиональный знаток и ценитель качества лошадей, конюший) по имени Дугон. Однажды царь вызвал к себе сынчи и приказал, осмотрев всех его коней, отобрать тулпаров.⁴ Среди коней царя не оказалось ни одного тулпара. В это время

¹ Архив Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. На запись о локайцах в архиве проф. М. С. Андреева любезно указала нам А. К. Писарчик.

² Борнс А., Путешествие в Бухару, ч. II, М., 1848, стр. 366.

³ Оно записано нами осенью 1945 г. от упомянутого выше сказителя Сулеймана Умарова, а также 31 октября 1947 г. от Маматмуса Хантова из рода Бадроглы и, наконец, от старика Эшкюата 104-х лет из кишлака Девет Советского района. Последняя запись сделана 4 октября 1948 г. учителем Дусаевым Куганом.

⁴ Тулпар — резвый, скаковой конь; сказочный конь с невидимыми крыльями в эпических поэмах. Обычно эти крылья, по представлению локайцев, могли заметить только очень опытные сынчи.

один юродивый (девона) привел Дугону тощую клячу.¹ Дугон, испытав клячу, сказал царю: «Вот он тулпар!». Хан был оскорблен таким выбором своего конюшего и в гневе приказал выколоть ему глаза. После приведения в исполнение этого приговора Дугон стал называться сүкир, т. е. слепым.

У Дугон-сукира был младший брат по имени Думбугул, которому он велел купить клячу, а затем обратился к хану с просьбой дать ему сорок дней срока. «И пусть тогда, — сказал он хану, — лучшие скакуны твоей конюшни попробуют состязаться с моей клячей! Если твои скакуны не смогут догнать ее, то ты в день страшного суда заплатишь виру (хун) за мои глаза!». Хан дал согласие. Когда прошло сорок дней, Дугон-сукир ощупал руками тело лошади и обнаружил в одном месте маленькую ямку, еще незаполненную мясом. Братья попросили у хана еще сорок дней. Хан согласился. По истечении этого срока конь был готов к любому состязанию, но братья, узнав о намерении хана повесить их, бежали из Балха в Хисар.

Далее идет длинный рассказ о погоне, о том, как благодаря знаниям и хитрости слепого сыни удается братьям уйти от погони и как их конь, перепрыгнув через Аму-Дарью, спасает их.²

Братья некоторое время жили на берегу реки, добывая себе пропитание охотой. Младший из братьев охотился и с тех пор стал называться Думбугул-мерген (мерген—охотник). Коня своего братья отпустили, и он ушел к катаганскому роду Борка. От этого тулпара пошла порода лошадей борка, маленьких, но очень резвых.

Однажды Думбугул-мерген увидел плывущий по реке сундук. В этом сундуке оказались две девушки, одна из которых была царевной. На царевне женился старший брат, а на второй девушке — младший брат.

Тут рассказчик делает отступление и рассказывает о том, как девушки попали в сундук.

Одного из потомков Исака, сына пророка Ибрагима, звали Адхам. У него была младшая сестра по имени Анор. Жители города, в котором жили брат с сестрой, начали замечать, что девушка по ночам покидает дом и проводит ночь в обществе чужих мужчин. Об этом они сообщили Адхаму, чтобы он наказал сестру. Брат, убедившись, что Анор по ночам посещает в пещере мужчин, являющихся чильтанами,³ не осудил ее. Соседи, видя, что Адхам ничего не предпринимает, донесли о поведении девушки хану. Хан казнил Адхама и его сестру. Перед казнью Адхам говорил хану и народу, что ни он, ни сестра не виновны («Анор ҳам хақ, мен ҳам хақ»). После казни труп его продолжал выкрикивать те же слова. Разгневанный хан приказал сжечь труп Адхама, но и пепел продолжал вопить о правоте. Пепел бросили в реку, но и пена от пепла продолжала кричать: «Анор ҳам хақ, мен ҳам хақ!». Речка привела пену в хауз во дворце хана. Царевна с дочерью визиря из любопытства, обмакнув пальцы в пену, облизили их и от этого забеременели. Хан приказал казнить девушек, но палач, сжалившись, бросил их в реку в сундуке. Девушки, будучи у братьев, Дугон-сукира и Думбугул-мергена, родили от этой пены по мальчику. Трудные роды послужили доказательством их невинности и окружающие сказали про первую: «Чин киз» («настоящая девственни-

¹ По другой версии, сыни купил клячу от проходившего мимо продавца цыновок или у маслобойщика.

² Локайцы Аму-Дарью называют Хому.

³ О чильтанах («сорока святых») см. у М. С. Андреева, «Чильтаны в среднеазиатских верованиях», Сборник В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 334.

ца»), откуда и пошло имя ее сына — Чингиз. Вторая, дочь визиря, сказала: «Дур мен» («Я лучшая жемчужина»). Ребенка ее называли Дурмен, и он стал родоначальником племени дурмен.

От Дугон-сукира царица родила 40 сыновей. Когда они подросли, то Чингиза прогнали, говоря, что у него нет отца.

В это время умер хан этого царства. Птица царства полетела и села на голову плешивого в степи. Этот плешивый был Чингиз. Его избрали ханом.

Чингиз-хан, решив отомстить за прежнюю обиду, начал казнить всех своих братьев. Только одного, Кармыша, мать сумела спрятать, и он жил, не показываясь хану.

В это время в ханстве Чингиза жили 4 брата, которым от их отца в наследство досталась всего одна коза, да и та хромая. Братья решили, что каждый будет владеть только одной ногой козы. Однажды эта коза лежала около горячей золы и от золы загорелась ее хромая нога. Коза побежала к хирману (ток) и от ее ноги загорелся хлеб, лежавший там. Хозяин хирмана повел владельца хромой ноги к хану. Хан наложил на него штраф. Владелец хромой ноги, огорченный, поплелся домой. По дороге ему встретился Кармыш, брат Чингиз-хана и, узнав о причине его горя, посоветовал пойти вновь к хану и сказать, что нельзя привлекать к ответственности больную ногу, которая не могла бежать к хирману, а нужно оштрафовать владельцев здоровых ног. Кармыш просил пострадавшего, чтобы он ни под каким видом не называл хану его имени.

Когда владелец хромой ноги явился к Чингиз-хану, то хан спросил его: «Почему ты не сказал об этом раньше? Значит тебе кто-то посоветовал». Пострадавший долго не хотел называть имя давшего ему совет, но под угрозой того, что иначе штраф не будет снят, был вынужден назвать имя Кармыша. Чингиз-хан пожалел, что убил остальных братьев, так как каждый из них мог бы дать ему хороший совет и братья были бы опорой государства. Визирь посоветовал хану женить Кармыша на нескольких девушках, чтобы было больше потомства.

Чингиз-хан последовал совету и взял для Кармыша 16 жен. Кармыш имел 16 сыновей, от которых и распространились 16 родов катаганов. Самым младшим из сыновей Кармыша был Лакай. (Далее идет уже приведенный нами рассказ о том, как родители забыли наделить Лакай наследством).

Лакай имел четырех сыновей от двух жен: Эсен-ходжа и Турт-оул — от одной жены, Бадраглы и Байрам — от другой жены. Эти четыре брата не стали жить вместе: Эсен-ходжа и Бадраглы, т. е. по одному сыну от каждой матери, отделились и откочевали в Хисар, а Турт-оул и Байрам остались в Бальджуане.¹

По другой версии (запись от локайца Абдукадира Хамидова 1880 г. рождения), Лакай с родителями и братьями жил в Балхе и когда, после раздела имущества, стал забирать у своих братьев все, что захочет, братья прогнали его из Балха. Лакай уехал в Хисар, где на левом берегу реки Иляка (приток Кафирнигана) основал кишлак Лакай-Беги (ныне не существует). Уже будучи в Хисаре, Лакай взял себе двух жен, от которых имел вышеупомянутых четырех сыновей. После смерти Лакай вдовы не ужились и младшая жена со своими двумя сыновьями — Бай-

¹ В сильно сокращенном и измененном виде эту легенду, записанную в начале девятисотых годов, приводит Бендерский Н. А. в своем докладе о Гиссарском крае, Известия Туркестанского отдела РГО, т. VII, 1907, стр. 154.

рамом и Турт-оулом уючевала в Бальджуан, и там основала кишлак Кара-Тюбе. Когда Байрам и Турт-оул подросли, они спустились южнее и Турт-оул уючевал на левый берег Кзыл-Су, а Байрам со своим потомством остался на правом берегу. Произошло все это, по мнению осведомителя, лет 300—350 тому назад (полевая запись от 22 июня 1954 г).

Приведенная легенда интересна тем, что: 1) она говорит о принадлежности локайцев к катаганскому племени; 2) она содержит многие элементы эпического творчества узбеков. Таково, например, опущенное нами описание погони за братьями, которое имеет много общего с описанием скачек в узбекском дастане «Алпамыш». Эпизод с сынци, которому выкололи глаза, помимо «Алпамыша», встречается в известной и очень широко распространенной среди народов Востока эпической поэме «Гуруглы». Там же мы встречаем случай с покупкой клячи у маслобойщика, которая оказалась тулпаром. Вполне возможно, что приведенная легенда в прошлом представляла собой дастан и исполнялась сказителями. Эпические поэмы «Алпамыш», «Гуруглы», «Аваз» и другие исполняются до настоящего времени локайскими сказителями; 3) эта легенда близка по сюжету с легендами киргизов и казахов, приводимыми Н. И. Гродековым.¹

Рис. 4. Сказитель Тулы Хайбатов. Фото П. Г. Чучева.

В легенде о происхождении киргизов мы находим тот же мотив безгрешного зачатия дочерью хана и дочерью визиря от пены, выкрикивавшей слова о правоте. В казахской легенде говорится, что «некая царевна, которую отец никуда не пускал, забеременела от случайно попавшего луча солнца.² Отец бросил ее в воду. Оттуда спас ее охотник по имени

¹ Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы..., стр. 4, 5.

² Сравнить зачатие Алай-Гоа от луча света у монголов. См. Козин С. А., Сокровенное сказание, т. I, М.—Л., 1941, стр. 81.

Домпол. От луча она родила родоначальника царствовавшей фамилии (Чингиз-хана), а от Домпола у нее родились сыновья: Бургельдай, Булаатай, Табанатай, Таргалтай, от которых происходят тюрки у киргизов, (казахов — Б. К.)». ¹ В казахском охотнике Домполе легко узнать локайского Думбугул-мергена.

Приведем еще материалы об этнической принадлежности локайцев, собранные нами у их соседей, например, у катаганов и др.

Катаганы также признают свое родство с локайцами. У них тоже бытует упомянутая легенда о дележе наследства между братьями. Они подчеркивают общность обычаев и образа жизни с локайцами, но только говорят, как об отличительном признаке, о былых разбойничьих тенденциях в характере локайцев и о своем миролюбии.

Таджики определенно относят локайцев к узбекам. В тех горных районах, где живут вперемежку таджики, локайцы, карлуки и тюрки, население называет узбеками только локайцев, именуя их даже не локайцами, а просто узбеками. Например, если говорят, что в таком-то кишлаке живут узбеки, это значит, что там живут локайцы. По отношению к карлукам или тюркам термина «узбек» не применяют.

Карлуки тоже называют локайцев узбеками, а некоторые группы их даже говорят про себя, что они скорее таджики, так как давно уже стали с таджиками «дядями и племянниками» (тоға-жиян), ² и никогда не причисляют себя к узбекам. Карлуки при этом считают себя исконными жителями этих мест. Отсюда видно, что локайцев их соседи называют узбеками. Это совпадает с тем, что сами локайцы, также именуют себя узбеками, относят себя к узбекам. ³

Теперь обратимся к вопросу о времени прихода локайцев в бассейн правых притоков Аму-Дарьи. По этому поводу в литературе имеются следующие предположения:

1. Локайцы пришли сюда вместе с карлуками в VIII в., до прихода арабов, а возможно даже и в VI в., и являются, следовательно, потомками тюрков Тюркского каганата.

2. Локайцы пришли в числе тюркских и монгольских войск Чингиз-хана в первой четверти XIII в. или немного ранее, так как не исключена возможность, что они являются потомками аргынов, продвинувшихся на юго-запад вместе с найманами и керейями в результате разгрома Чингиз-ханом государства Кучлука.

3. Локайцы — узбеки и, следовательно, они пришли с Шейбаниханом в XVI в.

Таким образом, локайцев считают потомками тюркских пришельцев в Среднюю Азию. Разногласие существует только в отношении того, потомками каких из тюркоязычных пришельцев являются локайцы.

Нам кажется, что за возможных потомков тюрков времен Тюркского каганата можно было бы принять не локайцев, а племя тюрк, ибо тюрки, так же как и аборигены-таджики, оттеснены в горы позднейшими завоевателями и живут на границе двух этнических территорий: к северу от них начинается сплошная таджикская территория, а к югу — почти

¹ Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы..., стр. 4—5.

² Тоға — дядя по матери; карлуки женились на таджичках, но своих девушек за таджиков не выдавали; жиян — племянник.

Узбекские термины и выражения даются в написании современных узбекским алфавитом.

³ Локайцы, как и другие полукучевые в прошлом узбекские племена, этимологию слова узбек большей частью выводят от ўзи бек — сам себе бек, независимый. (Гребенкин А. Д., Узбеки, Русский Туркестан, Сборник, изд. по поводу Политехнической выставки, М., 1872, стр. 54).

сплошь (исключая наиболее высокие части гор) живут тюркоязычные народности.¹ Далее, племя тюрк, как мы уже отмечали, более других групп тюркоязычного населения Южного Таджикистана подверглось влиянию языка и культуры таджиков, во многих районах большинство из них полностью отаджичилось и утратило былое деление на роды. Тюрки бывшего Рахатинского района (Гиссарская долина), до революции сохранявшие кочевой образ жизни, еще имели родовые деления (авлод). Наличие среди названий их родов таких, как Авлоди-кыргыз и Авлоди-джата,² говорит о том, что они включили в себя и более поздних пришельцев.³

К ранним тюркоязычным пришельцам в Среднюю Азию нужно отнести и карлуков. Карлуков Южного Таджикистана, пронесших свое название через многие века, можно считать, присоединяя к мнению И. П. Магидовича, Н. Г. Маллицкого и М. Е. Массона,⁴ историческими потомками тех карлуков, выходящих из Алтая, передавая часть которых в VIII в. уже жила в верховьях Аму-Дарьи, и которые известны в истории под названием тохаристанских карлуков.⁵

Карлуки, так же как и тюрки, постепенно оттеснялись более поздними завоевателями на восток и юго-восток, в горы; большая часть их живет теперь в Афганском Бадахшане вместе с тюрками и мугулами. Однако нет никаких данных считать, что локайцы пришли сюда в составе карлуков. Изложенный выше материал, свидетельствующий о различиях карлуков и локайцев, говорит против этого.

Среди доузбекских групп тюркоязычного населения на интересующей нас территории во времена Тимуридов встречаются и аргыны, которые для нас представляют особый интерес. Однако наличие аргынов среди чагатайских (по языку) племен не должно, как нам кажется, заставлять нас считать их непременно теми самыми аргынами, которые вошли в состав локайцев. Аргыны-чагатаи, активные участники бурных событий в государствах Тимуридов, в частности Султана Хусейна, по своему языку и образу жизни не должны были особенно отличаться от тех же чагатаев-барласов, в то время как локайцы-узбеки отличались от чагатаев. Аргыны, жившие в Мавераннахре еще до узбеков, могли придти туда в составе войск Чингиз-хана, а часть их могла прибыть туда и раньше, впереди разгромленных Чингиз-ханом найманов, как это допускает проф. М. Е. Массон. Впоследствии они могли раствориться в чагатайской сре-

¹ Как здесь, так и в дальнейшем, мы будем исходить из данных расселения племен, относящихся к дореволюционному периоду. Кроме того, здесь мы имеем в виду тюрков, проживающих только в Гиссарской долине и Южном Таджикистане.

² Джете — разбойник, наместилево прозвище, данное чагатаями Мавераннахра чагатаям Моголистана со второй половины XIII в. По И. П. Магидовичу (ук. соч., стр. 222), джата — племенное название 145 узбеков в верховьях Сурхан-Дарьи (на Тупаланг-Дарье).

³ Более подробно о тюркоязычном населении Южного Таджикистана см. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического исследования Кулябской области, Известия Отделения общ. наук АН Таджикской ССР, вып. 3, Сталинабад, 1953.

⁴ Магидович И. П., Ук. соч., стр. 211; Маллицкий Н. Г., Ук. соч., стр. 61, 62; Массон М. Е., Ук. соч., стр. 52, 53.

⁵ Barthold, W., *Karluks, The Encyclopaedia of Islam*, стр. 766; е г о ж е, очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 21; Якубовский А. Ю., Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., Советская этнография, № 3, 1947, стр. 53; История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 9; Jarring Gunnar, *On the distribution of Turk tribes in Afghanistan. An attempt at a preliminary classification*, Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 35. № 4, Leipzig, стр. 71—72.

де. Вполне возможно, конечно, что часть их примкнула к своим соплеменникам, вышедшим из Дешти-Кыпчака несколько веков спустя, в начале XVI в.¹ В более позднее время аргыны на территории Южного Таджикистана не встречаются.

Наиболее многочисленную группу тюркоязычного населения Южного Таджикистана составляют потомки узбекских племен, переселявшихся в Мавераннахр из Дешти-Кыпчака с начала XVI в. К ним относятся: катаган, кунграт, дурмен, марка, каучин, кесамир и семиз (последние два племени составляют ветвь найманов). Исходя из всего сказанного выше, к ним мы относим и локайцев. Вполне возможно, что локайцы первоначально были ветвью катаганов,² как считают сами представители обеих этих групп.

Выше было отмечено, что из этнонимов локайцев и катаганов совпадают четыре названия: Сакау, Палван, Малай и Турт-оул (большинство катаганских этнонимов нам неизвестно).

Турт-оул, как мы знаем, является этнонимом аргынского происхождения. С аргынами Среднего жуза казахов, у которых мы нашли наибольшее число локайских этнонимов, катаганы имеют еще один общий этноним — таз.³ Род Таз, или Тазлар, имелся у наймов Среднего жиза⁴ и среди байулинцев Младшего жуза казахов.⁵ В том же Младшем жузе среди Джеты-уру в ряду названий, имеющих у локайцев (Эсен-ходжа, Ураз, Чал, Науруз-бай), зарегистрировано название Чурак.⁶ У катаганов такое название носит многочисленный род.

Этнографически и по языку катаганы близки к локайцам, пожалуй, более, чем другие узбекские группы Южного Таджикистана.

Катаганы, в прошлом являясь одним из самых многочисленных племен узбеков, представляли собой обширный и пестрый союз, в который, как отдельный его род, входили, например, и канглы, и нет ничего удивительного, если локайцы также входили в него (возможно, временно), но в таком случае довольно рано отделились от катаганов, занявших Кундуз, и ушли на правый берег Аму-Дарьи. Здесь они заняли великолепные пастбища (особенно для разведения коней) между Ях-Су и Кафир-

¹ Этот процесс слияния протекал повсеместно. Как отмечает проф. А. А. Семенов: «...пришедшие в Мавераннахр узбеки нашли в нем ряд тех же самых тюрко-монгольских племен, которые были и у них, и тем самым было весьма облегчено слияние пришельцев с некоторыми племенами, обитавшими здесь». (К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Сталинабад, 1954, стр. 36).

² При завоевании узбеками Средней Азии катаганы заняли Кундуз (провинция Каттаган в Северном Афганистане), который стал считаться их юртом. И теперь катаганы составляют значительную часть населения этой провинции. В период завоевания Афганского Туркестана афганцами, а также и позже, спасаясь от притеснений афганцев, часть катаганов эмигрировала на правый берег Аму-Дарьи и осела здесь (ЦГИА Уз.ССР, фонд I, оп. 34, д. 706, л. 108; Галкин, Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины, Сборник материалов по Азии, вып. 57, СПб., 1894, стр. 373; Семенов А. А., По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки, 1898 г.), Исторический вестник, т. 88, 1902, апрель, стр. 104; Нечаев А. В., По Горной Бухаре, Путевые очерки, СПб., 1914, стр. 27). В годы басмачества многие из них ушли обратно в Афганистан, но частично вновь вернулись после разгрома басмачества. В настоящее время катаганы в Южном Таджикистане живут в пограничных с Афганистаном районах. Мы собирали материалы у этой части катаганов и только о них идет речь в нашей работе.

³ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 361, 374 и др.

⁴ Маргуланов А. М., Найманы, «Казахи», сб. III, Л., 1930, Родословная племени найман.

⁵ Аристов Н. А., Заметки..., стр. 384.

⁶ Там же, стр. 385.

ниганом и, благодаря этим пастбищам, сумели дольше остаться кочевниками-скотоводами (прежде всего коневодами), сочетавшими занятие скотоводством с набегами на соседей. Все это привело к относительной замкнутости и сплоченности локайцев. А замкнутость в свою очередь способствовала сохранению дештикыпчакской культуры в большей чистоте, нежели у тех же катаганов.

Разумеется, окончательно решить этот вопрос можно будет только при более обстоятельном изучении катаганов.

Итак, мы приходим к заключению, что локайцы образовались в результате раздробления узбекских кочевых племен бывшего Дешти-Кыпчака и продвинулись в бассейн верховьев Аму-Дарьи совместно с другими узбекскими племенами в XVI в. Обзор родового состава локайцев показывает, что они не сложились в Южном Таджикистане из отдельных компонентов, самостоятельно и одновременно пришедших, а являются участниками того исторического процесса тюркского этногенеза, который протекал на протяжении многих веков на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого в основном сформировались такие народы, как ногайцы, казахи, каракалпаки, дештикыпчакский компонент узбеков и др. Наличие среди локайских этнонимов большого числа казахских родовых названий еще раз убеждает нас в узбекском происхождении локайцев, так как узбеки и казахи в свое время составляли один народ, живший в степях Дешти-Кыпчака.¹

В течение длительной жизни локайцев на новой родине, несомненно, происходило (несмотря на указанную выше замкнутость племени) смешение их как с местным ираноязычным и тюркоязычным населением, так и с теми племенами и народами, которые прибывали в эти области уже после локайцев. Вполне возможно, например, что включение в состав локайцев туркменских и киргизских этнических элементов происходило не только в степях Дешти-Кыпчака, но и на их новой родине.

Туркмены за много веков до дештикыпчакских узбеков уже кочевали на территории современного Южного Таджикистана и Северного Афганистана: в XI в. Сельджукиды захватили Термез, Балх, Хутталян, и Чаганиан, и с тех пор различные туркменские племена, возможно одни сменяя других, продолжали кочевать в этих областях. Туркмены продолжали жить в этих областях и ко времени узбекского завоевания. Бабур, не раз скитавшийся в этих юго-восточных владениях Тимуридов в период своей безуспешной борьбы с Шейбани-ханом, неоднократно упоминает о туркменах. Хусрау-шах, бывший в течение многих лет фактически независимым от Тимуридов правителем Хисара, происходил из туркмен.

В настоящее время на Аму-Дарье, начиная от Термеза, живут туркмены-эрсаринцы. Живут они и в непосредственном соседстве с локайца-

¹ Семенов А. А., К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. В этой интересной работе, написанной на основании исторических памятников, составленных при Шейбани-хане и его ближайших преемниках, приводится отрывок из сочинения Рубехана, который ясно показывает, кого в эпоху Шейбани-хана разумели под этнонимом узбек: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях (у л у с) Чингиз-хана. На сегодняшний день (один из них) — все (племени), относящиеся к Шейбану (шейбанион), и его величество через целый ряд предков был и есть их (прирожденный) хан, второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ — мангыты, кои суть цари астраханские» (стр. 22). Утверждение Р. Г. Мукминовой (на основании ряда источников XV—XVI вв.), что в это время уже существовало различие между казахами и дештикыпчакскими узбеками, вовсе не отрицает общности происхождения обоих народов, а лишь несколько отодвигает назад время их расчленения (Мукминова Р. Г., К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., стр. 72).

ми (к югу от них), на Джиликульском плато на берегу Вахша. Род Туячи, который имеется у локайцев, считается, как было уже сказано, эрсаринским, но среди указанных эрсаринцев такое название не зарегистрировано, во всяком случае, во время переписи 1924 г.¹ Эти туркмены, по-видимому, поселились в данных местах, как и соплеменники их, на остальной части территории бывшего Бухарского ханства, сравнительно недавно — от 100 до 200 лет назад.²

Академик В. В. Бартольд в историческом очерке «Таджики»³ приводит сведения историка Махмуда Ибн-Вели и предания о том, что прежде Каратегин принадлежал киргизам и только недавно был занят таджиками. Кроме того, В. В. Бартольд приводит еще одно очень для нас интересное сообщение из того же источника: «в реджебе 1045 г. (11 декабря 1635 г. — 9 января 1636, т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Гиссар 12000 семейств киргизов (каракиргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12-и предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбекским ханом в Балхе».⁴

Н. А. Кисляков, основываясь на многочисленных таджикских и киргизских преданиях о заселении киргизами Каратегина и материалах о расселении и переселении киргизов и таджиков в недалеком прошлом, пользуясь также данными некоторых исследователей и письменными источниками, приходит к заключению, что «Вряд ли будет ошибкой допустить, что начиная с указанного времени (XVI в. — Б. К.), волны кир-

¹ Материалы по районированию Средней Азии, ч. I, стр. 238.

² Мошкова В. Г., Ук. соч., стр. 138. Военный топограф П. Е. Косяков, проезжавший через Джили-Куль в 1882 г., в своих путевых заметках сообщает, что туркмены переселились туда около семи лет тому назад (ИРГО, т. XX, 1884, вып. 6, СПб., 1884, стр. 600). У проф. А. А. Семенова в путевых очерках 1898 г. «По границам Бухары и Афганистана» (Исторический вестник, 1902, тт. 87 и 88) на стр. 108 тома 88 имеется указание, что туркмены Джили-Куля «лет двадцать слишком переселились сюда из-под Чарджуя и Керки». Я. Р. Винников, не ссылаясь на источники, пишет, что туркмены племени эрсари, в числе 700—800 дворов в Джили-Куль переселились из Чарджоуской области в конце XIX в. (Туркмены Джиликульского района Таджикской ССР. Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, вып. XVI, М., 1952, стр. 3).

Среди этнонимов локайцев, сходных с туркменскими, привлекает внимание название абдал, где звучит точная передача имени эфталитов в написании греческих источников (на это совпадение указал нам проф. А. Н. Бернштам). Было бы соблазнительно допустить, что среди этнонимов локайцев сохранилось наименование одного из загадочных народов древности и что эфталитский элемент вошел в локайский союз или через посредство тюрков, разгромивших в VI в. государство эфталитов, или непосредственно в степях Приаралья, или через посредство туркмен племени чаудур, у которых это название встречается, или, наконец, через афганцев племени абдал (старое имя племени дуррани). Дурранийцев считал остатками эфталитов еще Чарльз Массон, а за ним В. В. Григорьев (Землеведение К. Риттера, География стран Азии, находящиеся в непосредственных сношениях с Россиею, Кабулистан и Кафистан, СПб., 1867, стр. 856). Однако, к сожалению, мы пока не видим веских оснований для таких гипотез. Если следовать туркменскому преданию (Аристов Н. А., Заметки..., стр. 414), то название рода Абдал происходит от имени его родоначальника Абдаллы. Подобные сокращения имен как в прошлом, так и в настоящее время весьма распространенное явление среди татар, казахов, узбеков, уйгуров и др. (например, Абай, Ибрай, вместо Ибрагим; Мат, Мамаг, вместо Мухаммед и т. п.).

³ Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107.

⁴ Бартольд В. В., Таджики, стр. 107.

Во время поездки в августе 1952 г. к киргизам Джиргитальского района Гармской области нами записано предание, согласно которому киргизы кишлака Птеукуль-Балх считают себя выходцами из Балха. Кроме того, у киргизов этого района еще свежи предания о столкновениях с локайцами как на территории последних, так и в Каратегине.

гизских переселенцев могли неоднократно проникать в Каратегин и задерживаться там на более или менее длительные сроки».¹ О заселении Каратегина киргизами лет 300 тому назад говорят и материалы Гармской этнографической экспедиции.²

В настоящее время киргизы живут в Джиргитальском районе Гармской области, в районе, где расположены богатые летние пастбища, издавна используемые кочевыми племенами Южного Таджикистана. Согласно И. П. Магидовичу, киргизы (рода Катаян племени саяк) живут и на северо-востоке Афганистана.³

Все это, а также наличие среди родовых названий барласов и тюрок (племя тюрк) этнонима кыргызы показывает, что киргизы не остались в стороне от того сложного этногенетического процесса, который протекал на территории современного Таджикистана, и, возможно, повторяем, некоторые группы их влились и в состав локайцев уже на этой территории.

Таким представляется нам происхождение локайцев в связи с этногенезом тюркоязычных народностей Средней Азии в период позднего средневековья.

Краткие исторические сведения о локайцах

В 10-х годах XVI в. узбеки окончательно утвердились в Мавераннахре. Последующие столетия (XVI—XIX вв.) истории Средней Азии, в течение которых сменились три узбекских династии (Шейбаниды, Аштарханиды, Мангыты), наполнены бесконечными феодальными войнами и династическими междоусобицами.

Юго-восточные области во главе с Балхом, где с XVII в. обычно правил наследник престола, постоянно стремились к независимости от центральной ханской власти. Куляб и Бальджуан стали фактически независимыми с периода Аштарханидов, а Хисар и Бадахшан объявили себя независимыми с начала правления Мангытской династии.⁴

Между самими этими областями также не прекращались бесконечные войны: то Хисар подчинял себе Куляб и Каратегин, то все они подпадали под власть Дарваза, то Куляб подчинял себе Бальджуан, Каратегин и Хисар или же сам подпадал под власть Кундуза.

Время от времени Хисар, Куляб и Бальджуан все же подпадали под власть Бухары, но власть эта обычно бывала только номинальной и при малейшей возможности эти горные области спешили отложиться. Окончательно подчинить эти области Бухарскому ханству удалось в 1869 г. и то только с помощью царского правительства России.

Узбекское завоевание оказало значительное влияние как на коренное население Мавераннахра, так и на самих узбеков. Как уже было не раз в истории народов Мавераннахра, кочевники, нахлынув в культурные области, заняли лучшие земли, совершенно не считаясь с интересами жившего здесь земледельческого населения. Возделанные поля вытаптывались и превращались в пастбища, ирригационная система разру-

¹ Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, изд. 2-е, исправ. и доп., Сталинабад, 1954, стр. 35.

² Немецова Р. Л., Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции, Доклады Академии наук Таджикской ССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, стр. 61.

³ Магидович И. П., Ук. соч., стр. 195.

⁴ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, изд. 2-е, М., 1952, стр. 368.

шалась, города пустели, население кишлаков уходило в горные теснины. У местных скотоводов-кочевников также отнимались лучшие пастбища и зимовки, захватывались стада.

Каждое узбекское племя во главе с племенным эмиром получило во владение (в юрт) отдельную область и водворилось в ней, как неограниченный хозяин.

Все это привело к временному упадку благосостояния и запустению части культурных областей.

Кочевники узбеки столкнулись в Мавераннахре, особенно в земельческих оседлых районах, с уже сложившимися формами феодального землевладения, что не могло не оказать влияния на ускорение процесса феодализации кочевников.

Нельзя сказать, чтобы феодальная собственность на землю не была известна и кочевым узбекам, как это думают авторы «Истории народов Узбекистана» (т. II, стр. 44). О сложившемся феодальном землевладении в Дешти-Кыпчаке при монголах неоднократно говорилось в трудах советских историков.¹ Следует думать, что этот процесс зашел гораздо дальше в XVI в. Иначе и не могло быть, так как ко времени, нас интересующему, давно уже была забыта общинная собственность на скот. В результате частной, наследственной собственности на скот, последний сосредоточился в руках отдельных лиц, преимущественно в руках родоплеменной знати, а позже баев. Им же попадала львиная доля военной добычи, которая нередко также состояла из скота. Вполне естественно, что те, кто владел скотом, владел и пастбищами. «Частная собственность на скот с ее развитием и укреплением неизбежно приводила к возникновению частной собственности и на общинные пастбища».² Как известно, пастбища и кочевья являются основным средством производства. Монополизация феодальной кочевой верхушкой узбеков пастбищ и кочевий превращала эти земли, необходимые для ведения кочевого или полукочевого скотоводства, в феодальную собственность. Однако феодальная собственность на землю — эта «основа феодализма», по определению И. В. Сталина,³ т. е. собственность на пастбища и кочевья, выступала у узбеков и у других среднеазиатских кочевников не так ярко, как собственность на скот. Она выступала в замаскированной общинной форме, под которой скрывалось фактическое, неписанное, конечно, право феодальной верхушки распоряжаться пастбищами и кочевьями по своему усмотрению, предоставлять и назначать их рядовым скотоводам также по своему усмотрению, и облагать последних различными сборами и повинностями, т. е. реализовать, таким образом, земельную собственность в самых различных и специфических видах земельной ренты. Естественно, что процесс развития и укрепления феодальной земельной собственности у узбеков в рассматриваемое время был ускорен влиянием феодальных форм землевладения в Мавераннахре. Но при этом еще долго сохранялась видимость общинного или племенного владения землей в резуль-

¹ Вяткин М. П., Батыр Срым, М.—Л., 1947, стр. 87; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 96; Потапов Л. П., О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Вопросы Истории, 1954, № 6, стр. 82.

² Потапов Л. П., О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 80. В этой работе проф. Л. П. Потапова дан анализ происхождения феодальной земельной собственности у кочевых народов.

³ Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

тате живучести пережитков патриархально-родового быта, а последние всячески поддерживались и культивировались родоплеменной феодальной знатю в своих корыстных интересах.

Таким образом, ко времени завоевания Мавераннахра у узбеков Дешти-Кыпчака сложились, употребляя известное определение И. В. Сталина, патриархально-феодальные отношения.¹ Образование узбекского государства в Мавераннахре лишь ускорило процесс дальнейшего разложения патриархально-родовых форм быта у узбеков и окончательного установления феодальных отношений при наличии, однако, видимости патриархальных отношений, особенно в быту.

В новом узбекском государстве наиболее видные представители племенной знати получали от ханов и султанов в управление отдельные области и районы. В XVI в. и позже получил широкое распространение институт «танхо» — право взимать в свою пользу в течение известного времени государственные налоги с определенного числа земледельческих хозяйств, поступавшие ранее в казну государства.²

Наряду с этим временным пожалованием в ленную зависимость определенного количества дехканских хозяйств, существовала передача земли в полную собственность отдельным лицам. Особенно часто такие пожалования делались представителям духовенства, которые, наряду с суфийскими шейхами (ишаны), занимали во время правления всех трех узбекских династий выдающееся положение.

Узбекские племена, входившие в состав державы Шейбанидов, сохранили в значительной степени свою независимость от ханской власти. Главы племен получали от ханов титулы эмиров, возводились в тот или иной чин и играли большую роль в политической жизни страны. Опираясь на свои крепкие родовые и племенные связи, эмиры становились весьма опасными для ханской власти, а удалившись в юрт своего племени, они были почти недосыгаемы для наказания или расправы.³

Характерной чертой Шейбанидского государства являлась феодальная раздробленность. Последняя еще более усилилась в XVII в. при династии Аштарханидов (1599—1753) и достигла своего апогея в первой половине XVIII в. «Деление на уделы между членами ханского рода сменилось теперь делением на уделы между отдельными племенами».⁴

Процесс оседания кочевников и переход их к земледелию происходил довольно медленно. Кочевники попрежнему удовлетворяли потребность в продуктах, отсутствовавших в их собственных хозяйствах, грабежом торговых караванов и более культурных районов, а непрекращавшиеся феодальные войны открывали перед ними в этом отношении широкие возможности.

Завоевание Мавераннахра узбеками, — как пишут авторы «Истории народов Узбекистана», — не оградило его от новых нашествий других ко-

¹ Сталин И. В., Соч., т. 5, стр. 24.

² Мы несколько изменили определение «танхо», данное авторами «Истории народов Узбекистана», где «танхо» рассматривается как бы временным земельным пожалованием («танхо» — право взимать в свою пользу в течение известного времени государственные налоги на землю, поступавшие в казну государства», стр. 44). Наши материалы по Гиссарскому, Бальджуанскому и Кулябскому бекствам подтверждают мнение Н. А. Кислякова относительно танхо в Каратегине, где «институт танхо никогда, повидимому, не рассматривался как земельное пожалование, а напротив, рассматривался как пожалование в ленную зависимость определенного количества дехканских хозяйств» (Очерки по истории Каратегина, Сталинабад, 1954, стр. 146).

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

⁴ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

чевников, сопровождавшихся страшным разорением оседлых районов. В начале 20-х годов XVII в. на Мавераннахр обрушились казахи, сами вытесненные из своих кочевий джунгарами, и произвели страшное опустошение.¹

На экономику Средней Азии не могло не повлиять и перемещение мировых торговых путей после Великих географических открытий, когда древние караванные торговые пути потеряли свое значение и страны Средней Азии оказались удаленными от мировых политических и экономических центров.

В результате всех этих явлений Средняя Азия в XVIII в. переживала тяжелый застой хозяйственной и культурной жизни.²

В начале XVIII в. государство Аштарханидов распадается: отпадает Балх, становятся самостоятельными Бадахшан и Хорезм, выделяется новое Кокандское ханство. Во второй половине XVIII в. обособляется Ташкент. С этого времени наблюдается некоторый подъем в хозяйственной жизни.

Узбеки, которые в качестве завоевателей и победителей занимали наиболее привилегированное положение в ханствах и считали недостойными для себя все мирные занятия, стали превращаться в полукочевых или оседлых земледельцев, постепенно воспринимая от старого оседлого населения его земледельческую культуру и быт.

Чем было обусловлено это превращение?

Переход к оседлости и земледелию значительной части кочевников вызывался резким сокращением пастбищ, главным образом в результате захвата их в частную собственность феодальной племенной знатью. Захват этот ускорился ростом товарно-денежных отношений, происходившим на основе общественного разделения труда, породившего специализацию производства в различных районах страны. Сокращение пастбищ у рядовых скотоводов влекло за собой и сокращение поголовья скота. Само собой разумеется, что на уменьшение поголовья весьма влияли постоянные феодальные войны. Все это вело к упадку скотоводческого хозяйства и вынуждало разоренных скотоводов оседать и переходить к земледелию. Эти изменения в экономике сказались на социальных отношениях. Патриархально-родовые черты быстро исчезали, укреплялись и развивались феодальные отношения. Произошли изменения и в социальной структуре местного общества. «Феодальная племенная знать, упорно пытавшаяся сохранить свою независимость от центральной ханской власти, в первой половине XIX в. в большинстве терпит поражение. Земли побежденных феодалов переходят теперь в распоряжение ханов, которые или оставляют их за собой в качестве личного земельного фонда, или зачисляют их в общий состав государственных земель (амляков), или жалуют своим родственникам и приближенным, выдвигающимся иногда из разных «безродных» людей. Усиливается скупка земли состоятельными людьми».³ (Последнее относится преимущественно к районам орошаемого земледелия).

Таковы были общие социально-экономические условия в жизни на-

¹ История народов Узбекистана, т. II, стр. 81.

² Среди историков Средней Азии существует и другое мнение, которое было высказано и на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период (состоялась в Ташкенте, в феврале 1954 г.), а именно: представление о глубоком кризисе в XVIII в. неверно; хотя и медленное, но все же движение вперед было, как в экономике, так и в культуре.

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 142.

родов Средней Азии в указанное время, которые необходимо иметь в виду и при рассмотрении истории локайцев.

Обращаясь в этой связи к локайцам, необходимо отметить, что это кочевое воинственное узбекское племя заняло территорию в бассейне правых притоков Аму-Дарьи, богатую прекрасными пастбищами, и занятие этих мест, несомненно, сопровождалось притеснением местного населения, как оседлого, так и кочевого. Проф. Н. Г. Маллицкий отмечает, что локайцы «сначала жили в Гиссарской долине, а потом передвинулись на восток, в нынешний Кулябской вилайет».¹

Наши материалы, охватывающие лишь последние 100 лет, застают локайцев уже разделенными на две обособленные группы: бальджуанских локайцев (роды Байрам и Турт-оул) и гиссарских локайцев (роды Эсен-ходжа и Бадраглы). Территории этих двух групп были отделены горами, населенными таджиками, труднодоступной долиной реки Вахша в ее среднем течении и широкой долиной реки Таир-Су с прилегающими адырами, являющимися прекрасными пастбищами. Долина реки Таир-Су в ее среднем течении (Дангаринская долина) в течение последних 80—90 лет также стала заселяться локайцами, что свидетельствует о продвижении локайцев на восток, в Кулябский вилайет, но это относится только к гиссарским локайцам. Бальджуанские локайцы издавна обитали еще восточней, в долине реки Кзыл-Су и ее водоразделах.

Когда произошло разделение локайцев на эти две довольно обособленные группы и когда бальджуанские локайцы продвинулись из Гиссара на восток (если таковой факт был), остается пока неизвестным.²

Проф. Н. Г. Маллицкий не указывает откуда у него сведения о передвижении локайцев из Гиссарской долины в Бальджуан. Нам представляется более вероятным, что локайцы, как гиссарские, так и бальджуанские, заселили эти области с юга, с Афганского Туркестана.

Ф. И. Лютко в книжке «Басмачество в Локае» территорию, занимаемую локайцами, делит на две части: на «Коренной Локай» и на «Бальджуанский Локай». Он считает, что Бальджуанский Локай образовался в довоенный период (имеется в виду первая мировая война). «В указанное время в Бальджуанском Локае, — пишет он, — поселялись туземцы, скрывавшиеся от кровной мести соплеменников. Находящиеся в Бальджуанском тумане горы Сарсарьяк, доступ к которым прикрыт со стороны Локая рекой Вахш, служили беглецам надежным убежищем».³ Далее он считает, что Бальджуанский Локай «в жизни Локая существенной роли не играл» и что «ко времени басмаческого движения у Локая коренного с Локаем Бальджуанским родственной связи уже не существовало».⁴

Ф. И. Лютко, повидимому, не посетил Бальджуанский Локай и не имел о нем ясного представления. Горы Сарсарак, которые им упомянуты, не входят в Бальджуанский Локай, а представляют западную грани-

¹ Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 64.

² Согласно локайскому преданию (запись от Хамидова Абдул-Калыра из рода Девет, 1880 г. рождения), Локай первоначально жил в Балхе, откуда лет 350 тому назад бежал, спасаясь от враждебно к нему настроенных братьев, и поселился на берегу реки Кафирниган в Гиссарской долине (в районе Янги-Базара). Впоследствии кишлак этот стал называться Локай-Беги (ныне не существует). У Локая было две жены. От первой жены были сыновья Эсен-ходжа и Бадраглы, а от второй — Байрам и Турт-оул. После смерти Локая вдовы не ужились и вторая жена с своими сыновьями укочевала в верховья реки Кзыл-Су.

³ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 7.

⁴ Там же.

цу долины реки Таир-Су (водораздел между Вахшем и Таир-Су), которая, как мы выше указали, отделяет Гиссарский Локай от Бальджуанского. Ко времени, описываемому Лютко, действительно эти горы были заселены выходцами из Гиссарского Локая. Вполне возможно, что среди этих переселенцев были и скрывавшиеся от кровной мести, весьма распространенной в то время среди локайцев, и, возможно, к ним постепенно стекались сородичи на новые привольные места. Однако эти локайцы, согласно нашим материалам, не порывали связи с правобережьем Вахша, а к Бальджуанскому Локаю никакого отношения не имели.

О продвижениях локайцев из Гиссара в долину реки Кзыл-Су, т. е. в Бальджуанский Локай, у нас имеются всего две записи в наших полевых дневниках. Одна из них — вышеупомянутое предание об основании бежавшим из Балха Лакаем кишлака Лакай-Беги в Хисаре и об откопке, после его смерти, его второй жены с сыновьями Байрамом и Туртоулом в Бальджуан. Вторая запись сделана со слов старика Ашур-чала (примерно 1876 г. рождения) из рода Темаз племени катаган. Он говорил нам, что правый берег Кзыл-Су у кишлаков Танапчи, ныне относящийся к Советскому району, принадлежал катаганам.¹ Дед двоюродного брата Ашур-чала имел там летовки. В те времена, т. е. лет 100 тому назад эти места были покрыты тугайными зарослями (дженгель). Позже пришли из Хисара локайцы и заняли эти земли катаганов.²

Другие локайцы, как и катаганы, неоднократно говорили нам, что правый берег Кзыл-Су от устья до Кзыл-Мазара действительно занимали катаганы, но еще до установления Советской власти локайцы стали вытеснять их. Однако эти локайцы не были гиссарскими, пришедшими с запада, а бальджуанскими, спустившимися с севера, т. е. из бассейна той же реки Кзыл-Су, откуда они, в свою очередь, согласно нашим материалам, вытеснялись таджиками.

В более отдаленное время указанные четыре рода составляли, по видимому, единое независимое племя во главе с эльбеги. Но в середине XIX в. мы застаем локайцев уже разделенными на упомянутые две группы, которые объединялись лишь временно для больших военных действий оборонительного или наступательного характера, а обычно враждовали между собой. Единого предводителя не было и внутри каждой группы. Выступал как единое целое и имел во главе своего бия только каждый род (в числе четырех), входивший в локайский союз. В этот союз иногда, на время важных событий, примыкали еще два рода найманского происхождения, жившие в Кулябском бекстве — Кесамир и Семиз.³ Это дало повод некоторым локайцам причислять кесамиров и семизов к своему племени. Локайцами их считает и М. А. Варыгин в своей статье «Опыт описания Кулябского бекства».⁴

¹ Переселение катаганов в Южный Таджикистан усилилось с 1850-х годов, т. е. с начала подчинения левобережных таджикско-узбекских областей афганцам. При различных осложнениях, гонениях и притеснениях в Чор-вилайете катаганы бежали на правый берег Аму-Дарьи, но при первой возможности вновь возвращались на родину. Часть их все же оседала здесь навсегда.

² По словам Ашур-чала, его двоюродный брат Мустафакул умер в 1949 г. в возрасте 75 лет, а отец Мустафакула умер 60 лет тому назад, достигнув 80-летнего возраста. Летовки же имел прадед Мустафакула. Полевая запись от 14 сентября 1949 г., кишлак Орта-Пайток Кулябского района.

³ Кармышева Б. Х., Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953, стр. 99—110.

⁴ Известия РГО, т. LII, вып. X, 1916.

Один из локайцев, бывший есаул из рода Байрам, женатый на семизке, говорил нам, что на войну племя локай ходило под шестью знаменами («Олти байроқ булип борғон урушқа»): два рода гиссарских локайцев — Бадраглы и Эсен-ходжа, два рода бальджуанских локайцев — Байрам и Турт-оул, два рода кулябских локайцев — Кесамир и Семиз.¹

До подчинения Бухаре, т. е. до 1869 г., обе большие группы локайцев, повидимому, во всех внутренних делах оставаясь самостоятельными, в какой-то мере подчинялись владетелям Гиссара и Бальджуана, но в чем выражалась эта зависимость, для нас пока остается не вполне ясным. Ф. И. Лютко считает, что Локай до подчинения Бухаре являлся самостоятельным бекством,² но в других работах, касающихся Восточной Бухары, нам не приходилось встречать упоминания о самостоятельном локайском владении, хотя некоторые авторы и говорят о независимости и свободолюбии локайского племени. Старики-локайцы также не смогли дать нам ясного ответа: они любят подчеркнуть независимость племени в доэмирское времена, но, в то же время, не могут назвать ни одного общелокайского правителя. Бальджуанские локайцы говорят, что до прихода эмира их правителем был Сары-хан или Сара-бек. Он происходил из племени катаган (по другой версии, он происходил из кесамиров) и долгое время был владетелем Куляба и Бальджуана. Он был то совершенно независимым, то подчинялся Бухаре, имея высший бухарский чин «аталык». При взятии Куляба эмирскими войсками он был вынужден бежать в Афганистан. Попытка его вернуться в Куляб (не без содействия афганцев и англичан) не увенчалась успехом.³

Таким образом, локайское племя было разобщено: одна часть жила в Гиссаре и подчинялась его правителю, а другая часть подчинялась правителю Бальджуана. В случае же потери самостоятельности этими областями, локайцы разделяли участь других подданных данного правителя, оставаясь независимыми только во внутриродовых делах. После 1869 г. эти группы также подчинились двум разным бекам, посланным эмиром бухарским и опять-таки оказались разобщенными.

Материалами для освещения политической истории Локая мы не располагаем. Более чем скудные сведения, встречающиеся в архивных документах, позволяют предполагать, что племя локай, в лице своей родоплеменной верхушки, втягивалось беками во всякие политические интриги. Имеются, например, сведения о том, что после смерти эмира Музаффара, когда братья нового эмира Сейид Абдулахада вели интриги против него, хисарский бек, старший тюряджан,⁴ заискивал перед локайской феодальной верхушкой, чтобы привлечь ее на свою сторону при попытке осуществить свои замыслы отложиться от Бухары.⁵ Бухарское правительство, повидимому, не доверяя биям узбекских племен Хисара, послало в 1886 г. двух влиятельных лиц (Саркарду Абдуллабек Ишикага-баши и Мурадбека Туксабу) «для заведывания племенами Локай и Марка».⁶ Повидимому, позже локайцы все же отложились на некоторое время от Бухары, так как в одном из донесений (от 21 июля 1888 г.) го-

¹ Полевая запись от 5 октября 1949 г.

² Лютко И. Ф., Ук. соч., стр. 45.

³ Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, стр. 103 и 104; ЦГИА Уз.ССР, фонд. I, оп. 34, д. 670, л. 47.

⁴ Тюряджанами в Бухарском ханстве называли царевичей.

⁵ ЦГИА Уз.ССР, фонд 3, оп. 2, д. 3, л. 167.

⁶ Там же, лист 167-а.

ворится, что «отложившееся племя Локай остается все еще в одном и том же положении».¹

Можно надеяться, что продолжение работы в архивах даст дополнительные материалы по истории изучаемого племени. В хозяйственном и общественном укладе обеих групп локайцев (гиссарских и бальджуанских) не было различия. В период до подчинения Бухарскому ханству основным занятием локайцев было экстенсивное кочевое скотоводство с преобладанием коневодства. Земледелие носило случайный характер. Существенное место в жизни племени занимали набеги на соседние племена и на своих соплеменников, а также грабежи торговых караванов.

После вхождения Гиссара и Бальджуана в состав Бухарского ханства происходят значительные изменения в хозяйственной жизни локайцев. К концу этого периода локайские районы уже являлись одним из основных поставщиков товарного зерна в восточных бекствах. Скотоводство, в частности коневодство, также стало строиться на товарный лад. Все это привело к постепенному прекращению набегов с целью грабежа, хотя окончательно они прекратились только после установления Советской власти.

Что касается общественных отношений как до подчинения Бухаре, так и после него, они могут быть охарактеризованы как патриархально-феодалные. Пережитки этих отношений еще чувствовались в начале 20-х годов нашего столетия.

Материалы Комиссии по районированию Средней Азии, относящиеся к 1924 г., говорят, что у локайцев «связь между членами родов еще крепка; имеются сведения, требующие, правда, проверки, о неограниченной власти старшего в роде».²

До вхождения в состав Бухарского ханства, когда юго-восточный Таджикистан был разделен на несколько постоянно враждовавших между собой феодальных владений, хозяйство края пришло в полный упадок. Старики-локайцы при рассказах всегда говорили нам о бедности и дикости их племени в прошлом. Один из них, уже упомянутый Маматмуса Хаитов из подразделения Кызыл-бай рода Бадраглы в кишлаке Джалтыр-Кепе, рассказал, что, по словам его отца, местные беки, когда еще были независимы от эмира, постоянно ходили войной друг против друга, грабили народ и угоняли людей в свои владения. Бальджуанский бек, например, являлся в Хисар со словами: «Кто пил воду Бальджуана, идите туда!» и угонял людей к себе. Через некоторое время хисарский бек являлся в Бальджуан со словами: «Кто пил воду Хисара, идите туда!» и угонял людей обратно в Хисар. Племенная знать и ее ближайшее окружение считали для себя недостойным мирные занятия. Стремление к легкой наживе, к власти, алчность к богатству толкали их к набегам на соседей с целью расширения своих владений, увеличения богатства при помощи грабежа.

Наиболее раннее известие о локайцах для первой половины XIX в. мы находим у А. Борнса. Проезжая в 1832 г. через Кабул, Кундуз и Балх в Бухару, он пишет о локайцах следующее:

«Близ страны, в которую мы теперь вступили, живет племя узбеков, называемое Лекей и известное своим грабительством. У этих разбойников есть поговорка, которая проклинает всех умирающих в постели, потому что, по их мнению, каждый истинный Лекей должен окончить жизнь

¹ ЦГИА Уз.ССР, фонд, I, оп. 34, д. 685, л. 112.

² Материалы по районированию Средней Азии, книга I, ч. I, стр. 199.

в набеге или чапаосе.¹ Меня уверяли, что иногда и женщины сопровождают мужей своих в подобных экспедициях; с большей же достоверностью утверждают только то, что они разграбляют только те караваны, которые проходят поблизости их жилищ. Это племя живет близ Гиссара...».² Надо сказать, что локайцы среди всех племен Восточной Бухары действительно снискали себе славу разбойничьего племени и, поэтому, нам придется остановиться на вопросе об аламанах у них.

Как соседи, так и сами локайцы до сих пор много рассказывают об аламанах в прошлом. Например, один бывалый узбек из рода Кесамир, Кара-команда, в кишлаке Туда-Кауш Кулябского района, говорил нам, что у локайцев раньше существовало презрительное отношение к тем, кто умирал дома, как говорится, своей смертью. Про такого человека говорили: «Разве умирают на постели жены? Умер бы у кола чужого коня!» («Хотинининг тўшагида жотиң ўлами? Бираунинг отининг қозигида ўлмайдими!»). Затем Кара-команда добавил: «Жизнь человеческая для этих джигитов ничего не стоила».³ Эти слова подтверждают слышанное Борнсом.

Об этом же говорит ряд еще не забытых до сего времени пословиц, поговорок и некоторых обычаев. До сих пор живет, например, поговорка «Қўбоғиоз хотиннан кууп чанчар ўл туор» — «От бойкой (умной, хитрой) женщины рождается сын, который догонит и вонзит (копье)». Была специальная поговорка про джигитов, напоминающая им о необходимости всегда быть готовыми к набегу: «Чечингни ол, қиличингни қойра, отингни қара!» — «Сбрей волосы, наточи шашку, ухаживай за конем!».

Был и такой обычай: когда рождался сын, то отец обращался к известному батыру, отличившемуся на аламанах, с просьбой дать что-либо из своих вещей. Джигит давал, например, кусочек своей одежды и его прикладывали к новорожденному, чтобы он был таким же батыром, или же джигит давал молоко из своего дома, которым поили новорожденного.

Н. Н. Покотило, посетивший Восточную Бухару в 1886 г., давая краткую характеристику отдельных узбекских племен, говорит, что локайцы выделяются среди других мужественностью и воинственностью.⁴

Примерно те же черты, рисующие воинственный образ жизни, привлекли внимание Ф. И. Лютко, который пишет о локайцах 20-х годов нашего столетия: «Локайцы, сохранив свою воинственность, сохранили и страстную любовь к оружию и к коню. Для локайца хороший конь и оружие — дороже всего на свете. По обычаю локаец при женитьбе дарит, помимо калыма, своему тестю шашку или ружье. Приношение в подарок оружия наблюдалось еще и в 1924 г.»⁵

Наблюдения Ф. И. Лютко подтверждаются и нашими материалами. Заметим только, что оружие являлось составной частью калыма, ибо одна из 40 голов крупного рогатого скота («кирк қора»), входившего номинально в калым, должна была заменяться ружьем, а в счет еще одной головы скота — полагались кольчуга и барабан («қалиннинг бир қора-

¹ «Чапаос», повидимому, от туркменского چپاول الامان нападение с целью грабежа. Будагов Л., Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 79. Возможно, у Борнса «чапаос», а «с» — показатель множественного числа в английском языке не отброшен переводчиком.

² Борнс А., Путешествие в Бухару, ч. II, М., 1848, стр. 366.

³ Полевая запись от 22 августа 1948 г.

⁴ Покотило Н. Н., Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г., ИРГО, т. XXV, СПб., 1889, стр. 486.

⁵ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 35.

си милтик, бир кораси совут блан довул»). В состав оружия локайцев входили: п ч а к — нож, короткий, железный или стальной, обычного среднеазиатского типа, вкладывается в кожаные ножны; т а й а к — крепкая дубинка длиной около двух метров (обычный пастушеский посох), которая была самым массовым оружием; к а м ч и — короткая нагайка (30—35 см), сплетенная из тонких ремешков, имеет деревянную рукоятку такой же длины; к л ы ч — сабля или шашка, с эфесом из рога или дерева;¹ н а й з а — деревянная пика (2—3 м длины) с железным наконечником; м и л т и к — фитильное ружье с длинным стволом; обычно при стрельбе конец ствола ставился на деревянный сошник.

Кроме того, к военному снаряжению локайцев нужно отнести щит (калкан) и кольчугу (савут), а также особый головной убор в виде толстой стеганой тюбетейки старинного покроя (остроконечной формы), обмотанной чалмой.² Барабан (давул) был обтянут выделанной кожей барсука (кашкалдек). Он служил для объявления тревоги. Обычно барабан привязывался к седлу вожака или особые барабанчики помещались на высотах, чтобы во-время известить о приближении неприятеля. Отряды локайцев имели и знамена (байрак). Знамя будто бы было красное. Поднятое знамя означало военное положение. Белое знамя означало запрос о мире. Существовали различные внешние знаки для опознавания своих. После того, как лазутчики предварительно узнавали знаки у неприятеля, устанавливались свои. Например: чалма не наматывалась на голову, а ею повязывалось туловище крест-накрест, или хвосты коней завязывали узлом, или на шею лошадей повязывали тряпки определенно-го одного цвета и т. п.

Вооруженные набеги и экспедиции были обычным явлением в жизни локайцев в указанное выше время. Самым обычным поводом к таким набегам являлись раздоры из-за пастбищ и кровная месть (хун). Однако аламаны с целью грабежа без всякого повода были также обычны. Целью набегов чаще всего был угон лошадей. По рассказам стариков, во время такого набега небольшой отряд локайцев уводил сразу до 30—40 лошадей. Угоняли не только лошадей, но и овец, а порой увозили намолоченый и провеянный хлеб с токов.

Особенно часто гиссарские локайцы совершали набеги на таджиков, а также на узбеков племени марка, живших в Гиссарской долине и отличавшихся зажиточностью (они имели много овец, хороших лошадей, а также сеяли рис). Совершались набеги на юг: на катаганов, арабов, белуджей и др. Нередко переправлялись через Аму-Дарью и нападали на Северный Афганистан. Угоняли оттуда лошадей, приводили караваны верблюдов с товаром. Бальджуанские локайцы особенно часто нападали на катаганов, живущих на юге. Не раз говорили нам, что в те беспокой-

¹ Производство холодного оружия (сабель, ножей и пр.) считалось специальностью Хисара (История народов Узбекистана, т. II, стр. 140). Там выковывалось холодное оружие иногда из лома знаменитой дамасской стали (О туземном оружии в Туркестанском крае, Русский Туркестан, Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. II, М., 1872, стр. 215); поэтому надо полагать, что у локайцев встречались отменные клинки.

² В этой связи интересно отметить, что А. А. Семеновым опубликованы 2 шапки (стеганые на вате толстые тюбетейки) старинного покроя остроконечной формы, одна из которых приписывалась преданием ташкентскому шейху Хавенд Тахуру, жившему в первой половине XIV в. (Ташкентский шейх Хавенд-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему «кулях». Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии, год двадцатый, Ташкент, 1915, стр. 25—31); см. также Сухарева О. А., Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, 1, М., 1954, стр. 335—337.

ные времена нередко можно было слышать как некоторые локайские женщины бранили своих провинившихся маленьких сыновей словами: «Умри у кола катагана!» («Катаганнинг қозигида ўл!»), что означало: «Пусть убьет тебя катаган, когда ты будешь отвязывать с кола его коня». Разумеется, что упомянутые племена не оставались в долгу и не упускали случая отомстить локайцам.

«До революции споры между племенами, — пишет Ф. И. Лютко, — разрешались нередко вооруженными столкновениями. Хитрые вожди племен умело использовали наличие племенной розни, привлекая более сильное племя из враждующих на свою сторону установлением родственных связей через женитьбу и замужество.

Господствующее положение в Гиссарском Локае занимало самое многочисленное племя Эсен-ходжа, имевшее к тому же большие родственные связи со вторым по численности племенем — Бадра-оглы. При своем нападении на таджиков все главари локайских племен подчинялись главарю племени Эсен-ходжа. Благодаря таким дружным выступлениям, локайцы держали в страхе не только таджиков, но и все население Восточной Бухары».¹

Столкновения внутри самого локайского племени между его отдельными родами до подчинения локайцев Бухаре были весьма обычным явлением («ўру-ўру блан қличма қлич боган»). Феодальная верхушка и ее окружение, не желая заниматься мирным трудом, стремилась увеличивать свои богатства таким путем. Грабительские набеги и войны давали ей не только материальные блага, но и укрепляли ее власть.

Во время полевых исследований нам неоднократно приходилось слышать от локайцев, что их деды и прадеды были дикими, жили бедно и поэтому занимались грабежом. Неоднократно приходилось слышать отрицательные характеристики локайцев от их соседей, что локайцы в прошлом были разбойниками, грабителями. Подобная характеристика локайского племени, как мы видели, попала и в старую литературу. Возникает вопрос: не является ли описанный образ жизни племенной спецификой локайцев? Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Эти особенности жизни разъясняются общественно-историческими условиями жизни локайцев, условиями их общественного развития, характеризовавшимися низким уровнем развития производительных сил и сохранением пережитков первобытно-общинных родовых отношений. В жизни локайцев-кочевников были сильны еще некоторые черты той ступени общественного развития, на которой родовой строй превращается в свою противоположность и, по характеристике Ф. Энгельса, «...из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».² В этот период общественно-экономического развития «...война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война... ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным ремеслом».³

¹ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 30.

² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 140.

Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 139—140.

При патриархально-феодалных отношениях у локайцев феодальная родоплеменная знать, соблюдая свои выгоды, старалась сохранить отжившие формы быта, уже несоответствующие существующим общественным отношениям, организовывала отряды из зависимых от них в той или иной степени рядовых локайцев, привлекала в них возможностью легкой наживы молодежь, пропагандируя и идеализируя лично и через фольклор такой образ жизни, как «героический» воинский образ жизни, достойный лишь молодых, храбрых мужчин. Привыкнув считать себя в этой стране победителями или потомками победителей, будучи обычно в привилегированном положении, благодаря своим связям с правящими феодальными кругами как до подчинения Бухарского ханства, так и после этого, локайская кочевая знать не стремилась завязать культурно-экономические отношения с соседями. Напротив, она старалась всячески изолировать своих соплеменников от соседей, препятствовала возникновению естественных культурно-экономических связей между локайцами и окружающим населением. Локайцам постоянно внушалась мысль о превосходстве их над своими мирными соседями, мирный образ жизни которых характеризовался как признак их слабости. Хищничество и разбой, насилия над соседями возводились в степень идеала, воспевались и прославлялись как удаль и молодечество. Этой хищнической феодальной идеологией кочевые аристократы отравляли молодое поколение и заставляли многих локайцев служить интересам их эксплуататорского класса. Само собой разумеется, что занятие локайцев экстенсивным коневодством, кочевой, подвижной образ жизни и отсюда физическая закаленность, ловкость и выносливость были теми благоприятными условиями, которые способствовали поддержанию описанного образа жизни. Напомним и о таких свойствах локайской лошади, как резвость и неутомимость, с ее так называемым аламанским аллюром, т. е. способностью проходить быстрым ходом большие расстояния по сильно пересеченной местности. Компактность сезонных пастбищ для лошадей давала возможность племени не распыляться. Все это использовалось феодальной родоплеменной знатью в своих классовых корыстных интересах.

В этой связи интересно сопоставить и сравнить локайцев с карлуками. Последние, хотя и были кочевниками-скотоводами, но жили с соседями в мире, если не считать неизбежных в старых условиях столкновений из-за пастбищ. Чем объяснить, что карлуки, живя бок о бок с локайцами, и, будучи, как и они, скотоводами-кочевниками, не занимались грабежом, хотя, по признанию даже локайцев, среди карлуков встречалось немало джигитов, личной храбростью и удалью не уступавших локайским. Полагаем, что объяснить это можно опять-таки конкретными историческими условиями, особенностью культуры и быта.

Карлуки жили в этих местах с очень давних времен. Они считались коренными жителями и не противопоставляли себя соседям, а наоборот, уже давно жили в тесном культурно-экономическом общении с таджиками, даже вступали с ними в родственные отношения (женились на девушках-таджичках) и вели выгодный для обеих сторон натуральный обмен.¹

¹ До сих пор почти каждая карлукская семья имеет родичей среди горных таджиков в районе летних пастбищ и до сих пор существует обмен, нередко принимающий форму подарков: таджики снабжают карлуков на летовке хлебом, что избавляет последних от необходимости привозить его издалека с собой, сухофруктами, а карлуки, наоборот, снабжают таджиков молочными продуктами и шерстью, или подарками из городских магазинов и базаров.

После узбекского завоевания карлуки оказались в числе притесняемых и родовая знать их не имела доступа к власти, не стремилась к чинам и после подчинения Бухаре.¹ Карлуки до сих пор не без гордости подчеркивают, что их отцы и деды не занимали высоких административных должностей и ничего кроме своих овец не хотели знать, но зато в овцеводстве не имели себе равных.

Действительно, карлуки, наряду с тюрками, барласами и муса-базари, являются выдающимися овцеводами, что было отмечено и первым исследователем овцеводства наших районов проф. С. Г. Азаровым: «Техника разведения и ухода у гиссарских овцеводов, несомненно, выше других кочевых народов: казаков, кара-киргизов и др.»² Высокий уровень техники овцеводства давал возможность карлукам обеспечивать себя всем необходимым. Овцы в большом количестве сбывались на внешние рынки: они перегонялись на базары Коканда, Бухары, Самарканда, Карши и Гузара.

Когда локайцы были вынуждены перейти к земледелию, карлуки оставались кочевниками-овцеводами, так как их высокопродуктивное хозяйство уже было поставлено на товарный лад.

Следует еще раз подчеркнуть, что набеги и грабежи организовывались и проводились феодальной родоплеменной верхушкой. Бухарское правительство и наместники эмира использовали в своих интересах набеги и грабежи локайских феодалов. Натравливая их на соседние племена, бухарские власти порой вносили раскол и вражду в среду задавленных нуждой и невежеством трудовых масс различных народностей и племен, чтобы отвлечь их от классовой борьбы. В этом отношении очень характерен один документ, относящийся к 1886 г. В одном из донесений Российскому политическому агенту в Бухаре прямо говорится, что упомянутый выше хисарский тюряджан (наместник эмира в Хисаре, брат правившего в то время эмира) при попытках отложиться искал опору в племени локай и при этом, чтобы привлечь на свою сторону племенную верхушку, позволял им безнаказанно грабить своих же родичей, а последних, т. е. рядовых локайцев, натравливал на грабеж соседних племен, чтобы отвлечь их от борьбы против собственных феодалов. «Каковы бы ни были замыслы тюряджана, — читаем в донесении, — население, повидимому, совершенно не сочувствует ему, а тюря пользуется известностью скупца и притеснителя народа. Пока у тюряджана остается еще поддержка у кочевников племени Локай, старшины которых поощряются к обирательству подведомых им родичей, а последним представляет грабить, барантовать остальные слабейшие племена. Особенно пострадало от такой политики тюряджана кочевое племя Марка, представитель которого Сион-бий выказал открытое неповиновение тюряджану и проследовал со своими приверженцами, старшинами в Бухару, где щедро одарен эмиром за свою преданность и потери от набегов локайцев на кочевья Марка».³

По мере оседания локайцев и занятия их земледелием, а также укрепления мирной обстановки, сужался круг участников набегов, и дружины родоплеменной аристократии локайцев выродились в мелкие, чисто уголовные разбойничьи шайки. Весьма важно заметить, что в состав этих

¹ То же отмечает А. Д. Гребенкин в отношении зерафшанских тюрков: «В военной службе у эмира тюрки не были и не могут назвать никого из среды себя, кто бы имел чины бухарские» (Гребенкин А. Д., Узбеки, стр. 80). То же мы можем сказать относительно и тюрков Южного Таджикистана.

² Азаров С. Г. и Бригис О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930, стр. 62. ЦГИА, Уз.ССР, фонд 3, оп. 2, д. 3, л. 120.

разбойничьих шаек входили в основном байские сыновья, гнушавшиеся мирным трудом и искавшие легкой наживы. Например, в Гиссарском Локае накануне установления Советской власти разбойничьи шайки, число участников которых, по Лютко, к 1920 г. доходило до 50—70 человек, возглавлялись конокрадом и бандитом Ибрагим-беком из рода Эсен-ходжа. Он был сыном крупного бая-чиновника и, как пишет Ф. И. Лютко, «имел в кишлаках сообщников из богатых элементов, подкупая их подарками из награбленной добычи. Благодаря этому он имел возможность скрывать свои следы. Бывший правитель Локая Абдулрашид-бий (глава рода Эсен-ходжа — Б. К.) сам сознался, что до революции Ибрагим-бек нередко давал ему сияв (подарок)». ¹ «Басмачи² грабили главным образом купечество, избегая затрагивать интересы правителей-беков и баев». ³ Ибрагим-бек был бывшим эмирским офицером, бежавшим от смертного приговора за какое-то преступление. Впоследствии, во время гражданской войны, бежавший из Бухары и пытавшийся обосноваться в Восточной Бухаре последний бухарский эмир Сеид-Алим-хан назначил Ибрагим-бека «главнокомандующим войск ислама», ⁴ простив ему прежние преступления, и Ибрагим-бек в течение нескольких лет возглавлял басмачество в Локае.

В начале нашей полевой работы некоторое время мы находились в заблуждении, предполагая, что локайцы уже давно занимаются земледелием, так как даже старики на вопрос об основных занятиях в прошлом, неизменно отвечали, что они «аслы дыйқан», т. е. «истинные земледельцы», так сказать, «коренные земледельцы». Земледельческие навыки, определенные сложившиеся традиции и большая любовь к хлебопашеству как бы доказывали правдивость их слов. ⁵

Но постепенно, по мере накопления материала, мы пришли к заключению, что локайцы начали заниматься земледелием примерно с середины XIX в., а значительные размеры оно приняло у них с 70-х годов прошлого столетия. Материалы по истории отдельных кишлаков дают наглядные примеры, подтверждающие это заключение. Маматкул Имамбердиев, 1877 г. рождения, ⁶ говорил в 1949 г., что по словам его деда, локайцы начали обрабатывать землю 71 год тому назад. «Когда впервые вспахали землю у Кайнара, мне было 12 лет, значит это было 58 лет назад; 50 лет тому назад возник кишлак Урта-Кайнар, а кишлаки Шурча и Нарын образовались 70 лет назад», — говорил он. Куандык Алишев,

¹ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 48.

² До революции слово «басмачи» означало бандит, разбойник, грабитель.

³ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 48.

⁴ Гафуров Б. Г., Прохоров Н. Н., Таджикиский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины, Сталинабад, 1944, стр. 170.

⁵ В связи с этим небезинтересно вспомнить следующие мысли известного русского ученого В. В. Григорьева: «Но едва ли существовал когда-либо кочевой народ, который, при удобстве местностей ему принадлежащих к возделыванию, оставался бы совершенно чужд земледелию. Кроме известных выгод от этого промысла, обращаясь к нему заставляет нередко кочевников и необходимость — невозможность продолжать пастушеский образ жизни вследствие гибели стад и табунов от гололеды, метелей и других бедствий, настаивающих скот в открытых степях, где он питается исключительно подножным кормом. И когда кочевник, под влиянием тех или других обстоятельств, становится, вполне или отчасти земледельцем, он быстро овладевает всеми потребными для того приемами, и не уступает в работности старому пахарю» (разрядка наша — Б. К.). В примечании В. В. Григорьев добавляет: «Это видели мы собственными глазами во время разездов по киргизским степям Оренбургского Ведомства с 1853 по 1861 год». (О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 66).

⁶ Уроженец кишлака Баш-Кайнар Яванского района.

ныне покойный, родом из Шурчи, также говорил, что кишлак Шурча возник 70 лет назад. Дед Имамбердиева имел коней и овец и кочевал между Дангарой и Бальджуаном. Куандык Алишев рассказал, что его дед жил в северной части Яванской долины, на Сары-Хамыше, а потом в Нарыне, и уже при отце Куандыка он перекочевал в кишлак Шурча. Дед умер 75 лет. Во времена его детства Яванская долина была покрыта непроходимыми зарослями (дженгель). По мнению того же осведомителя, локайцы начали заниматься земледелием лет 100 тому назад, но еще не были вполне оседлыми.

В двух километрах на запад от районного центра Дагана-Киик расположен большой локайский кишлак Оби-Киик. Д. Н. Логофет, проезжавший по долине Дагана-Су, в начале XX в., следующими словами описывает этот кишлак, называя его еще аулом:¹ «Несколько глинобитных сакель, два, три загона для скота и огромное число войлочных белых юрт занимали значительную долину, поражая своей разбросанностью».²

Локаец Каюмов Алым из рода Бадраглы, уроженец и житель кишлака Оби-Киик, сообщил нам, что его дед жил в кишлаке Халпа-Булак, расположенном на адырах к западу от кишлака Оби-Киик. Последнего кишлака тогда еще не было. Позже, лет 70 тому назад, образовался Оби-Киик, куда перекочевал и дед Каюмова. Отец Каюмова, умерший в 1940 г. в возрасте 66 лет, родился уже в кишлаке Оби-Киик.

Жена Каюмова, женщина 38 лет, подтвердила, что ее дед тогда жил в кишлаке, расположенном на адырах. Отец ее рассказывал ей, что во времена его детства в долине, где теперь расположен Оби-Киик, были одни заросли и водились там кабаны и косули (киик). Лишь 70 лет назад локайцы спустились ниже и стали обрабатывать долину. Локаец Куатов Бегияр, 67 лет, уроженец кишлака Биринчи Джалтыр-Кепе Леурского сельсовета Кокташского района, ссылаясь на рассказы стариков, говорил, что кишлаки Биринчи и Иккинчи Джалтыр-Кепе основались лет 100 тому назад. С тех пор, как Куатов себя помнит, эти кишлаки стояли на одном и том же месте, их население занималось хлебопашеством.

Молодой локаец из Кокташа Бабаяров, основываясь на рассказах своей тетки, умершей несколько лет тому назад в возрасте 102 лет, указал, что когда его тетка была ребенком, локайцы не знали хлебопашества. Один из ее родственников имел четырех кобыл, одну из которых он обменял на три батмана пшеницы (один батман около 2-х центнеров). Пшеницу будто бы прорастили в воде и каждый росток разделили пополам, чтобы было больше и посеяли. Снятый урожай весь оставили на семена. Таким образом будто бы в Локае распространилось хлебопашество. Сошлемся еще на Розиеву Ихбаль, 60 лет, которая родилась в кишлаке Баглы-Шаршар Карамендинского кишлачного совета Дагана-Киикского района. Ей было 10 лет, когда родители переехали в долину Дангары и основали кишлак Кош-Булак. До этого долина Дангары была пастбищем и совсем не вспахивалась. Родители нашей осведомительницы посеяли для себя немного пшеницы на западном склоне адыров. Другой локаец (1888 г. рождения) из этого же кишлака Кош-Булак подтвердил, что во времена его детства в Дангаринской долине имели посевы далеко не все хозяйства.

Геолог А. В. Нечаев, проехавший через Дангаринскую долину в

¹ Слово «аул» бытует наряду со словом «кишлак»; в настоящее время, в связи с переходом к полной оседлой жизни, различия в этих словах не делается.

² Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 266.

1908 г., в своих путевых очерках пишет: «Из Санг-туда (кишлак на левом берегу Вахша — Б. К.) отправились к востоку. Дорога пересекает несколько невысоких хребтиков с пологими спусками и подъемами и выходит к широкой долине, на которой расположены два-три кишлака и множество юрт. В долине прекрасные пастбища, на них пасутся большие стада рогатого скота, табуны лошадей и косяки верблюдов. Особенно привольно здесь скотоводам весною».¹

Вот сообщение бальджуанского локайца Мулла Бабакула, 73 лет, из кишлака Бурденгель Советского района: «Мы жили в кишлаке Куру-Сай и переселились сюда, когда мне было 7 лет. Тогда, т. е. 66 лет назад, эти места были уже заселены локайцами, но пашен было мало».

Особенно убедительными кажутся нам сведения, записанные от 82-летней старухи Тулганай из кишлака Казак Советского района (Джарыпкульская долина). Когда Тулганай было 8 лет еще никто из локайцев Джарыпкульской долины хлебопашеством не занимался («Кӯш деган гап жӯк эди») и ни одного глинобитного жилища не было. Она была выдана замуж 11 лет и помнит, как однажды ее муж Курбан попросил своего младшего брата вспахать участок земли. Брат в течение целого дня пахал, а вечером, когда он вернулся домой, Курбан заметил, что омач (местная деревянная соха) без чугунного сошника. Выяснилось, что сошник выпал где-то по дороге на пашню, но пахарь не заметил этого, так как не знал, что омач должен иметь металлический наконечник, и целый день процарапал землю деревянным концом омача. Вспахивали тогда небольшие клочки земли и засевали бахчевыми культурами. Свекор этой осведомительницы лет 70—80 назад, выбрав место выше современного кишлака Казак (к западу от него), «вырыл яму, достал воду и посеял бахчи. Злаки не сеяли».

Приведем ее рассказ так, как он у нас записан: «Чаю не было. Мы даже не слыхали о нем. Работникам, бывало, говорили: «Эй! Разведи курут». Хлеба не давали, они выпивали разведенный курут и уходили. Риса также не видывали. Однажды был засушливый год, урожай был очень мал (повидимому, уже после того, как стали появляться посевы пшеницы и ячменя — Б. К.) и 1—2 мешка риса привезли из Хисара. Тогда мы впервые увидели рис. Варка риса появилась недавно. Ели курут и мясо. Хумы и кувшины для воды мы только теперь увидели.² Наши деды ели хлеб маленькими кусочками, не более размера уха».

Далее старуха Тулганай рассказала нам о жилище. Лет 65 тому назад в Джарыпкульской долине не было глинобитных жилищ (чоптара), жили в юртах, а бедняки строили себе кепе (шалаш из камыша и травы). Отец некоего Халмурата как-то ездил в кишлак Писта-Мазар, где увидел чоптару, и по возвращении оттуда, построил себе то же. Муж Тулганай решил последовать примеру отца Халмурата. Супруги строили чоптару вдвоем: Тулганай подавала глину, а ее муж возводил стены. Поверхность стен получалась настолько бугристая (не умели срезать и равнять), что пришлось ее и снаружи обмазать глиной, хотя обычно это не принято.

Когда чоптара была готова, то Тулганай никак не хотела переселяться из юрты в нее, так как боялась проспать стадо и опозориться на всю округу. Тогда, чтобы избежать этого, решили в боковых стенах чоптары прорубить два проема, чтобы проникал свет.

¹ Нечаев А. В., По горной Бухаре, Путевые очерки, СПб., 1914, стр. 70.

² Хум — большая корчага для хранения зерна. Глиняную посуду кочевники не употребляют, а лишь деревянную и кожаную. Воду хранят в бурдюках.

Процесс полного оседания у локайцев протекал гораздо медленнее, чем развитие хлебопашества. Как и многие другие узбекские племена, локайцы почти до самой коллективизации продолжали на лето переселяться в юрты и шалаши, которые обычно ставились на бахчах, в нескольких километрах от кишлака. Баи, имевшие скот, перекочевывали на летовки, оставляя в кишлаке для полевых работ кого-нибудь из родственников и работников.

В начале 90-х годов прошлого столетия капитан Лилиенталь в описании маршрутов по Гиссарскому бекству перечисляет ряд локайских зимовок вдоль левого берега Кафирнигана от Чортака до Кокташа и отмечает: «Как эта зимовка (Кокташ — Б. К.), так и все предыдущие, летом совершенно необитаемы. Жители ее, узбеки рода Локай, с наступлением тепла бросают свои жилища, уходят в горы и возвращаются лишь поздно осенью».¹

Относительно быстрому и массовому переходу локайцев к земледелию немало способствовал, как нам кажется, и тот жестокий погром, который учинили эмирские власти при завоевании края. Капитан Лилиенталь, посетивший Восточную Бухару 20 лет спустя (в 1889 г.) после этого события, описывая зверства захватчиков в покоренном краю, отмечает: «В особенности бухарцы свирепствовали в земле воинственных и свободолобивых узбеков-лякай; до сих пор страна эта, по словам туземцев, не может поправиться от этого погрома».² Локайцы подверглись гораздо более сильному погрому, чем остальное население завоеванных областей, вследствие того, что эмир стремился всюду окончательно покончить с остатками самостоятельности узбекских племен. Разорение рядовых локайцев, явившееся результатом указанного выше погрома, привело к тому, что многие локайцы, лишившись скота, вынуждены были осесть и добывать себе пропитание земледелием. Нужно ли говорить о том, насколько тяжелым и мучительным для трудящихся локайцев был этот вынужденный процесс оседания и перехода к земледелию.

Кроме отмеченных изменений в экономике локайцев, укажем еще на развитие товарно-денежных отношений. Относительно быстрый рост товарно-денежных отношений в Восточной Бухаре после включения ее в состав Бухарского ханства оказал влияние на экономику различных племен и народностей, населяющих ее.

Таможенная реформа, согласно которой русская таможенная черта с 1 января 1895 г. была перенесена на пограничную линию Бухары и Афганистана, превратила Бухару во внутренний русский рынок. Вся бухарско-афганская пограничная линия от г. Керки до Дарваза включительно, была занята постами пограничной стражи особой Амударьинской бригады. Это привело к сильному увеличению торговых связей между Бухарой и Россией.³ Правда, это не сразу коснулось восточных бекств. Б. Литвинов, посетивший Гиссар в 900-х годах, пишет: «Дешевизна цен в этом городе (Гиссаре — Б. К.) на продукты земледелия оказалась просто сказочная; например: 10 снопов клевера — 2 пули (1/2 копейки), 12 пудов пшеницы — 10 тенег (по тогдашнему 2 рубля) и т. д. Сбыт хлеба из Гиссара очень невелик, и все богатство этого поистине благословенного края вследствие бездорожья и дальности до Аму-Дарьи обречено оставаться неиспользованным. Население, имея огромные запасы зерна

¹ Лилиенталь, Маршруты по Гиссарскому и Кабаднианскому бекствам, Сборник материалов по Азии, вып. LVII, СПб., 1894, стр. 352.

² Лилиенталь, Ук. соч., стр. 314.

³ История народов Узбекистана, т. II, стр. 405.

и трав, бедствует, не имея возможности выменять свое добро на нужные для него продукты. Ничтожная сравнительно с запасами края торговля идет вдоль реки Сурхана, через Патта-Кисар (Термез) или через Джар-Тепе, Дербент, Гузар и Шахрисябз в обход тяжелого в 10,5 тыс. футов перевала Лянгары Мардан, стоящего на прямом пути из Яккабака в Гиссар.

Таким образом, иметь ситцевый халат в Гиссаре значит обладать незаурядными запасами пшеницы, лакированные сапоги представляют из себя целое состояние и пр. Можно себе представить, какое поле деятельности представляют из себя эти края для всякого рода торговцев, меновщиков и пр., если бы эти последние завязали с ними торговые сношения, и как тяжело населению платить зякет, херадж и аминона, если от властей поступит требование уплатить подати звонкой монетой, а не хлебом. Вот если бы помочь населению Гиссара сбывать свои достатки в Термез; теперь это не представит такого затруднения, как 10—12 лет тому назад».¹

Опасения русского наблюдателя не замедлили оправдаться: вскоре налоги стали взиматься в денежной форме, и это в сильной степени способствовало вовлечению в товарно-денежные отношения широких слоев населения и, одновременно, усилению процесса обнищания и закабаления трудящихся.

Рост товарно-денежных отношений углубил хозяйственную специализацию отдельных племен Южного Таджикистана. Небольшая группа локайцев продолжала заниматься коневодством, расширив его, придав ему торговый характер и поставляя лошадей русским военным властям и на рынки Туркестанского края (Ура-Тюбе, Самарканд, Фергана и др.). Основная же масса локайцев, перейдя к хлебопашеству, уже к десятым годам текущего столетия становится одним из основных поставщиков зерна не только для всего Южного Таджикистана, но и на внешний рынок.

Основными покупателями локайского хлеба были соседние кочевые племена. Осенью крупнейшие овцеводы карлуки Яванской долины закупали (частично выменивали на кошмы и шерсть) основной излишек хлеба локайцев той же долины. Хлеб Яванской и Киикской долин шел, кроме того, на юг. Его вывозили на лошадях в Кобадиян и Курган-Тюбе, где сбывали дурменам, туркменам и казахам. Часть хлеба выменивалась на овец и шерсть.

Хлеб гиссарских локайцев шел и на север, в Гиссарскую долину, где выменивался на рис у племени марка, которое, как отмечалось, в основном занималось скотоводством и рисосеянием и у которого своего хлеба не хватало.

Гиссарские торговцы часть своих товаров также обменивали на хлеб.

Излишек хлеба бальджуанских локайцев также шел на юг, где было много кочевых племен и народностей, которые или вовсе не имели своего хлеба (узбеки племени сарай, арабы и др.), или же им своего хлеба не хватало (катаганы). По сообщению старика Куандыка Фаизова из кишлака Казак, локайцы правобережья Ях-Су два раза в год, весной и осенью, возили хлеб в Куляб для обмена на шерсть и кошмы у узбекских племен катаган и сарай, приезжавших в Куляб из Сарай-Камара (ныне Кировабад).

Но не только местным племенам был нужен локайский хлеб. Некто

¹ Л[итвинов] Б., Очерки Гиссарского края, Туркестанские ведомости, 1910, № 233, стр. 2.

А. Г., ратуя за таможенно на месте русской заставы Сарай (ныне Киров-абад), писал в 1911 г.: «Но не в заграничной торговле (с Афганистаном — Б. К.) лежит будущее Сарая, — это будущее в вывозе хлеба через Сарай из Бальджуана и Куляба, и в настоящее время гарнизон в Термезе покупает хлеб в Кулябе, но дело это не организовано. Следовало бы высшей администрации края при посредстве политического агента в Бухаре разработать вопрос о том, как создать хороший верблюжий транспорт от Куляба до Сарая (от Сарая хлеб сплавлялся на каюках по Аму-Дарье — Б. К.). Там теперь возят грузы лишь киргизы (казахи — Б. К.), недавно туда переселившиеся, а между тем есть и у местных узбеков очень много верблюдов».¹

Вскоре Сарай действительно превратился в крупный таможенный и торговый пункт, через который стал проходить не только локайский хлеб, но и локайский хлопок, т. к. локайские баи не преминули воспользоваться выгодами хлопководства.

О вывозе хлеба далеко за пределы Восточной Бухары писал еще в 1904 г. А. Е. Снесарев: «...в Кулябе и Бальджуане мы находим два хлебородных бекства, питающих Хиву, города по Аму и многие места Бухары. Количество свободного хлеба в этих двух бекствах должно быть очень значительно, считая при этом и казенное зерно».²

В 1907 г. Д. Н. Логофет писал в газете «Среднеазиатская жизнь»: «По отношению к хлебной торговле (в Восточной Бухаре — Б. К.) главными пунктами являются города: Гарм, Бальджуан, Ховалинг и Куляб, а также базары в кишлаках: Сарая, Сары-Чашме и Пошине. В эти пункты зерновые запасы всего населения поступают на базары, а отсюда впоследствии вывозятся двумя направлениями или через Гиссар, Гузар, в Карши и Бухару на верблюдах или же на каюках от Сарая, причем в Термез и Керки, кроме вывоза на каюках, хлеб идет также и на верблюдах через Кабадиан и Ширабад».³ И далее: «С августа месяца в Восточную Бухару начинают прибывать скупщики, приезжающие сюда из Керков, Термеза и Хивы. Скупив большую партию (хлеба — Б. К.), отправляют на верблюдах в Сарай и далее на каюках по Аму-Дарье или прямо на Гиссар, Карши и Бухару».⁴

По мере превращения Туркестанского края в хлопковую базу России, вывоз хлеба из восточных бекств Бухарского ханства, естественно, быстро рос. Росла доля и локайского зерна в вывозном хлебе. По свидетельству Ф. И. Лютко, для сплава локайского хлеба по реке Вахш от переправы Кзыл-Кала до Аму-Дарьи существовал каючный транспорт, в 1920 г. доходивший до 200 с лишним каюков. Грузоподъемность каждого каюка была в среднем 2,5 тонны.⁵ Тот же автор приводит сведения (повидимому, приблизительные и расспросные), что до революции Гиссарский Локай вывозил ежегодно до 40 тысяч тонн хлеба.⁶

Восточная Бухара издревле славилась как поставщик скота, в частности баранов, но доля локайских овцеводов в этом была незначительна.

¹ А. Г., Кишлак Сарай на Пяндже, Туркестанские ведомости, 1911, № 264, стр. 4.

² Снесарев А. Е., Восточная Бухара, СПб., 1906, стр. 57.

³ Логофет Д. Н., Хлебная торговля и запасы Восточной Бухары, Газета «Среднеазиатская жизнь», 1907, № 24, стр. 2.

⁴ Там же, № 27, стр. 2.

⁵ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 44.

⁶ Локай — современные Кокташский, Дагана-Кинкский, Яванский и Куйбышевский районы; подавляющее большинство земледельческого населения составляли локайцы.

Главными предметами ввоза в Восточную Бухару были: мануфактура (преимущественно русский ситец), мелкий красный товар, скобяные изделия, железо и т. п. предметы первой необходимости. Афганские купцы привозили индийский чай, индийскую кисею и материал на чалмы.

«Торговлей в Локае занимались исключительно таджики, — пишет Ф. И. Лютко, — локаец к торговле относится брезгливо».¹ Торговлей занимались также местные евреи и армяне, но богатые локайцы, пренебрегая кочевническими традициями, не упускали и здесь возможности обогащения: тот же автор отмечает в дальнейшем, что «В 1913 г. отец бывшего главаря басмаческой банды из Исан-ходжинского племени, Ассадудулы, имел оборот около трех миллионов рублей».²

Однако все это вовсе не означает, что натуральное хозяйство у локайцев было разрушено полностью. Задавленные бесчисленными налогами, чудовищными поборами хищного чиновничества, баев, ростовщиков и духовенства, трудящиеся Восточной Бухары, колонии Бухарского ханства, из года в год нищали и поэтому покупательная способность основной массы населения была чрезвычайно низка. Изделия собственного производства и обмененные у соседей удовлетворяли только самые насущные и убогие потребности населения.

В заключение остановимся на вопросе политического положения локайцев в Бухарском ханстве.

Существует мнение, что племя локай представляло собою ту силу, на которую правители Бухары опирались на юге Восточной Бухары для подавления народных восстаний и что поэтому локайцы резко враждебно относились к Советской власти и были наиболее активными участниками басмаческого движения. По этому поводу необходимо отметить следующее.

При завоевании Бухарой восточных бекств, локайцы, как и остальное население этих областей, оказали упорное сопротивление, за что подверглись жестокому погрому, как уже было отмечено выше. Это зафиксировано рядом сообщений: о локайцах Бальджуана, «славящихся своей строптивостью и малою покорностью бухарскому правительству», упоминает И. Минаев.³ Ф. И. Лютко пишет, что «свободолюбивый Локай не мирился с уратой своей независимости. По рассказам 80-летнего старика Али-токсаба, в 80-х годах прошлого столетия был убит первый назначенный эмиром в Локай бек Мухаммади. После этого эмир неоднократно назначал беков, но безуспешно. По рассказам того же Али-токсаба, приблизительно в 90-х годах, во время поголовного восстания Локая, был убит бек Саиди».⁴

Эмирские власти в свое время убедились, что карательными мерами они не смогут подчинить локайцев, поэтому они прибегли к испытанному методу заигрывания и подкупа племенной феодальной знати, как мы указали выше. Можно привести еще некоторые сведения из литературы:

«Бухарские правители заигрывают с бадахшанцами, — читаем у М. А. Варыгина, — по соображениям быть может политического или экономического свойства, точно так же, как с отважным родом узбеков — локайцами. Локайцы, недовольные Бухарой, одно время подняли знамя восстания, на усмирение которого были посланы казаки. Они и теперь не

¹ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 43.

² Там же, стр. 49—50.

³ Минаев И., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. 196.

⁴ Лютко Ф. И., Ук. соч., стр. 46.

отрешились от мысли устроиться самостоятельно, почему у них идет глухая вражда с победителями, которые их иначе не зовут, как бунтовщиками. Несмотря на то, что обстоятельства благоприятствуют бухарцам, они не смеют наложить свою тяжелую руку на непокорных, зная, что могут потерять навсегда часть населения, возбудить ропот в остальных, а поэтому оставили локайцев в покое, сняв с них подати за разведение лошадей... Подобными льготами бухарцы видимо хотят приручить к себе свободолюбивое население, найти в них союзников и покорных слуг, но сколько бы не старались, им не добиться желаемого результата».¹

Действительно, народы Восточной Бухары (таджики и тюркоязычные племена) не покорились и постоянно вели упорную борьбу против поработителей как мангытских, так и своих собственных. Однако класс эксплуататоров быстро понял всю выгоду союза с завоевателями для еще большей эксплуатации своих соплеменников и поэтому, как пишет Б. Г. Гафуров, «Своей опорой эмират сделал здесь старую родовую аристократию племен (так называемые саркарда — родовые вожди у кочевников), старое военно-служилое сословие (сипо и наукары), духовенство, крупных землевладельцев и богатеев-баев».²

Достигалось это тем, что классовой верхушке кишлака давались бухарские чины. Эти чиновники, облеченные двойной властью (авторитет и власть главы рода или родового подразделения и власть государственная, данная от эмира) и двойным состоянием (прежнее богатство и танхо, данное эмиром), приобретали большую силу и нещадно эксплуатировали подвластное население. Большие возможности по отношению к своим соплеменникам в этом смысле им открывали старые патриархально-родовые пережитки.

Среди чиновничества локайские саркарда действительно занимали особое положение. Для того, чтобы держать в покорности беспокойное локайское племя и создать себе опору, своего рода карателей, для борьбы с другими непокорными народами, в частности с таджиками, эмирское правительство производило локайцев в большом числе в наукары и, кроме того, им в танхо выделялось в два и более раз больше хозяйств, чем наукарам других племен; «например, в нормальных условиях караул-беги³ получал 6 кошей,⁴ а караул-беги локайцев 15 и т. д.»⁵ В результате локайские крестьянские хозяйства почти все были розданы в танхо своим же наукарам и фактически были крепостными последних, а локайская служилая знать и чиновничество использовались эмирскими властями в качестве карателей для подавления народных восстаний. Один старый локаец из бывшего Бальджуанского бекства говорил нам, что «беком был мангыт, но фактически всегда правили локайские «оқ ўйли» («имеющие белые юрты» — так назывались локайские крупные наукары, зимой живущие в центре бекства и составляющие свиту бека).⁶

Из всего вышеизложенного становится понятным, почему локайская племенная феодальная верхушка особенно рьяно и долго боролась против Советской власти и, умело, вероломно и хитро используя пережитки пат-

¹ В а р ы г и н М. А., Опыт описания Кулябского бекства, стр. 794.

² Г а ф у р о в Б. Г., История таджикского народа, изд. 2, Госполитиздат, 1952, стр. 404.

³ Караул-беги — один из бухарских чинов.

⁴ Кош — пара рабочих волов или земля, обрабатываемая парой волов, или хозяйство, имеющее одну пару волов.

⁵ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, Сталинабад — Ташкент, 1930, стр. 13.

⁶ Полевая запись от 11 августа 1948 г.

риархально-родовых отношений, нередко прибегая к насилию, запугиванию, заставляла забитых и темных соплеменников участвовать в басмаческом движении. Недаром басмаческие шайки создавались по родовому признаку и во главе их становились «родовые вожди» или представители духовенства. Особо следует отметить роль ишанов — главарей суфийских орденов, которые имели многочисленных мюридов среди населения, мюридов, которые под страхом страшной кары обязаны были беспрекословно выполнять волю своего пира («духовного наставника»), не задумываясь идти на любые преступления. Панисламизм, насаждавшийся заклятыми врагами трудящихся, играл выдающуюся роль в басмачестве, отравляя своей реакционной идеологией сознание рядовых локайцев.

Главарь шаек апеллировали к «традиционной удали, воинственности и молодечеству» локайских джигитов. Во главе «войск ислама» для «священной войны с неверными» бежавшим в Афганистан эмиром был поставлен упоминавшийся выше Ибрагим-бек, локаец из рода Эсен-ходжа, сын крупного бая и чиновника, конокрад и разбойник, ставленник англо-американского империализма.¹

Нетрудно представить, в какой тяжелой и чрезвычайно сложной обстановке, в отмеченных локайских районах пришлось вести борьбу за укрепление Советской власти. Более десяти лет (с короткими перерывами) продолжалась жестокая вооруженная борьба с басмачеством. В огне этой борьбы перековывались и росли люди. В прошлом забитые, неграмотные, раздираемые межплеменной враждой, разоренные народные массы под руководством Коммунистической партии и братской помощи великого русского народа в лице Красной Армии, партийных и советских работников превращались в сознательных строителей нового социалистического государства. В процессе этой жестокой борьбы происходило и восстановление разрушенного хозяйства и колхозное строительство.

Народы Таджикской Советской Социалистической Республики, в том числе и локайцы, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, благодаря повседневной заботе и помощи Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства добились больших успехов в области хозяйственного и культурного строительства. В обращении III-го чрезвычайного съезда Таджикской Советской Социалистической Республики ко всем трудящимся Таджикистана, принятом на заседании от 19 октября 1929 г., говорилось:

«Мы ставим перед собой совершенно ясную задачу.

Мы хотим и сможем превратить Таджикистан, ранее нищую, отсталую, разоренную басмачами страну, в цветущую социалистическую республику.

Мы хотим и сможем воспитать в нашей республике новых советских граждан, совершенно свободных от темноты и рабских пережитков прошлого — наследие времен хана и Российского самодержавия».²

Трудящиеся Таджикистана с честью выполнили эту задачу.

История советского и колхозного строительства — одна из самых славных и замечательных страниц в истории народов Таджикистана. К изучению ее и освещению приступили историки Советского Таджикистана.

¹ См. Иркаев М., Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества, Материалы к истории таджикского народа в советский период (сборник статей), Таджикгосиздат, 1954, стр. 115—186.

² Фаньян Д., К истории советского строительства в Таджикистане, Сборник документов, ч. I, Сталинабад, 1940, стр. 146.

II. ЖИВОТНОВОДСТВО КАК ОСНОВНАЯ ОТРАСЛЬ ХОЗЯЙСТВА ЛОКАЙЦЕВ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Общая характеристика

Ведущей отраслью хозяйства локайцев в прошлом было животноводство. Хлебопашество же стало получать широкое распространение лишь с последней четверти прошлого столетия.

Экстенсивное кочевое скотоводство у локайцев было тесно связано с местными природными условиями, от которых оно в значительной степени зависело. Поэтому позволим себе остановиться на описании физико-географических условий, в частности на описании пастбищ.¹

Хозяйственная деятельность локайцев протекает на территории Южно-Таджикистанского низкогорья. В отгонном животноводстве использовались пастбища, расположенные и вне этой области, в зонах среднегорья и высокогорья.

Южно-Таджикистанское низкогорье лежит к югу от Гиссарской долины, долины реки Иляка (левый приток Кафирнигана) и нижнего течения Оби-Хингоу и простирается до реки Пянджа—Аму-Дарьи.

Эта область вся пересечена невысокими (не выше 1800—2000 м над уровнем моря) хребтами, разделенными долинами различной ширины. Хребты простираются параллельно друг другу с северо-востока на юго-запад. В южной части они имеют почти меридиональное направление, а на севере, плавно изгибаясь к северо-востоку, приобретают почти широтное направление. Таким образом, эти горные цепи образуют пологие дуги, обращенные выпуклостью на северо-запад. Северо-восточные концы их, все повышаясь, направляются к хребту Петра Первого, а южные упираются в долину Пянджа — Аму-Дарьи, причем, некоторые из них, постепенно понижаясь, сливаются с долиной реки.

¹ Для описания природных условий, помимо личных наблюдений автора, привлекались следующие работы: Таджикистан (физико-географический очерк), Л., 1936; Васильев П. А., Таджикистан, Сталинабад, 1947; Советский Таджикистан, Сталинабад, 1950.

Описание пастбищ дается на основании следующих работ: Советкина М. М., Пастбища и сенокосы Средней Азии, Ташкент, 1938; Ларин И. В. и коллектив авторов, Кормовые растения естественных сенокосов и пастбищ СССР, М., 1937; Морозова О. И., Пастбища и их использование, Сб. «Советский Таджикистан», Сталинабад, 1950; Саверкин А. П., Состояние летних высокогорных пастбищ Гиссарского хребта и пути их улучшения и использования, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 28, Сталинабад, 1951.

За постоянные консультации при непосредственном знакомстве с пастбищами Таджикистана автор приносит свою глубокую благодарность профессору О. И. Морозовой.

Долины между этими хребтами на севере или узки, или замкнуты, а на юге они расширяются и сливаются с долинами Вахша и Пянджа — Аму-Дарья.

Южный Таджикистан, огражденный высокими горными хребтами от холодных и приносящих осадки северо-восточных ветров, но открытый в сторону одной из великих пустынь Средней Азии — Кара-Кум, относится к числу самых теплых областей Советского Союза и отличается сухостью климата.

Лето в Южном Таджикистане сухое и знойное, длится 4—5 месяцев. Осень (октябрь, ноябрь) теплая, безветренная и большей частью ясная. Зима теплая, сплошной снеговой покров лежит недолго, особенно на южных склонах адыров. Иногда массы холодного арктического воздуха прорываются на территорию Южно-Таджикистанского низкогорья, поэтому минимальные зимние температуры низки. Правда, морозы бывают не каждый год и обычно держатся всего несколько дней. Весна ранняя (наступает иногда в конце февраля), короткая с обильными осадками. Во второй половине мая обычно начинается уборка ячменя на высоте Яванской долины.

Большую роль в создании климатических условий играют вертикальная зональность и, в результате сильной расчлененности местности, микроклиматические особенности.

С продвижением на северо-восток, в связи с повышением местности и удалением от пустыни Кара-Кум, жара слабеет, продолжительность лета сокращается, а зимой сплошной снеговой покров лежит дольше.

Осадки приносятся преимущественно западными и юго-западными ветрами. Наибольшее количество (более половины) осадков падает на весну (март, апрель). В это время они выпадают в виде теплых дождей и ливней. Зимой, хотя осадков выпадает меньше, но количество дней с осадками бывает гораздо больше. Выпадают они в виде дождя и снега. После сухого лета и ясной осени, часто без капли дождя в течение 3—4 месяцев, первые дожди начинают перепадать лишь в ноябре. Обычно в начале ноября проходят небольшие дожди, а затем снова устанавливается ясная и очень тихая погода, которая держится нередко до декабря и даже января.

Зимой и весной, когда часты облачные дни в Гиссарской долине, можно наблюдать, как облака, прикрывающие небо Гиссарской долины, доходят только до гребня гор, ограничивающих долину с юга, а далее к югу от гребня гор виднеется безоблачное небо.

В Южном Таджикистане большую часть года преобладают затишье или ветры, не достигающие значительной силы. Наиболее характерным из ветров, достигающих довольно большой силы является юго-юго-западный ветер, дующий со стороны Афганистана и называемый в литературе, а также среди русского населения «афганцем» (местное название его «даур» или «чангыт», иногда произносят «жангыт» или же описательно «ветер Имам Саиба»¹). «Афганец» приносит сухую мглу, как бы желтый густой туман, состоящий из мельчайших частиц пыли, взвешенных в воздухе. Продолжительность «афганца» от нескольких часов до нескольких дней, но мгла и после прекращения ветра держится еще довольно долго.

¹ Хазрет-Имам-Сахиб — населенный пункт в Северном Афганистане неподалеку от границы, против Файзабад-калы.

Летний «афганец» бывает двух видов: один горячий (гарм-силь), а другой, наоборот, приносящий некоторую прохладу. Первый очень вредно влияет на растительность, обжигает ее. К счастью, он дует редко, даже не каждый год. Зимой «афганец» дует редко и не имеет значительной силы, но сопровождается сильными снежными метелями.

В долинах между гор текут такие значительные реки, как Кафирниган, Вахш, Кзыл-Су и Ях-Су, а также их притоки — Дагана-Су, Яван-Су и Таир-Су. Несмотря на наличие стольких рек, районы локайского расселения бедны водой, так как локайцы селились преимущественно на адырах, вне долин больших рек.

Река Кафирниган лишь на небольшом участке, перед поворотом на юг, примыкала непосредственно к району локайского расселения и до установления Советской власти вода ее почти не использовалась локайцами, если не считать небольших участков поливной люцерны.

Жители Леурской долины (единственной долины, открывающейся на север), по которой протекает речка Сасык-Су, с соленой, непригодной для питья водой, ездили за пресной водой на Кафирниган, или брали ее из родника Галау-Кудук у одноименного кишлака.

На правом берегу Вахша, незадолго до выхода его из горных теснин, стоит кишлак Санг-Туда со смешанным локайско-таджикским населением. У этого кишлака издавна имелись небольшие участки поливных земель.

После выхода Вахша из гор, на правом берегу его была расположена болотистая низменность Арал-Тугай, т. е. «Тугайный остров», окруженный протоками этой реки. «Остров» этот, как говорилось в разделе о расселении, был локайской землей и там имелись орошенные поля.

Реки Кзыл-Су и Ях-Су протекают по локайской территории в среднем своем течении и до советской власти использовались в очень незначительных размерах для полива рисовых полей и посевов люцерны.

Речки Дагана-Су, Яван-Су и Таир-Су — грунтового питания, их сильно минерализованная вода пригодна только для водопоя скота и то не во все сезоны года. Они использовались и для орошения, но поливные участки были чрезвычайно малы. Водой Дагана-Су, например, до революции орошались небольшие участки под хлопок.

Эти речки летом почти пересыхают. Они текут по широким долинам, прорезав глубокие русла в толще лессовых отложений, по дну оврагов, глубина которых местами доходит до 15—20 м. В речки эти впадает множество мелких ручьев, большую часть года представляющих собой сухие, глубокие и узкие овраги, наполняющиеся мутными бешеными потоками лишь во время весенних ливней.

На территории локайского расселения большую роль играют родники, так как они обычно являются единственным источником водоснабжения. Далеко не все родники имеют воду, годную для питья. Большинство из них имеют так же, как вышеназванные речки, соленую воду, поэтому население многих локайских кишлаков пресную воду привозит на ослах, нередко за 5—10 и более км (рис. 5). Летом в некоторых родниках количество воды сильно уменьшается. Иногда воду набирают кружкой, спустившись в глубокий колодец и часами ожидая, когда наберется столько воды, чтобы можно было ее зачерпнуть. Некоторые родники совсем пересыхают. Зимой жители многих кишлаков растапливают снег. Для сбора воды весенних дождей на склонах гор сооружаются специальные огороженные водоемы (қоқ) (рис. 6). Эту воду употребляет население, так как для скота весной достаточно бывает воды в соленых источниках.

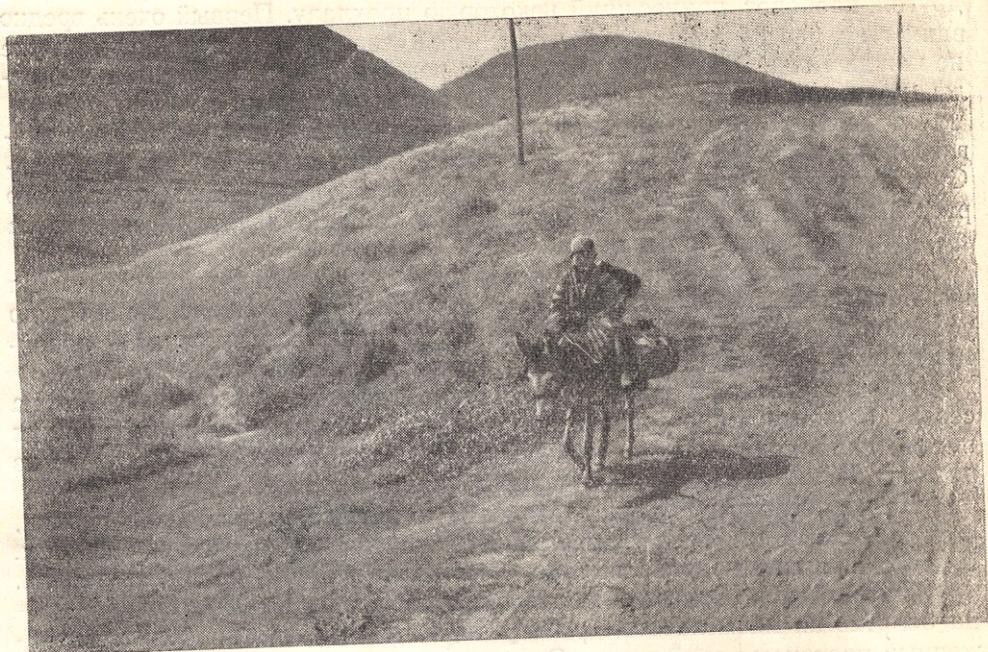

Рис. 5. Доставка питьевой воды в глиняных кувшинах. Фото Н. В. Темнова.

Рис. 6. Искусственный водоем для сбора талых вод. Фото Н. В. Темнова.

В результате недостатка воды локайские кишлаки были так непохожи на утопающие в садах кишлаки речных долин: в них не было ни садов, ни огородов, в лучшем случае можно было встретить несколько покрытых пылью тутовых деревьев. Но эти места издревле привлекали человека своими пастбищами и пахотными землями.

Природные условия Таджикистана позволяют содержать скот круглый год на подножном корму. Пастбища по своим природным особенностям и характеру использования делятся на 3 различные группы: а) осенне-зимне-весенние пастбища предгорно-низкогорных районов; б) проходные пастбища среднегорных районов; в) летние пастбища субальпийского и альпийского поясов.¹

Южный Таджикистан расположен в зоне пустынных и полупустынных низкогорных пастбищ и является главным массивом весенне-зимне-осенних пастбищ для отгонного животноводства не только Южного, но и всего Центрального Таджикистана, и только северо-восточная часть его располагается в зоне проходных пастбищ. Локайцы всю территорию к югу от гребня хребтов Ранген-Тау и Яван-Тау называют чўл — пустыней, степью, зимовочными местами, в отличие от северных склонов тех же хребтов. Северные склоны называются джайляу — летовки.

В Южном Таджикистане типично-зимних пустынных пастбищ немного: небольшие площади юго-запада заняты травостоем со значительным количеством зимних кормов — полыни, кустарниковых и полукустарниковых солянок, саксаула белого и черного. Зимовка же локайцев в основном производилась на пастбищах типично-весенних, т. е. дающих максимальное количество корма в весенний период, а на зиму здесь остается минимальное количество кормов. Это — горные полупустынные эфемеро-вые пастбища на высоте 800—1000 м.

Среди эфемеров этого пояса господствуют многолетники: осока пустынная — ранг (*Carex pachystylis* Gay.) и мятлик луковичный — конгур-баш (*Poa bulbosa* L.), но к ним в обилии примешиваются многие однолетние эфемеро-вые злаки: костры, дикие пшеницы, ячмени, а также бобовые: эспарцеты мелкие, люцерны и многочисленные астрагалы.

Следует отметить, что под влиянием постоянного выпаса в этом высотном поясе, т. е. в верхней части полупустынного пояса, сформировалась растительность преимущественно сорнякового характера, с преобладанием однолетних злаков, вооруженных грубыми крепкими осями. Однолетним злакам сопутствуют бобовые однолетники и сравнительно небольшое количество видов однолетнего разнотравья. Эти растения очень хорошо поедаются на ранних стадиях развития, но уже в конце первой половины весны делаются все менее и менее съедобными.

В период перегона скота на летние пастбища в этом поясе еще достаточно корма, но если задержаться до начала июня, уже корма недостаточно, несмотря на наибольшее количество растительной массы (15—25 ц/га). Существенным недостатком пастбищного юга Таджикистана с хозяйственной точки зрения является крайняя неустойчивость урожаев, которые колеблются в пределах от 1 до 10 ц/га на одном и том же участке.²

Заканчивая описание пастбищ, используемых для зимовки скота, следует остановиться на речных долинах. Нижние широкие части долин

¹ Морозова О. И., Пастбища и их использование, Советский Таджикистан, Сталинабад, 1950, стр. 38.

² Морозова О. И., Устное сообщение.

таких рек, как Кафирниган, Вахш, Кзыл-Су и Ях-Су, были заросшими тугайной растительностью: турангой (разнолистный тополь), джидой (лох), гребенщиком (тамарикс) и др., а также гигантскими травянистыми растениями — злаком эриантусом, диким сахарным тростником, осой, камышом и солодкой.

рис. 7. Зимние пастбища. Низовья реки Таир-Су. Фото В. А. Ранова.

Изредка в Южном Таджикистане бывают снежные зимы. Адыры покрываются довольно глубоким снегом и животные (лошади и овцы) не могут тебеневать, т. е. доставать себе корм из-под снега. В старое время, когда не делались запасы сена, в такие годы скот сгонялся в тугаи, где древесно-кустарниковая растительность и высокие травы выступают из-под снега и, поэтому, бывают доступны животным. Зимой в тугаи загоняли скот и в засушливые годы, когда на других пастбищах бывал плохой урожай трав.

Выше зоны зимовочных пастбищ (1000—1700 м) в высоких частях Ранген-Тау и других хребтов распространены пырейно-разнотравные, своеобразные степные пастбища. Пырейно-разнотравные пастбища являлись основным летним пастбищем для конского поголовья и отчасти крупного рогатого скота локайцев.

За пределами расселения локайцев ими использовались проходные пастбища среднегорья (частично и на своей территории) и высокогорные пастбища субальпийского и альпийского поясов.

Верхние зоны осенне-зимне-весенних пастбищ являются, в то же время, проходными для нижележащих полупустынных и пустынных зон.

Исключительно проходные пастбища расположены на высоте 1200—2400 м преимущественно в Центральном Таджикистане, а в Южном Таджикистане они распространены только в северной и северо-восточных частях его. В этой зоне значительные пространства были заняты под бо-

гарными посевами. Здесь преобладают розарии (заросли шиповника). В верхних частях к ним примешиваются различные кустарники: жимолость, барбарис и карагана (дикая акация). В этих зарослях развиваются многолетние злаки (ежа, луковичный ячмень), люцерна, вика тонколистная. На южных склонах преобладают юган зонтичный,¹ а также непоедаемые виды многолетнего разнотравья. Эта растительность (за исключением непоедаемых видов) в зеленом еще состоянии используется скотом при перегоне на летние высокогорные пастбища.

При обратном движении поголовья осенью на проходных пастбищах, а местами и на осенне-зимне-весенних, скот выпасается по жнивью убранных хлебов. Здесь скот ест и оставшиеся зеленые растения (сорняки, развившиеся после уборки культур), и осыпавшееся при уборке зерно. У работников животноводства стернь считается очень ценным местом для выпаса, способным сохранить высокую упитанность, полученную животными при летовке на высокогорье.

Летние пастбища субальпийской и альпийской зон вплоть до 40-х годов текущего столетия использовались локайцами только для выпасания овец, но за последние годы на них стала перегоняться и значительная часть конского поголовья локайских колхозов. Эти пастбища целиком расположены за пределами районов локайского расселения.

На пастбища субальпийской зоны (2400—3400 м над уровнем моря) скот доходит в течение июня. В этой зоне растительный покров представлен двумя основными типами: 1) луговые субальпийские сообщества в местах со значительным увлажнением и 2) степные субальпийские сообщества на более засушливых участках.

Первый тип представлен преимущественно лисохвостовыми или мятликовыми лугами с примесью других многолетних злаков — рисовидок, местами ежи. Все это крупные злаки, дающие травостой высотой до метра. Обычно эти луга очень засорены крупными сорняками (кузиния, шульха — конский щавель, крестовик джунгарский, бузульник, эремурус).

Второй тип, т. е. пастбища со степной субальпийской растительностью, представлены типчачковыми или ковыльными сообществами. К типчаку местами присоединяются мятлик, ковыль, костер и кузиния.

Низкотравные альпийские луга располагаются на высоте 3200—3800 м. Растительность представлена низкорослыми полукустарниками и многолетними травами, а также низкими мелкодернистыми злаками (высота 5—6 см). Они менее всех других видов пастбищ засорены. Сюда стада приходят не раньше половины июля и остаются до конца августа.

Богатейшие пастбища Таджикистана хищнически эксплуатировались в течение многих веков и тысячелетий. Южный Таджикистан, в частности страна Хутталъ (нынешняя Кулябская область), славился в древности своим скотоводством.² В средние века также многотысячные отары и табуны паслись на этих пастбищах. В мемуарах Бабура неоднократно встречаются упоминания о стадах в 30—40 тысяч овец у богатых феодалов Хисара, Чаганиана (долина реки Сурхан-Дарьи) и Хутталя.

Хищническое использование вело к постоянному вырождению пастбищ, к замене высокоценных кормовых растений несъедобными сорня-

¹ Юган в зеленом виде не поедается, но скармливается в виде сена овцам и козам. Есть указание, что лошади при поедании югана слепнут (Саверкин А. П., Ук. соч., стр. 21).

² Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э., Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 121.

ками. В результате этого, в наследство от прошлого, животноводство Таджикистана получило настолько засоренные пастбища, что они даже теперь дают низкий процент поедаемого корма.

Наши геоботаники-пастбищники, зоотехники и колхозные животноводы не ограничиваются, конечно, одной констатацией плачевного состояния пастбищ. Они разрабатывают и энергично проводят в жизнь мероприятия по восстановлению и улучшению пастбищ.

Вооруженные передовой мичуринской агробιοлогической наукой, они в ближайшем будущем не только восстановят, но и улучшат обширные пастбища Таджикистана и создадут условия для дальнейшего роста поголовья скота и повышения его продуктивности.

Весь прежний (дореволюционный) образ жизни локайцев свидетельствует о том, что животноводство являлось их основным и древним занятием. Вплоть до середины прошлого столетия оно носило экстенсивно-кочевой характер: локайцы вместе со скотом кочевали по сезонным пастбищам, летом подымаясь в более высокие части гор, а осенью спускаясь в предгорья и долины. Скот круглый год находился на подножном корму. Поэтому благосостояние локайцев зависело от природы, в основном от погоды. В те годы, когда погода благоприятствовала росту трав, когда зима бывала короткой и теплой, хорошо размножался скот, росло благосостояние скотоводов и, наоборот, в те годы, когда засуха сжигала траву, или зима выдавалась затяжная и снежная, или наступала гололедица, начиналась массовая гибель скота.

Рациональные средства борьбы с неблагоприятными природными условиями в основном сводились к искусству выпаса.

Локайцы разводили лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, ослов и в очень незначительном количестве верблюдов.

Среди всех видов животноводства преобладающим было коневодство. У различных авторов в статьях и заметках, посвященных Восточной Бухаре, неоднократно встречаются упоминания об «огромных табунах» у локайцев.¹ Статистических данных о количестве скота у локайцев в дореволюционное время не имеется. А. Е. Снесарев приводит общий подсчет голов скота в Кулябском и Бальджуанском бекствах, «переданный туземцем»,² но эти цифры нам ничего не говорят, т. к. в Бальджуанском бекстве из 14 амлякдарств, приведенных А. Е. Снесаревым, только 6 имели локайское население, да и то не сплошное.

Распросные цифровые данные, показывающие количество поголовья скота в Локае³ на 1919 г., дает Ф. И. Лютко, но эти цифры также не могут дать правдивой картины, т. к. объединяют данные по разным племенам и народностям (локайцы, таджики, карлуки и др.), живущим на указанной территории, хозяйство которых имело неодинаковое направление. Но все же приведем цифры Ф. И. Лютко, чтобы иметь некоторое

¹ Маев Н., Очерки Гиссарского края, Туркестанские ведомости, 1875, № 10, стр. 35; Лилиенталь, Гиссарское и Кабадианское бекства, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем будем называть «Сборник материалов по Азии»), вып. LVII, СПб., 1894, стр. 318; Снесарев А. Е., Восточная Бухара, СПб., 1906, стр. 63; Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 266; Варыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, ИРГО, т. LII, вып. X, стр. 794 и др.

² Снесарев А. Е., Ук. соч., стр. 62.

³ Ф. И. Лютко под Локаем разумеет территорию нынешних районов центрального подчинения: Кокташского, Яванского, Дагана-Кинкского, Куйбышевского, правобережной части Курган-Тюбинского и северо-восточную часть Микоянабадского.

представление хотя бы о том, сколько примерно скота было у населения на указанной относительно небольшой территории на 1919 г.:¹

Лошадей рабочих	—	5 000	голов
Лошадей в табунах	—	51 000	»
Коров	—	15 000	»
Баранов	—	5 000 000	»
Коз	—	2 500 000	»

Этот же автор дает следующую характеристику насыщенности скотом отдельных хозяйств: «До 1919 г. в некоторых табунах Локая насчитывалось от одной до двух тысяч коней. Самый бедный бай и скотовод имел 100—150 коней. Некоторые овцеводы имели стада баранов до 5000 голов. В общем на каждый двор в Локае в этот период приходилось по три коровы».²

По данным же наших информаторов, относящимся к тому же периоду, что и сведения Ф. И. Лютко, т. е. к десятим годам текущего столетия, в это время в занятиях всех слоев населения земледелие все более вытесняло скотоводство и начинало занимать ведущее место, но несмотря на это, поголовье скота, в частности лошадей, у отдельных баев было достаточно велико. Зажиточные локайцы имели до 100—200 лошадей, столько же или менее овец, несколько десятков коз и коров. Численность лошадей отдельных байских табунов доходила до 300—400 и более голов. Хотя Ф. И. Лютко, как мы видели выше, и говорит, что в отдельных табунах насчитывалось от одной до двух тысяч лошадей, нам ни разу не приходилось слышать о владельцах более тысячи лошадей.

Самым богатым из гиссарских локайцев считался Матам-бай из кишлака Гарау Яванского района. Он имел 1000 лошадей. Среди кулябских (бальджуанских) локайцев самым богатым был Халбаба из рода Чыркыравык, житель кишлака Сельбур. Он имел 900 лошадей и 3000 овец. Одним из богачей был Амирали-бай из подразделения Бай-толыш рода Турт-ата, житель кишлака Бача-Мазар Советского района. Он имел 500 лошадей, 10 000 овец и 50—60 верблюдов. Ута-бай из рода Кзыл-бай имел 30 отар овец.

Такие бай, у которых было много овец, а тем более верблюдов, были исключением среди локайцев. Владельцы 3000—4000 овец были довольно редки. Как овцеводы славилась карлуки. Среди них встречались владельцы 20—25 тысяч овец. Верблюдоводами были кунграты. Локайцы прежде всего были коневоды. Наиболее известными коннозаводчиком был Джуракул-токсаба из подразделения Ак-сары рода Эсен-ходжа, уроженец кишлака Чолташ Кокташского района. Он поставлял лошадей русским отрядам для военного ремонта. Славилась кони яванских баев Мулла-Якуба и Мулла-Джала.³ Несколькими табунами владел Кума-бай из подразделения Кулумбет рода Эсен-ходжа, уроженец кишлака Гомсу Дангаринского района. Хотя поголовье его было немногочисленно, но отличалось породистостью.

В тех хозяйствах, где земледелие имело широкие размеры и носило товарный характер, коневодство отошло на второй план. Например, Мухаммади-бий из кишлака Беш-Булок (наиболее влиятельный человек из мергенов, подразделения рода Бадроглы) имел 80 пар рабо-

¹ Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 41.

² Лютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 41.

³ Мулла-Джала из кишлака Беш-кепе — бывший владелец известного производителя сорок первого конного завода, по кличке «Красавчик», павшего в 1940 г.

чих волов и обрабатывал соответственное количество земли, прорыл канал на Арал-Тугае и там возделывал хлопок, который сдавал русским предпринимателям. Кроме того, он имел 500 овец и 200—300 лошадей. В долине Дагана-Су жил Тюрахан-бай. Он имел значительные посевы, собственную мельницу, 50—60 дойных коров, столько же ослов и 200—300 лошадей.

Хозяйством среднего достатка считалось такое, в котором имелось 2—3 пары рабочих волов, 5—6 дойных коров, сотня овец и коз, десяток лошадей и несколько ослов. Что касается верблюдов, то у рядовых локайцев их не было.

Весьма значительную прослойку у локайцев составляли бедняки. К ним могут быть причислены владельцы нескольких десятков овец и коз, одной-двух коров, одного осла и ездового коня, иногда еще одного вола. Такие хозяйства не могли прокормиться собственным скотом и находились в кабальной зависимости от байских хозяйств. Немало было батраков совершенно лишенных скота и других средств производства. По приблизительным подсчетам Ф. И. Льютко, они составляли 30% населения Локая.¹

Итак, ведущей отраслью дореволюционного скотоводства локайцев было коневодство, второе место занимало овцеводство. Что касается разведения крупного рогатого скота, то оно стало расширяться только с переходом к земледелию. Казалось бы, что до перехода к земледелию, когда основную пищу составляли молочные продукты, разведение молочно крупного рогатого скота должно было занимать выдающееся место. Однако этого не случилось в силу ряда определенных причин. Прежде всего разведение крупного рогатого скота в условиях кочевого и воинственного образа жизни упирается в проблему обеспечения его кормом. Как известно, крупный рогатый скот не может тебеневать, а заготавливать для него в необходимом количестве корм в описанных выше условиях не представлялось возможным. Разведение его при кочевом образе жизни затруднено также и малой подвижностью этого вида скота.² Недаром локайцы, как и казахи, относились даже с некоторым пренебрежением к крупному рогатому скоту.³ По выражению локайцев, его «за скотину не считали» («Молго хисобламас эди»). Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что вследствие низкой продуктивности местной породы в отношении молока разведение коров не являлось особенно выгодным в смысле обеспеченности хозяйства достаточным количеством молока. С этой целью было гораздо выгоднее разводить крайне неприхотливых и весьма подвижных коз, вследствие чего козоводство у локайцев, особенно среди бедных слоев населения, было довольно развито. Кроме того, молоко давали и овцы, разведение которых составляет одну из характерных черт кочевого скотоводства. Наконец приходится иметь в виду и подверженность крупного рогатого скота в условиях жаркого климата различным кровепаразитарным заболеваниям.

С расширением земледелия положение изменилось: с одной стороны, земледелие давало корм для зимнего стойлового содержания крупного рогатого скота (в виде соломы, отрубей и жмыха); с другой стороны,

¹ Льютко Ф. И., Басмачество в Локае, стр. 31.

² Подобная картина наблюдалась и у других кочевых скотоводческих народов, в частности, у казахов, как это наглядно показано в работе проф. Л. П. Потапова «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни» (Сборник МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 48—49).

³ Там же.

скот этот получил новое применение — он стал необходимой тягловой силой для полевых работ.

В связи с изложенным возникает ряд вопросов. Было ли коневодство ведущим занятием локайцев еще в отдаленном прошлом или оно получило широкое развитие только после того, как локайцы заняли бассейн правых притоков Аму-Дарьи, область, которая еще в древности, за много веков до их прихода туда, славилась лошадьми, «подобных которым нет ни в одной из других стран»?¹

Почему высокопродуктивное гиссарское овцеводство не заняло большого места в хозяйстве локайцев-кочевников?

Для того, чтобы ответить на это нам придется обратиться к вопросу о происхождении породы локайских лошадей и гиссарской овцы. Это необходимо еще потому, что попытки выяснить эту проблему исследователями-зоотехниками без привлечения исторических, археологических и этнографических материалов привели авторов к ошибочным выводам.

Локайцы разводили не очень крупных, но выносливых верхово-вьючных лошадей, сильных, ловких и довольно резвых. Эти лошади под названием локайских или гиссарских были известны далеко за пределами Восточной Бухары.

Локайские коневоды обычно считают, что их деды вывели локайскую лошадь из Балха (поскольку локайцы считают себя выходцами из Балха), что карабаирская, локайская и афганская лошади представляют одну породу и что в настоящее время локайская лошадь «испорчена» примесью крови киргизской лошади.²

Как дореволюционные, так и первые советские наблюдатели считали локайскую породу разновидностью карабаирской или киргизской.³

Вопрос о происхождении локайской лошади, как самостоятельной, отличной от карабаира, породы впервые поставлен Г. Г. Хитенковым, первым исследователем локайской лошади.⁴

В своих изысканиях Г. Г. Хитенков опирался на два непреложных для него положения:

1. Когда локайцы пришли в Среднюю Азию вместе с другими узбекскими племенами во главе с Шейбани-ханом, они привели и свою узбекскую лошадь монгольского корня.

2. Локайцы на новых местах продолжали разводить эту же породу, т. к. они при занятии новых земель вытеснили коренных жителей вместе с их скотом.

Исходя из этих положений, Г. Г. Хитенков, для выяснения происхождения локайской лошади, сопоставляет иппологические данные ее с данными ряда других конских пород, «которые на протяжении истории могли быть в соприкосновении с нею, или же могли быть непосредственными ее родоначальницами».⁵ Однако эти сопоставления не дали никаких достоверных данных для указания исходной породы или хотя бы той породы, которая оказала наибольшее влияние на формирование локайской

¹ Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутгала..., стр. 165.

² Записано от известного локайского коневода, ныне покойного, Куандыка Алишева из кишлака Шурча Яванского района.

³ Шахназаров А. И., Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908; стр. 331; Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 126—127; Кологривов Ю., О карабаирской породе лошадей, Практическая ветеринария и коневодство, № 8—9, 1925, стр. 72—80.

⁴ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 220—233.

⁵ Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 223.

лошади. Не будучи в состоянии придти к определенным выводам на основании иппологических данных, Г. Г. Хитенков обращается к естественного-географическим и историко-этнографическим материалам. Отмечая горный рельеф страны, изолированность ее и удаленность от торговых путей, а также разбойничий образ жизни локайцев. Г. Г. Хитенков приходит к следующему выводу: «Многовековой отбор по силе, выносливости и резвости в соединении с горными условиями табунного содержания, некоторое прилитие крови арабских лошадей, а также возможно улучшение иомутской лошадей и карабаирами и создали из не крупной узбекской лошади монгольского корня то, что мы сейчас наблюдаем: прекрасную верхово-вьючную лошадь».¹

В статье М. Е. Массона «К истории происхождения локайской лошади» с большой обстоятельностью опровергается приведенный выше вывод Г. Г. Хитенкова. Основываясь на обширном и разнообразном историческом материале, М. Е. Массон приходит к выводу, совершенно отличному от Г. Г. Хитенкова. При этом М. Е. Массон исходит из трех основных положений:

1. Территория, на которой в настоящее время разводится локайская лошадь, с очень отдаленных времен (первые сведения относятся к 360 г. до н. э.) славилась своими лошадьми. В средние века лошади этих областей были известны под названием хуттальских или хутталянских по имени страны Хутталь (она занимала территорию между Вахшем и Пянджем). Эти лошади, «подобных которым нет ни в одной из других стран», вывозились «во все страны», в том числе и в культурные оазисы Средней Азии».²

2. Локайцы не узбеки по происхождению и, несомненно, пришли на территорию современного их обитания задолго до узбеков XVI в., возможно даже в VI—VIII вв., поэтому нет оснований считать локайскую лошадь узбекской (монгольского корня).

3. Нет оснований допускать, что завоеватели (будь то монголы, узбеки или другие), расселяясь по равнинным и предгорным частям Средней Азии, вытесняли оттуда коренных ираноязычных жителей вместе с их скотом. Наоборот, можно думать, «что, обосновавшись на новых местах, пришельцы освоили разведение уже существовавших здесь пород горных лошадей, как более приспособленных к местным условиям географической среды».³

Исходя из этих основных положений, М. Е. Массон приходит к выводу, что «локайская лошадь несет в себе кровь издревле славившихся хуттальских верхово-вьючных лошадей горного типа, очевидно родственных также бадахшанским и другим лошадям верховьев Аму-Дарьи и известных еще до арабского завоевания».⁴

Этот вывод М. Е. Массона поддерживает и А. М. Беленицкий в статье о хуттальской лошади.⁵

Прежде, чем высказать свою точку зрения на генезис локайской ло-

¹ Там же.

² Массон М. Е., Ук. соч., стр. 53—55. Многочисленные извлечения из исторических источников о замечательных хуттальских лошадях, а также примеры восторженного прославления их в средневековой арабо-персидской поэзии приведены в статье А. М. Беленицкого «Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании» (Советская этнография, № 4, 1948, стр. 162—167).

³ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁵ Беленицкий А. М., Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, Советская этнография, № 4, 1948, стр. 167.

шади, обратимся еще к интересной статье проф. В. О. Витта.¹ В этой статье для нас представляет особый интерес следующее подытоживающее высказывание:

«Все данные говорят о том, что в наиболее чистом виде наименее затронутым какой бы то ни было метизацией, лошадь древнего Востока представлена ахал-текинской породой. Иомутская лошадь Туркмении хотя и близка к ахал-текинской, но все же несколько от нее отклоняется. Карабаиры и локайцы, чрезвычайно ценные породы наших среднеазиатских республик, образовались от скрещивания древних исконных пород Средней Азии с породами, ввезенными туда завоевателями-монголами».²

Как видим, концепция М. Е. Массона, с одной стороны, близка к точке зрения В. О. Витта и как бы уточняет ее, называя ту древнюю исконную породу, которая явилась родоначальницей локайской лошади, но, с другой стороны, концепция проф. М. Е. Массона, исходя из сравнительных данных Г. Г. Хитенкова и узбекского происхождения локайцев, молчаливо предлагает отрицание влияния лошадей монгольского корня на локайскую.

Напротив, В. О. Витт, как нам кажется, несколько преувеличивает роль лошадей тюркско-монгольских завоевателей в образовании локайской породы.

Генезис локайской лошади представляется нам в следующем виде.

Хуттальские лошади, славу которых исторические источники фиксируют вплоть до монгольского завоевания,³ с приходом тюрко-монгольских племен не должны были исчезнуть бесследно, вытесненные в горы вместе с коренным населением. Кочевники-скотоводы (будь то тюрки до- и послемонгольского времени или узбеки XVI в.), неоднократно занимавшие эти издревле славившиеся скотоводством области по верхнему течению Аму-Дарьи, знали цену лошади и, разрушая земледельческую культуру, не должны были уничтожать или изгонять культурные породы лошадей и других видов скота. Наоборот, как заметил М. Е. Массон,⁴ они должны были заменять постепенно свой малоценный и неприспособленный к местным условиям скот местными культурными породами.⁵

Лошади пришельцев также не могли моментально исчезнуть и, несомненно, должны были в какой-то степени повлиять на местные породы, в частности на хуттальскую лошадь, но это влияние не должно было быть существенным, т. к. в результате поглотительной метизации (в чем нельзя сомневаться, принимая во внимание выдающиеся качества хуттальской лошади и ее приспособленность к местным условиям) пришлые породы должны были быстро раствориться в коренной. Это подтверждается хотя бы тем, что одно-полтора столетия спустя после узбекского завоевания, лошади Южного Таджикистана попрежнему славились в сопредельных странах и также, как тысячелетия тому назад, они вывозились в соседние страны.

¹ «Лошадь древнего Востока». Она помещена в сборнике «Конские породы Средней Азии» первой и является как бы введением ко всем последующим статьям, в том числе и к статье Г. Г. Хитенкова о локайской лошади. К сожалению, эта работа недостаточно учтена Г. Г. Хитенковым.

² Там же, стр. 32.

³ Беленицкий А. М., Хуттальская лошадь..., стр. 165.

⁴ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 57.

⁵ Следует подчеркнуть, что природные условия Южного Таджикистана значительно отличаются от других мест Среднеазиатского Междуречья, не говоря уже о степях к северу от Сыр-Дарьи.

В этом отношении примечательны слова французского врача Франсуа Бернье, прожившего ряд лет в Могольской Индии во времена Аурангзеба в XVII в.: «Индостан нуждается даже в большом количестве лошадей: известно, что из Узбекистана он получает ежегодно более двадцати пяти тысяч, из Персии, через Кандагар, их также привозят немало, а некоторое количество прибывает из Эфиопии, Аравии и Персии морем — из портов Мохи, Бассоры и Бендер-Аббаса».¹ Далее, описывая армию Аурангзеба, Бернье пишет: «Здесь же Кобат-хан, или главнокомандующий кавалерией, тщательно осматривает лошадей новых всадников, поступающих на службу. Если лошади оказываются тюркской породы, т. е. из Туркестана или Татарии, и достаточно рослы и крепки, им ставят на бедра раскаленным железом государево клеймо и клеймо эмира, под команду которого всадник зачисляется».² Так же, как много веков тому назад, послы из Средней Азии в дар правителю Индии привозили коней — в 60-х годах XVII в. узбекские послы привозили Аурангзебу среди других подарков «...очень красивых лошадей (хотя обыкновенно татарские лошади скорее хороши, чем красивые)... Аурангзев не преминул выразить удовольствие за щедрость ханов и преувеличенно похвалил красоту и редкость фруктов, лошадей и верблюдов...».³

Среди ввозимых Индией из Узбекистана лошадей, несомненно, большое место принадлежало лошадям с территории современных Северного Афганистана и Южного Таджикистана. Во-первых, потому что эта территория еще в предреволюционные годы среди административных кругов продолжала называться Узбекистаном, как земли узбекских кочевых племен.⁴ Во-вторых, вплоть до нашего времени Индия ввозила лошадей из Афганистана,⁵ а в самой афганской армии существенное место занимали лошади узбекского племени катаган,⁶ «легкие, хорошие, рослые».⁷ Локайские лошади вывозились в конце прошлого столетия в Бадахшан, а оттуда перепродавались в Кабул.⁸

Что касается локайцев, то нам думается, они потому и заняли северную половину современного Южного Таджикистана, что были прежде всего коневодами,⁹ и поэтому могли оценить как достоинства местных

¹ Бернье Франсуа, История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, Перевод с французского, М.—Л., 1936, стр. 184.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 129.

⁴ Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Труды Среднеазиатского Госуниверситета, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 15.

⁵ Рейснер М. Г., Афганистан, Экономико-географическая характеристика, М., 1946, стр. 50.

⁶ Гродеков Н. И., Через Афганистан, Путевые записки Генерального Штаба полковника, СПб., 1880, стр. 50.

⁷ Снесарев А. Е., Афганистан, М., 1921, стр. 120.

⁸ Февралев И., Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч и до Керки. Военный сборник, 1895, № 10, стр. 429.

⁹ В этой связи интересно указать на одно место из преданий казахов, приведенных Н. И. Гродековым: «Размножившись и разбогатея, киргизы начали распространяться во все стороны; причем, заняли: Великая орда (улу юз) — юг, около населенных мест, Средняя орда (орта юз) — места, удобные для табунов, а Малая орда (кши юз) — местности, пограничные с Россией». (Разрядка наша—Б. К.). (Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, Ташкент, 1889, т. I, стр. 2—3). Напомним, что сопоставление локайских этнонимов с казахскими дало наибольшее число совпадений среди племен Средней орды. На ведущую роль коневодства у казахов Средней орды имеются указания и в историко-этнографической литературе (например: Руденко С. И., Очерк быта северо-восточных казахов, Казахи, Сборник III, Л., 1930, стр. 12).

пастбищ, так и достоинства местных лошадей и не замедлили пополнить ими свои табуны. Привлекая к уходу за этими лошадьми местных коневодов, они быстро освоили специфику местного коневодства, а также внесли, несомненно, и свои методы в технику разведения, выращивания и содержания лошадей; что касается тех лошадей, которых привели локайцы с собой, то они должны были, конечно, сыграть некоторую, хотя бы и весьма незначительную, роль в формировании современной локайской лошади, как отмечалось выше. Эти лошади вряд ли были однородны: в табунах завоевателей, наряду с лошадьми из Дешти-Кыпчака, должно было быть немало лошадей среднеазиатских пород, захваченных узбеками по пути следования, на что имеются указания в письменных источниках.¹

По представлению Г. Г. Хитенкова, лошади из Дешти-Кыпчака, т. е. лошади самих узбеков, были мелкими мохнатыми монгольскими лошадьми.² Нам кажется, что это мнение ошибочно. Как известно, современные лошади казахских степей хотя и монгольского корня, но несколько видоизменены под влиянием среднеазиатских верховых пород.³ Это видоизменение, как нам думается, не есть результат лишь послеузбекского периода, а гораздо более длительного времени, т. к. тесная экономическая и политическая связь между казахской степью и Средней Азией существовала с очень отдаленных времен и никогда не прекращалась.

В этой связи интересно заметить, что такой тонкий наблюдатель, как Бабур, нигде не говорит о лошадях своих врагов узбеков, в то время, как лошади моголов из крайних восточных областей Моголистана сразу обратили на себя его внимание. Вот как описывает он свиту своего дяди, младшего моголистанского хана, прибывшего к ташкентскому хану с далекой окраины, граничащей с современной Монголией: «Люди младшего хана были все наряжены по-могольски — в могольских шапках и атласных халатах, шитых золотыми блестками. У них были могольские колчаны, седла из зеленой шагрени и могольские кони. Все это было под стать их необычайному наряду».⁴ Хотя Бабур и не говорит каков был внешний вид этих коней, но мы вправе предполагать, что это были могольские кони и они Бабуру, так хорошо знавшему лошадей узбеков и моголов западных областей Моголистана, показались необычными.

Для нас представляет интерес одно место из известного сочинения «Тарихи Рашиди» Мухаммед-Хайдера, современника и близкого родственника Бабура, а именно, описание посещения моголистанским ханом Султан-Саидом казахского хана Касыма осенью 1513 г. на берегах реки Чу. Султан-Саид на всю жизнь запомнил чрезвычайно радушный прием, оказанный ему ханом Касымом, и любил рассказывать своим приближенным о двадцатидневном пребывании у Касыма в качестве гостя: «После первого нашего свидания, Касим обратился ко мне со словами: «Мы жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, главное наше

¹ Мукминова Р. Г., Ук. соч., стр. 73.

² Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 222.

³ Калинин В. И., Яковлев А. А., Коневодство, М., 1947, стр. 111.

В результате исследования лошадей Пазырыкских курганов, проф. В. О. Витт пришел к весьма интересным выводам, которые в данном случае наводят на мысль, что лошади казахских степей, наоборот, генетически примыкают к среднеазиатским лошадям, но постоянно, в течение длительного времени испытывали влияние лошадей монгольского корня. (Витт В. О., Лошади Пазырыкских курганов, Советская археология, т. XVI, М.—Л., 1952, стр. 188 и сл.).

⁴ Бабур Захириддин, Бабур-Намэ, Перев. М. Салье, Ташкент, 1948, стр. 128.

богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою; а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится; в земле нашей нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется — вот цель наших прогулок; поедим же в табун, поглядывая на лошадей, и к стати проведем несколько времени в приятном сообществе». Когда мы приехали, хан показал мне весь свой скот, и сказал: «У меня есть две лошади, которые одне стоят всего табуна». Их привели. Хан (Султан-Саид — Б. К.) часто говаривал потом, что он в жизни не видал подобных лошадей. Касим, когда привели лошадей, обратился к хану и сказал: «Степнякам без коня жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные изо всех; обоих подарить не могу; но вы — дорогой гость — выберите себе любого, только другого оставьте мне». При этом Касим описал достоинства обеих лошадей. Хан взял себе одну, ее звали Оглан Турук; действительно, подобной лошади мне не случалось видеть никогда, — восклицает автор сочинения. Касим отобрал еще из табуна несколько лошадей для хана».¹

Надо полагать, что эти два коня не были выращены в табунах самого хана Касыма, а, как показывает кличка «Оглан-Турук», были туркменского происхождения и достались Касыму в виде военной добычи или дара от какого-нибудь вассала, который, в свою очередь, мог добыть их на войне (разумеется, возможно также, что Касым купил их или выменял).

Наличие таких коней у хана Касыма не говорит, конечно, что подобные выдающиеся лошади часто встречались и оказали существенное влияние на конское поголовье племен Дешти-Кыпчака. Однако у султанов и родоплеменной знати, которым в основном доставалась военная добыча, лошади среднеазиатских пород должны были быть и они не могли не повлиять на лошадь казахских степей, так как при табунном пастбищном коневодстве скрещение различных пород было неизбежно.

Итак, мы полагаем, что лошади завоевателей узбеков (стало быть и локайцев) XVI в. значительно отличались от настоящих монгольских лошадей и скорее всего были близки к современным казахским лошадям. Они-то и внесли, повидимому, некоторую грубость, которая наблюдается у части локайских лошадей.

Следует учесть еще один существенный момент при изучении генезиса локайской лошади. С приходом локайцев основное направление коневодства не изменилось. Локайцам также была нужна верхово-вьючная лошадь горного типа и отбор локайцами велся в этом направлении. Естественный отбор, роль которого в суровых условиях табунного содержания велика, совпадал с искусственным отбором.

В связи с этим общим направлением локайского коневодства следует отметить, что локайцы охотно шли на метизацию своих лошадей с близкими по типу лошадьми современного Северного Афганистана (бадахшанскими, андхойскими и др.), которые так же, как хутальская, с древних времен были известны как прекрасные верхово-вьючные горные лошади. Однако скрещивать своих лошадей с туркменскими и в частности ахалтекинской породы, локайцы не очень стремились, считая последних мало-сильными. Локайцы свою лошадь относили к так называемому типу «джабы» или «йабу», противопоставляя ее типу туркменских лошадей,

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1886, стр. 165—166. Интересно заметить, что Мухаммед-Хайдар в дальнейшем владения Касыма называет Узбекистаном и казахов еще называет узбеками.

называемому «тобычак». Термины эти широко известны среди тюрко-монгольских народов: под термином «джабе» понимается некрупная, но плотная и крепкая лошадь верхово-вьючного типа;¹ под термином «тобычак» или «тобырчак» разумеется большая красивая лошадь.²

По словам некоторых локайских коневодов, в дореволюционное время коневод Тюрахан-бай, имевший около двухсот лошадей, ставил в косяки туркменских производителей типа «тобычак» и имел от них крупных хороших лошадей. Такие единичные случаи всегда были возможны, но они, идя вразрез с общим направлением локайского коневодства, не должны были оставить заметного следа в породе.

Ошибку Г. Г. Хитенкова в вопросе о происхождении локайской лошади повторяют специалисты по овцеводству в отношении гиссарской породы овец. Наши пока еще очень скромные преимущественно этнографические материалы привели нас к мнению, отличному от установившегося в зоотехнической литературе относительно происхождения этой породы.³

В Южном Таджикистане издавна разводится порода курдючных овец, известная в настоящее время под названием гиссарской. Овцы этой породы представляют значительно обособившуюся ветвь курдючных овец. От других пород они отличаются прежде всего своей выдающейся величиной, а также внешним видом. Это — самая крупная в мире овца. Кроме того, гиссарские овцы отличаются большой скороспелостью, крепостью и выносливостью. Недостатком же породы является малый выход шерсти и грубость ее.⁴

Проблему происхождения курдючных овец, а равно и вопрос о месте их выведения и первоначального разведения, нельзя считать окончатель-

1 «جابو — простая худая лошадь, кляча (в Кабулистане يابو — малорослые, дюжие коньки — иноходцы, лучший вьючный скот в горах, превосходнее верблюдов)». Буд агов Л., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 320; полковник Н. И. Гродеков называет «ябу» вьючных лошадей в афганской армии. (Через Афганистан, СПб., 1880, стр. 5).

В советском коневодстве лошадью типа «джабе» называется казахская лошадь, встречающаяся на юго-западе и юго-востоке Казахстана и представляющая собой плотную, хорошо набирающую осенью жир, лошадь. Она, наряду с работой, используется как молочное животное. Калинин В. И., Яковлев А. А., Коневодство, М., 1947, стр. 112.

2 «توپچاق — жирная и красивая лошадь, в уйгурском: большая лошадь из западных стран». Будагов Л., Ук. соч., т. I, стр. 742.

«Топчак توپچاق — 1) жирная красивая лошадь». Радлов В. В., Опыт словаря тюркских наречий, т. III, вып. IV, стр. 1230. «توبچاق مورين tobsaq morin — товсақ ат — топчақ ат» арабская лошадь». Монгольский словарь «Мукаддимат

аль-Адаб», ч. I—II, М.—Л., 1938, стр. 350; «tobsaq»: 1. Хорошая большая лошадь; боевой конь». Юдахин К. К., Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 504.

3 Кармышева Б. Х., К истории происхождения гиссарской овцы, Доклады Академии наук Таджикской ССР, вып. VII, Сталинабад, 1953, стр. 45—50.

4 Живой вес гиссарских маток в возрасте 4,5 лет в среднем составляет 92 кг, с колебаниями от 64 до 126 кг. Вес баранов того же возраста в среднем 132 кг с колебаниями от 98 до 192 кг. Подробную характеристику гиссарской породы см. Азаров С. Г. и Бригис О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930; Лебедев И. Г., Производственная характеристика гиссарских овец в современном их состоянии в целях селекции на мясо-сальные и шерстяные качества, Животноводство Таджикистана, Сталинабад, 1943; Любавский А. В., Гиссарские овцы, М., 1949; Иванов М. Ф., Курс овцеводства, М., 1950; Кияткин П. Ф., Курдючное овцеводство в Узбекистане, Ташкент, 1952; Лебедев И. Г., Гиссарские овцы и пути их совершенствования, Сталинабад, 1952.

но решенными. В последнем посмертном издании учебника академика М. Ф. Иванова «Курс овцеводства», отредактированном видными советскими учеными, высказано мнение, что образование курдючных овец произошло в Средней Азии.¹

Некоторые исследователи полагают, что курдючные овцы приведены в Среднюю Азию из Центральной Азии монголами в XIII в.²

Относительно происхождения той ветви курдючных овец, которая нас интересует, ничего достоверно неизвестно. Среди специалистов-зоотехников установилось мнение, впервые высказанное покойным С. Г. Азаровым, первым исследователем гиссарских овец. Вкратце оно сводится к следующему.

Гиссарские овцы имеют общий корень с другими курдючными овцами, от которого дали обособившуюся ветвь. Обособление и выработка выдающихся качеств происходило в пределах Таджикистана в течение последних 400—700 лет, благодаря весьма благоприятным физико-географическим условиям и высокому мастерству овцеводов.

Свое заключение относительно сроков выведения этой породы С. Г. Азаров, а за ним и остальные исследователи обосновывают следующим положением: гиссарские овцы, по их словам, называются местным населением узбекскими и разводятся преимущественно узбекскими племенами. При этом здесь имеются в виду так называемые полукочевые узбекские племена, которые, как известно, переселились из Дешти-Кыпчака в Среднюю Азию, в том числе и в Южный Таджикистан, в начале XVI в. Не сомневаясь в том, что эти племена привели своих овец, исследователи-зоотехники и делают вывод о том, что гиссарская порода овец была создана в течение последних 400 лет.³

Что касается срока в 700 лет, то он опирается на приведенную нами легенду, бытующую среди локайцев, об их происхождении от одного из чингизхановых военачальников.

С. Г. Азаров рекомендует называть гиссарскую породу даже локайской «по имени локайского рода, обладающего лучшими стадами этой породы».⁴

Согласно нашим неоднократно проверенным материалам, гиссарская овца вовсе не называлась в прошлом узбекской и узбеки — выходцы из Дешти-Кыпчака, которых имеют в виду зоотехники, среди племени Южного Таджикистана никогда в прошлом не считались выдающимися овцеводами.

Гиссарская овца местным тюркоязычным населением называлась (нередко называется и до сих пор) «тюрки кой», а горными таджиками, как любезно сообщил нам Н. Н. Ершов, — «гусфанди тюрки», что в обоих случаях значит «тюркская овца».

Объясняется это тем, что в дореволюционное время эту породу овец разводили преимущественно славившиеся как выдающиеся овцеводы племена тюрк, карлук, барлас, муса-базари, кальта-той и мугул (мугул),

¹ Иванов М. Ф., Курс овцеводства, М., 1950, стр. 18.

² Азаров С. Г. и Бригис О. И., Ук. соч., стр. 62 и 66; Лебедев И. Г., Производственная характеристика..., стр. 60—61; Литовченко Г. Р., Вопросы свцеводства Монгольской Народной Республики, Труды Монгольской комиссии, вып. 43, М., 1953, стр. 9.

³ Под узбеками, как уже говорилось выше, мы разумеем именно эти так называемые полукочевые узбекские племена, которые вошли в состав узбекского народа, прошедшего длительный и сложный путь этнического развития, одним из последних компонентов и передали ему свое имя.

⁴ Азаров С. Г. и Бригис О. И., Ук. соч., стр. 61.

объединяемые местным населением в одну группу под общим именем «тюрк». Овцеводство для них являлось главным, порой единственным занятием.

Как мы пытались показать в разделе о происхождении локайцев, эти племена в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи жили задолго до тех узбеков, которых имеют в виду зоотехники, и вплоть до недавнего времени как по языку (разные диалекты узбекского языка), так и этнографически существенно отличались от узбекских племен, переселившихся из-за Сыр-Дарьи в XVI в.

В дореволюционное время среди узбекских племен Южного Таджикистана (локай, дурмен, кунграт, катаган, марка и др.), конечно, встречались крупные овцеводы, но это занятие не считалось их спецификой, в то время как для доузбекских тюркоязычных насельников, особенно для карлуков (самоназвание каллык), разведение гиссарской овцы было специфично. Недаром, например, в народе говорилось: «Карлук создан богом для овец», «Карлук — мать овец», «Карлук знает язык овец».¹

Следует отметить, что А. Е. Снесарев, посетивший Восточную Бухару в 1904 г., называет эту породу также тюркской.²

Для гиссарских овец местным населением, преимущественно узбеками, иногда употребляется еще название қора қўй (простые овцы). Оно, согласно П. Ф. Кияткину и по нашим материалам, бытует и среди узбеков Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР.³

Наименование «узбекская овца» (узбеки кой) употребляется теми или в разговоре с теми, кто недостаточно сведущ в тонкостях родоплеменного деления. Это и ввело в заблуждение С. Г. Азарова и других зоотехников. Яркой иллюстрацией сказанному может служить следующий факт. Как отмечалось выше, С. Г. Азаров ошибочно рекомендует называть гиссарскую породу локайской. Исследователь, будучи недостаточно знакомым с историей и этнографией впервые им посещаемого края, не смог увидеть различий между племенами и все тюркоязычное население Яванской долины принял за локайцев, в то время как экспедиция, начальником которой он был, обследовала стада карлуковских овцеводов: кишлак Парча-Сай и другие кишлаки восточной половины Яванской долины, где в основном работала экспедиция, населена карлуками. Они-то и обладали лучшими стадами. Локайцы же занимают западную половину Яванской долины и в их животноводстве в прошлом (вплоть до коллективизации, а следовательно, и в те годы, когда проводил свои обследования С. Г. Азаров) овцеводство всегда занимало второе место, уступая первое место коневодству. Как мы пытались показать, разведение известных локайских лошадей было специфично для хозяйства локайцев и подлинными овцеводами они себя никогда не считали, всегда подчеркивая превосходство племени тюрк и карлук в этом деле.

Что касается наименования «гиссарская овца», то оно в прошлом употреблялось в городах, отдаленных от мест разведения этой породы, в таких, как Бухара, Самарканд, Коканд, Гузар, Карши и др., на рынки

¹ В этой связи небезинтересно заметить, что в овцеводческом совхозе «Гиссар» с начала его организации и по сей день чабанами работают исключительно карлуки.

Выражение «знает язык» в узбекском языке, употребляется в смысле «знает все тонкости мастерства», «полностью овладел мастерством».

² Снесарев А. Е., Восточная Бухара, Сборник материалов по Азии, вып. 79, СПб., 1906, стр. 59. В тексте «тюркской» — явная опечатка.

³ Кияткин П. Ф., Ук. соч., стр. 14.

которых отары этих овец пригонялись из «Хисара» (Гисар). В этих городах под Хисаром нередко разумели не только Гиссарское бекство, но и другие, прилегающие к нему области, т. е. всю Восточную Бухару.

Таким образом, основание для предположения о четырехсотлетнем или семисотлетнем «возрасте» гиссарской породы овец нельзя считать научным, так как оно базировалось на неправильном понимании позднего термина, а также явилось следствием путаницы, допущенной при знакомстве с определенными группами населения. Не потомки дештыкыпчакских узбеков, пришедших в начале XVI в. из-за Сыр-Дарьи, а доузбекские тюркоязычные племена занимались в основном разведением гиссарских овец в Южном Таджикистане в дореволюционное время.

Данные письменных источников также подтверждают наши этнографические наблюдения в части широких размеров овцеводства у доузбекского населения Южного Таджикистана. Например, Захириддин Бабур в известных мемуарах, описывая свои скитания по Хисару (Гиссарская долина), Чаганиану (долина Сурхан-Дарьи) и Хутталю (область между Вахшем и Пянджем) накануне завоевания этих областей Шейбани-ханом, неоднократно упоминает о стадах в 30—40 тысяч овец у отдельных феодалов упоминаемых владений.¹

Для разрешения проблемы происхождения курдючных овец, в частности гиссарской породы, первостепенное значение имеет изучение костей домашних животных, обнаруживаемых при археологических раскопках. К сожалению, этот материал для Средней Азии далеко недостаточен. Однако, несмотря на скудость его, можно высказать некоторые предположения, основываясь на работах археологов.

Согласно данным Семиреченской археологической экспедиции, в Семиречье, т. е. в северо-восточной части Средней Азии, уже во времена усуней (III в. до н. э. — II в. н. э.) была известна курдючная овца.² Семиречье в тот период поддерживало тесные культурные связи с южными частями Средней Азии, в частности с Бактрией, что весьма важно для нас, так как в состав последней входила территория нынешнего Южного Таджикистана.

В середине II в. до н. э. под натиском гуннов начались передвижения кочевых народов Средней и Центральной Азии. В числе различных кочевых племен, которые во главе с да-юэчжи при поддержке оседлого земледельческого населения Средней Азии разгромили Греко-Бактрийское царство, была и часть усуней. Эти кочевые племена поселились в основном в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи, т. е. в Бактрии, которая впоследствии стала называться Тохаристаном по имени одного из племен.³

Во все последующие века продолжается приток в интересующие нас области Средней Азии кочевых скотоводческих народов с севера и северо-востока. И все они не могли миновать Семиречья. Оно лежало на их пути.

В V в. эфталиты разгромили царство Великих кушан, а в середине VI в. эфталиты в свою очередь были разгромлены тюрками, кочевниками-скотоводами из Южной Сибири. Центр западного тюркского кагана-

¹ Бабур Захириддин, Бабур-Намэ, Ташкент, 1948.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции, «Чуйская долина», составлены под руководством А. Н. Бернштама, Материалы и исследования по археологии СССР, № 14, М.—Л., 1950, стр. 61.

³ Гафуров Б. Г., История таджикского народа в кратком изложении, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 73—74.

та, в состав которого вошла вся Средняя Азия, находился в Семиречье.

Карлуки, которые для нас представляют особый интерес, были выходцами из Западного Алтая¹ и являлись также кочевым скотоводческим народом. Они в 766 г. заняли Семиречье и Фергану и господствовали в этих областях почти 200 лет. Но часть карлуков покинула Алтай значительно раньше основной массы и, как мы отмечали, уже в начале VIII в. обитала в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи.

Как известно, кочевые скотоводческие племена в захватываемые и занимаемые области передвигались с семьями, со всем скотом и скарбом. Таким образом, есть все основания предполагать, что курдючные овцы могли попасть в Южный Таджикистан с приходившими сюда племенами еще в период II в. до н. э. — VIII в. н. э.

Кроме всего сказанного, еще следует иметь в виду, что связь Семиречья с южными и юго-западными частями Средней Азии (в особенности с Согдом, который непосредственно примыкал к Тохаристану), проявлялась не только и не столько в переселении в эти области части кочевого населения Семиречья и прилегающих областей. Она прежде всего проявлялась в торговле. Торговые связи приняли особенно широкий размах, начиная со второй половины VI в., когда Согд, как и вся Средняя Азия, вошел в состав западного тюркского каганата с центром в Семиречье и когда не только кочевники передвигались в Согд (и дальше на юг), но и множество согдийских колоний появилось по всему Семиречью. Тесный культурный взаимообмен между Согдом и Семиречьем продолжался во все последующие века вплоть до монгольского нашествия.

Вместе с тем не следует забывать и другой возможности: гиссарская овца могла иметь и более ранние местные корни. В Гиссарской долине и Южном Таджикистане археологические раскопки только начинаются, поэтому костным материалом наука пока почти не располагает. Однако известно, что в некрополе Туп-хона (неподалеку от Гиссара) в погребении Д (II в. до н. э.) Согдийско-Таджикской археологической экспедицией при раскопках были обнаружены кости барана.² Но, к сожалению, они не подвергались более тщательному изучению и ближе не определены, поэтому нет смысла останавливаться на исторических данных, вполне допускающих такое предположение.

В связи со всем сказанным интересно отметить, что в таджикском географическом сочинении X в. «Худуд ал-Алам» неизвестного автора говорится, что в Левакенде (город в Вахшской долине) разводили овец особой породы, называвшейся вахшской.³ Хотя автор и не говорит, в чем была особенность этой породы, но это указание для нас весьма важно, так как оно говорит о существовании в Южном Таджикистане различных, повидимому существенно отличающихся друг от друга, пород овец.

Таким образом, мы видим, что курдючная овца вовсе не должна

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 347.

² Дьяконов М. М., Работы Кафирниганского отряда, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1950, стр. 155 и 163.

³ Беленицкий А. М., Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г., Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1950, стр. 141.

была дожидаться монголов, чтобы распространиться по всей Средней Азии и дойти до ее крайних южных и юго-восточных пределов.¹

В вопросе о том, что способствовало созданию в Южном Таджикистане выдающейся мясо-сальной породы овец, мы полностью присоединяемся к мнению С. Г. Азарова и других зоотехников, а именно: гиссарская порода овец была создана в результате совпадения направлений естественного и искусственного отборов.

Овцеводство этой области издревле носило не столько потребительский, сколько товарный характер. Потребителями в основном были богатые земледельческие области Мавераннахра с их многолюдными городами. Отдаленность рынков сбыта от районов разведения гиссарских овец, как совершенно справедливо полагал С. Г. Азаров, делал нерентабельным вывоз шерсти вьюком по трудным горным дорогам; было гораздо выгодней перегонять на внешние рынки живых овец, где они высоко ценились благодаря величине и исключительным вкусовым качествам их мяса и сала.

Это обстоятельство заставляло овцеводов вести искусственный отбор в направлении выведения мясо-сальной скороспелой и выносливой породы. Все исследователи гиссарской овцы подчеркивают высокое мастерство местных овцеводов. Так, например, С. Г. Азаров указывает, что техника разведения и ухода гиссарских овцеводов стояла выше других кочевых народов — казахов, киргизов и др. Это подтверждается и нашими этнографическими материалами по овцеводству карлуков.

Естественный отбор зависел от условий внешней среды, которые сводились к следующему: 1) овцы круглый год могли содержаться исключительно на подножном корму; 2) летние пастбища были очень удалены от зимне-весенних (на 500 и даже более км), вследствие чего вырабатывались крупные и выносливые животные на прямых и сухих ногах, с крепкими копытами; ягнята должны были быстро расти, чтобы через 1—2 месяца после рождения наравне со взрослыми животными совершать дальний горный переход на летние пастбища; 3) зимовка на скудных пустынных и полупустынных пастбищах была возможна только при наличии больших запасов жира; роскошные же летние высокогорные пастбища позволяли делать подобные жировые накопления; отсюда способность овец этой породы быстро нагуливать жир, в особенности в курдюке; 4) при теплом климате и дальних переходах не было необходимости в длинной, густой и тонкой шерсти.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что эта высокопродуктивная и, несомненно, культурная порода овец создавалась в Южном Таджикистане не дештыкыпчакскими узбеками в 400 лет, а в течение весьма длительного времени, причем в ее создании участвовали многие поколения различных народов (ираноязычные племена древности,

¹ В этой связи интересно отметить, что в Хорезме, согласно В. И. Цалкину, исследовавшему соответствующие материалы из раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, разводилась в античное время мелкая порода овец, которая постепенно вытеснялась крупной породой, весьма сходной с современной туркменской курдючной овцой. Остатки мелкой овцы оказались обильными в таких памятниках, как Джанбас-кала (IV в. до н. э. — I в. н. э.); Топрак-кала (III в. н. э.) и прослеживались вплоть до Тешик-калы (VIII в. н. э.). Но на родине Шемаха-кала (XIII—XIV в. н. э.) остатки мелкой породы целиком отсутствовали, уступив место крупной породе — см. Цалкин В. И., Фауна античного и раннесредневекового Хорезма (по материалам С. П. Толстова), Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 224.

тюрки, карлуки, барласы и др., а также и более поздние пришельцы — узбекские племена).

Следует подчеркнуть, что изложенное выше мы рассматриваем лишь как материал для решения проблемы происхождения гиссарской породы овец, так как решающее значение в этом вопросе будут иметь не историко-этнографические и не узкозоотехнические данные, а совокупный анализ всех этих данных на основе изучения костей домашних животных древности, которых, к сожалению, в Средней Азии найдено еще далеко недостаточно.

В связи с вопросом происхождения локайской лошади и гиссарской овцы нам остается рассмотреть еще один вопрос, который выше был поставлен: почему высокопродуктивное гиссарское овцеводство не заняло ведущего места в хозяйстве локайцев?

Локайцы, как нам представляется, застали на территории современного Южного Таджикистана далеко зашедшую хозяйственную специализацию племен и разрушить эту специализацию они не могли; наоборот, стали со временем одним из звеньев ее. Будучи исстари прежде всего коневодами, локайцы, как мы уже отмечали, заняли места, удобные для разведения лошадей и продолжали заниматься наиболее близкой для них отраслью животноводства, а конкурировать в овцеводстве с местными богатыми овцеводческими племенами, хозяйство которых было поставлено на товарный лад, они не могли.

Кроме того, овцеводство в значительных размерах в условиях современного Южного Таджикистана невозможно без перегона поголовья на высокогорные летние пастбища, которые большей частью расположены далеко за пределами локайской территории. Эти пастбища были в руках богатых местных овцеводческих племен, с которыми локайцы были во враждебных отношениях и которые, поддерживаемые горными таджиками (среди последних также встречались богатые овцеводы), имели полную возможность не пропускать локайцев на эти пастбища. Поэтому можно высказать предположение, что локайцы после прихода на новые места продолжали долгое время разводить овец в незначительных размерах только для удовлетворения своих самых насущных потребностей и, возможно даже, разводили овец не гиссарской породы, а своих обычных мелких курдючных овец (в настоящее время в районах, смежных с районами гиссарского овцеводства, распространена так называемая киргизская курдючная овца). Со временем, когда стали устанавливаться более или менее мирные отношения с соседями, овцеводство у локайцев стало расширяться, причем они стали разводить и гиссарскую овцу. Интересно заметить, что локайские бай-овцеводы занимали пастбища, преимущественно расположенные вблизи локайской территории. Хотя правители Каратегина и Дарваза и племенная знать киргизов отдавали пастбища всякому, кто больше платил, овцеводы не так легко уступали раз занятые пастбища, и из-за них вплоть до Советской власти происходили кровопролитные столкновения.

Коневодство

Восточная Бухара до установления Советской власти не знала колесного транспорта; даже обычных в Средней Азии двухколесных арб здесь не было. Транспортными животными были лошади и ослы. У локайцев ослы использовались только под выюк, а лошадь — под выюк и для верховой езды.

Все сельскохозяйственные работы совершались на волах.

В дореволюционной сельскохозяйственной литературе нам известно только одно упоминание о локайской лошади, причем она названа разновидностью карабаирской породы.¹

Краткую характеристику экстерьера локайской лошади находим у русских офицеров, посетивших Восточную Бухару. Один из них пишет: «Благодаря любезности бека, я имел случай осмотреть здесь (в Бальджуане — Б. К.) несколько сот лошадей, чтобы составить себе представление о местной породе, славящейся своими верховыми качествами. В общем — красивые лошадки, с легкой головой, с довольно толстыми прочными ногами и хорошо развитой грудью; в большинстве случаев они имеют вислый зад и не производят впечатления сильных и пригодных для продолжительной работы лошадей».² Другой офицер, А. Е. Снесарев, в военно-географическом очерке Восточной Бухары о локайской лошади говорит следующее: «Между породами узбекских лошадей есть удивительные, имеющие известную репутацию во всей Средней Азии, как, например, лошади Локаи, по имени одного узбекского колена. Мне приходилось видеть несколько экземпляров в Ховалинге и у Кулябского бека и статьи их мне показались очень солидными; особенно хороши грудь, ноги, спина и сильная мускулатура, голова массивна и несколько тяжела, зад оставляет желать лучшего».³

Краткую характеристику двух разновидностей локайской лошади («гиссарская» и «киргизская-локайская») дает Д. Н. Логофет.⁴

О том, что локайские лошади «с широкой грудью и крепкими ногами... высоко ценятся в Средней Азии» говорит проф. Н. Г. Маллицкий.⁵

Еще в недалеком прошлом конь в жизни рядовых локайцев занимал выдающееся место. Он был необходимым при перекочевках, при выпасе скота, при сражениях. Высоко ценился конь среди феодальной верхушки — организатора грабительских набегов на мирное соседнее население. Видимо в этих кругах возникла локайская пословица: «Если имеешь один день жизни — был бы конь, если имеешь два дня жизни — была бы жена» («Бир кун умринг боса, от боса, эки кун умринг боса, хотын боса»).

Локайцы настолько любят и идеализируют лошадей, что даже теперь иногда говорят, что для их отцов и дедов конь был будто бы дороже жены и детей.

Едва ли можно сомневаться в том, что в описанных выше дореволюционных социально-экономических условиях сильный и выносливый конь, неприхотливый и горячий, с его способностью привязываться к хозяину имел весьма важное значение в жизни локайцев. Локайский конь обладает действительно высокими качествами. О выдающихся качествах своих коней локайцы рассказывают много, с увлечением и нередко с преувеличениями. Рассказы о выдающихся конях передаются от поколения к поколению.

¹ Шахназаров А. И., Сельское хозяйство в Туркестанском крае, стр. 331. В работах более поздних авторов (Колосовский В. П., Лошади Туркестана, Ташкент, 1910; Шавров Н., Среднеазиатские породы лошадей, Сельский хозяин, № 7—49, 1914) локайская лошадь не упоминается.

² Бронников Н., Поездка в Горную Бухарию (Путевые наброски), Туркестанские ведомости, № 29, 1896, стр. 119.

³ Снесарев А. Е., Ук. соч., стр. 63.

⁴ Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 126—127.

⁵ Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 129.

Рис. 8. Конь локайской породы с седоком локайцем. Фото П. Г. Чучева.

На обычную локайскую лошадь выючат 130—140 кг груза. Но нередко она свободно идет по горным дорогам и с грузом в 150—160 кг, проходя до 80 и более км в сутки. Ускоренным шагом она проходит до 8—9 км в час, а переменным аллюром 13—16 км в час. Локайцы уверяют, что хороший конь может пройти без отдыха из Явана в Регар и обратно (примерно 180 км) за одни сутки, причем по сильно пересеченной местности. Известный локайский коневод из Яванского района ныне покойный Куандык Алишев говорил нам, что он дорогу от своего кишлака (Шурча) до летовки Тубчак на хребте Петра Первого (более 300 км) проделал верхом в 3 дня, имея с собой 3 пуда ячменя. При этом надо отметить, что на этом расстоянии в 300 км нужно совершать подъем с 400 м над у. м. до 3500 м.

Проф. М. Е. Массон для иллюстрации выдающихся качеств локайской лошади приводит случай из периода гражданской войны, «когда целый отряд, преследовавший басмачей, прошел из Сталинабада в Куляб и обратно за двое суток, причем проделавшие этот, почти 300-километровый горный пробег, лошади оказались к концу похода в полном порядке».¹

Локайская лошадь обладает хорошей резвостью и может скакать на большие расстояния; скачки, например, устраивались обычно на дистанцию в 20—30 км. Она обладает еще рядом таких исключительно ценных качеств, которые делают ее незаменимым боевым конем в горных условиях. Одним из таких качеств является способность ее галопом брать крутые подъемы и, не убавляя хода, совершать очень крутые спуски. Другим замечательным свойством локайской лошади является ее привычка к соленой воде и способность долгое время обходиться совсем без

¹ Массон М. Е., Ук. соч., стр. 48.

воды. После соответствующей подготовки локайской лошади бывает достаточно 3—4 кг ячменя, смешанного с саманом, в сутки. Во время походов в течение нескольких суток локайская лошадь может обходиться несколькими горстями ячменя. Она обладает хорошей памятью и хорошо ориентируется на местности, ночью идет также быстро, как и днем.

Локайская лошадь горяча и обычно, кроме хозяина, никого к себе не подпускает. Движения локайской лошади на шагу и в галопе легки и свободны. Рысь у нее не развита, так как в горах обычно ездят быстрым шагом или галопом.

Лучшей тренировкой и испытанием для коня являлось козлодранье, самая распространенная и любимая конноспортивная игра у локайцев. В этой игре конь закалялся, приучался к ловкости, совкости (подвижности и гибкости) и управляемости.

Локайцы к экстерьеру своих лошадей предъявляют два рода требований: одни требования предъявляются для козлодранья, а другие — для скачек.

Для козлодранья требуется сильный и смелый конь. Для этого, по словам локайцев, он должен иметь высокий рост,¹ короткое туловище, короткую поясницу, широкую грудь, широкий зад, длинную шею, сухую голову, прямые, ровные и сухие ноги, небольшую мускулатуру.

Для скачек требуется легкий, стремительный конь. Для этого он должен быть небольшого роста, с короткой поясницей, сухой головой, небольшими крепкими мускулами и прямыми сухими ногами.

Особой любовью у локайцев пользуются следующие масти лошадей: серая, которая до поседения (т. е. в молодом возрасте коня) называется кзил — буквально «красная», а после поседения называется тарлан или бӯз-тарлан — сивая; буланая — сари қора-жол и вороная — тимқора, причем особенно желательно, чтобы вороной конь был со звездой на лбу и «чулками» на всех четырех ногах — тим қора, манглайи кашқа, тұрт оёғи ола-пачча.

Не любят масти соловую — сари оқ-жол и пегую — ола (қора-ола — чернопегая, сари-ола — желтопегая).

Приведем еще некоторые локайские термины для обозначения различных мастей: қора — карая, тұри — гнедая, қора тұри — темногнедая, вернее караковая, аччиқ тұри — светлогнедая, жеран — рыжая, кӯк — темносерая (неседеющая к старости), оқ-бӯз — светлосерая, белая, бурул — чалая, кӯло. — саврасая.

Среди локайцев живет много различных легенд и преданий о приручении человеком лошади и о происхождении локайской породы. Приведем некоторые наши записи.

Во времена пророка Сулеймана (Соломон) лошади водились только в диком состоянии. Дев (злой дух) решил подарить Сулейману коня, но поймать дикого коня было не легко. Дев знал, что все дикие лошади приходят на водопой к определенному озеру и в это озеро он насыпал несколько мешков лекарства, которое лишает сознания. Лошади, напившись воды из озера, упали без чувств. Дев взял одного коня и потом привел Сулейману.²

¹ Высота в холке равна у локайских жеребцов $145,68 \pm 0,49$, а у кобыл $142,49 \pm 0,26$ (по Хитенкову).

² Эта легенда записана в кишлаке Таш-Булак Дангаринского района 4 марта 1950 г. от Тагайназара Шерова.

Нам думается, что эта легенда с участием библейского персонажа заимствована от таджиков, и, повидимому, имеет книжные истоки, что подтверждается широкой распространенностью в Средней Азии легенды о приручении лошади Сулейманом с помощью дева.¹

У таджиков было распространено представление о коне, как о самом дева. Такое же представление имеется и у локайцев. Если, например, табунщик или конюх заболел, будучи среди лошадей, то говорили, что он не избавится от этой болезни и умрет от нее, так как считали, что болезнь эту насылает конь — дев. Смерть от такой болезни считалась дьявольской, греховной (харом). Если, например, человек умирал, упав с коня, то говорили, что он умер греховной смертью, упав с дева («Харом ўлди, даудан жиглип ўлди»). Упомянутый выше Шеров Тагайназар сообщил и другое поверье, что конь не является воплощением дева, а у пророка Исхака был конь, отцом которого был дев и теперь, согласно поверью, могут встретиться кони, ведущие свое происхождение от этого коня. Что касается самого дева, то он страшен настолько, что если даже тень его упадет на человека, человек гибнет. Искандар (Александр Македонский) заговорил дева и бросил за горы Каф (Кухи Каф) и дев боится выходить оттуда, т. к. думает что Искандар до сих пор жив.

Среди народов Южного Таджикистана с очень отдаленных времен распространены легенды о населяющих источники и озера чудесных конях. А. М. Беленицкий приводит отрывок из сочинения арабского географа середины IX века ибн Хордадбеха «Книга путей и государств», в котором ибн Хордадбех передает услышанный им от одного балхского купца рассказ объезчика лошадей правителя Хутталя — ибн-ал-Хариса ибн Асада о происхождении знаменитых хуттальских скакунов.² Согласно легенде, у верхних ворот города Хутталя был источник Назкуль размером 400 на 400 локтей. Во времена правления царя по имени Бик на берегу этого источника произошел следующий случай. Пастух царских лошадей каждый день в полдень пригонял их на водопой к этому источнику. Однажды он заметил среди своих лошадей коня, который представился ему страшным видением, так как конь спустился в источник. Некоторое время спустя из источника снова появился тот конь, а с ним кобылицы и много таких же жеребцов. Все они смешались с царскими лошадьми. И от этих жеребцов, вышедших из источника, родились жеребята у кобылиц царского табуна. Они были «крупные, превосходные, красивые станом». Пастух доложил царю о случившемся. Царь прибыл к загонам пастуха, велел поймать и объездить одного жеребенка от того жеребца. «И поймал он арканом одного из жеребят и, оседлав его, объездил. И он (конь) точно летал между небом и землей, послушный узде, легкий в беге. И когда он (наездник) вернулся и слез с него и расседлал его, то все те лошади ушли с пастбища вместе с теми жеребятами, которые пришли с ними, но исключая тех, которые родились (среди табуна). И вернулись остальные в источник. И до сих пор не появлялось из источника ни одной лошади больше. От (оставшихся) пошла порода хуттальских скакунов».³

Так же, как 1000 лет тому назад жители Хутталяна, ныне некоторые старые локайцы считают своих лошадей потомками сказочных жеребцов,

¹ Например, легенда об основании г. Хазараспа, приведенная Сазоновой М. В. в работе «К этнографии узбеков Южного Хорезма» (Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 279).

² Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутталя..., стр. 119.

³ Беленицкий А. М., Ук. соч., стр. 120.

живущих в источниках. Не только от локайцев, но и от таджиков,¹ карлуков и киргизов нам неоднократно приходилось слышать рассказы о жеребцах, живущих в водоемах. Все значительные озера старики считают населенными жеребцами. Приведем один из рассказов.

На хребте Петра Первого на высоте 3500 м над уровнем моря есть небольшое живописное озеро Джашиль-Куль — «Зеленое озеро». Летом 1950 г. конеферма колхоза «Правда» Дагана-Киикского района летовала неподалеку от этого озера. Во время пребывания на ферме я посетила Джашиль-Куль. Старик-коневод, заведующий фермой, Чаубай-ака Юлдашев спросил о моем впечатлении, когда я вернулась. Я выразила восхищение и сказала, что искупалась в озере. Чаубай-ака сказал задумчиво: «В этом озере не купаются. В нем живут серый жеребец и белый верблюд-самец. Возможно, они не тронули тебя потому, что ты гостья», и рассказал следующую легенду, услышанную им от местных киргизов.

Один старик киргиз ехал на кобыле по берегу Джашиль-Куля. Как раз настало время молитвы. Старик, спешившись и совершив омовение водоему озера, стал молиться, а кобылица паслась возле. Пока старик молился, из озера вышел сивый жеребец (тарлан-ат), покрыл кобылицу и снова опустился в озеро. На другой год кобылица принесла жеребенка. Жеребенок этот рос необыкновенно быстро: в один день стал как годовалый, а в два дня — как двухлетний и мог перескакивать через свою мать. Он оказался тулпаром (крылатым). Весть о чудесном жеребенке дошла до эмира и он назначил старику большую сумму на содержание жеребенка.

На другой год старик, в надежде получить еще одного тулпара, опять отправился на берег озера. Отпустив кобылу с жеребенком пастись, он начал молиться. Из озера опять появился жеребец и увел с собою жеребенка обратно в озеро. Старик остался ни с чем. Эмирские чиновники долго мучили старика допросами, подозревая, что он продал чудесного жеребенка другому правителю.²

В разделе о происхождении локайцев мы приводим легенду о слепом сыни, его брате мергене и об их чудесном тулпаре, который дал начало породе лошадей катаганского рода Борка. Некоторые локайцы считают этого тулпара родоначальником и локайских лошадей.

Все конское поголовье локайцев, за исключением ездовых лошадей, находилось круглый год на подножном корму и под открытым небом. Для того, чтобы скот постоянно имел в достаточном количестве свежий и питательный корм, приходилось перегонять его на соответствующие сезонные пастбища. Соблюдать смену сезонных пастбищ могли только состоятельные люди, владевшие по крайней мере 3—4 десятками голов лошадей. Даже люди среднего достатка, не говоря уж о бедняках, были вынуждены выпасать своих лошадей круглый год вблизи кишлаков. Только некоторым удавалось присоединить своих лошадей к табуну богатого родственника, или же для этого несколько хозяйств объединялось.

Выше говорилось, что зимние пастбища, в основном являлись и ранне-весенними. Они располагались в южной части локайской территории и представляли собой широкие части долин, обращенные на юг, и южные склоны адыров. Эти места почти не покрываются снегом и уже во

¹ Беленицкий А. М., Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, стр. 164.

² Полевая запись от 6 июля 1950 г.

второй половине февраля на них начинает появляться зелень. Лошади, отошавшие за зиму, быстро поправляются и входят в период выжеребки и случки упитанными. Широкие части Леурской, Киикской, Яванской, Дангаринской и Джарыпкульской долин никогда не вспахивались и оставались под пастбища на период выжеребки, т. к. там нет крутых склонов и обрывов, опасных для маленьких жеребят.

Весенние пастбища локайцев располагались в различных местах.

Жители кишлаков, расположенных на северных склонах хребта Ранген-Тау (ныне Кокташский район) и на самом Ранген-Тау, перегоняли лошадей на зиму на юг, в долину Дашти-Киик (ныне Дагана-Киикский район) и в невысокие адыры Донгуз-Адыр на востоке долины. На этих же пастбищах лошади оставались и ранней весной. Например, упомянутый бай-коннозаводчик Джуракул-токсаба из кишлака Чолташ Кокташского района, зимой и ранней весной держал свои табуны на урочище Эшма в южной части Донгуз-Адыра.

Эти же места, т. е. Дашти-Киикская долина и адыры по обеим сторонам ее, являлись зимне-весенними пастбищами и для скота самих жителей этой долины, а также для скота жителей южных склонов Ранген-Тау.

Яванские локайцы ранней весной отгоняли свои табуны в урочище Акташ, расположенное в широкой части Яванской долины, к югу от трех кишлаков Кайнар. Богатые яванские локайцы в конце февраля или в начале марта угоняли свои табуны еще дальше на юг и юго-запад, в Кобадан (Микоянабадский и Шаартузский районы), где на настоящих зимних пастбищах весна наступала еще раньше.

Локайцы Дангаринской долины на весну перегоняли табуны в южную широкую часть этой долины, а также в окрестные горы: Табакчи-Тау, Терекли-Тау, Чал-Тау и др. Некоторые коневоды перегоняли лошадей далее на юг и юго-запад. Например, Кума-бай из кишлака Гомсу ранней весной перегонял поголовье в Батрабад (урочище к востоку от Курган-Тюбе и к западу от гор Табакчи-Тау), на ровное и пустынное плато.

Локайцы, живущие на адырах и в долинах между долиной Дангары и долиной Кызыл-Су, т. е. локайцы Кангурта, Бальджуана и Кызыл-Мазара, весной держали свои табуны в южной части хребта Джилан-Тау — в обширном урочище Алимтай, богатым широкими, обращенными на юг, долинами и пологими холмами, а также в южных отрогах гор Терекли-Тау. Известный бай Халбаба из кишлака Сельбур (один из самых южных локайских кишлаков в долине реки Кызыл-Су), владевший 900 лошадьми, зимой и весной вплоть до поспевания ячменя держал их в южной части Дангаринской долины вблизи кишлака Куюгу Бульён.

Локайцы, живущие на гряде между Кызыл-Су и Ях-Су, перегоняли свои табуны в южную часть этой гряды, недалеко от кишлака Сартез, а также на Алимтай и юг Дангаринской долины.

Уход за лошадьми на ранне-весенних пастбищах сводился к следующему: выбор выпасов, т. е. мест с подросшей хорошей травой и пастьба на этих местах (наблюдение за тем, чтобы лошади не разбрелись), водопой один раз в сутки, а при обильных дождях и один раз в два дня, охрана от волков.

Ранняя весна в Южном Таджикистане — это период дождей. В это время бывают сильные ливни. Дождь идет почти непрерывно иногда целыми неделями. Табуны раньше находились под открытым небом. Если поблизости были естественные укрытия вроде нависшей скалы, то лошади загонялись туда. Узкие ущелья, где прячутся лошади во время зим-

них буранов и ветров, весной не могут быть использованы, т. к. по дну их во время ливней обычно текут стремительные потоки мутной воды, порой настоящие сели,¹ несущие большие и малые камни.

На весенних пастбищах протекают два наиболее важных момента в коневодстве — выжеребка и случка.

Выжеребка в табунах в основном происходит в марте-апреле. Опытный табунщик следил за каждой жеребой маткой, знал характер каждой и при необходимости оказывал своевременную помощь при родах, а также следил, чтобы волки не разорвали беспомощного жеребенка. В это время ночи становятся уже теплыми и подсосные матки с жеребятами-сосунами все время находятся на выпасах. Но иногда весной бывают холодные дни и даже снегопады. В такое время, если поблизости бывало селение, пастушеская землянка или шалаш, то новорожденного жеребенка вносили в помещение, а специальных помещений не строили.

Случной сезон начинался в апреле и кончался в мае-июне, продолжаясь, таким образом, 2—2,5 месяца. В благоприятную для роста трав дождливую весну случка проводилась на ранне-весенних пастбищах. Если весна выдавалась сухая и ранние травы быстро выгорали, то для проведения случки поголовье перегонялось в более высокие места адыров, на типично весенние пастбища. К середине случного сезона, в июне, табуны уже находились на летних выпасах. В период случного сезона особенно важно обеспечить маток и жеребцов кормом в достаточном количестве и высокого качества. Жеребцов локайцы в косяки кобылиц пускали исключительно хорошо упитанными и не подкармливали в случной сезон концентратами. Наличие прекрасного зеленого корма на пастбищах, по наблюдениям Г. Г. Хитенкова, позволяло жеребцам без излишнего исхудания успешно покрывать кобыл.

Случка проводилась исключительно косячная (косяк — уйур). На одного жеребца подбирались от 15 до 30 маток в зависимости от возраста, упитанности, энергии и других качеств жеребца-производителя и от наличия маток. Изредка встречались случаи, когда выделяли до 40 кобылиц.

В косяки пускали жеребцов с 3—4 лет. По словам некоторых табунщиков, четырехлетние жеребцы уже обладают способностью хорошо оплодотворять и в их косяках яловые кобылы встречаются редко. Но пятилетние жеребцы, по их наблюдениям, почему-то не дают полного оплодотворения всех выделенных кобылиц, в таких косяках нередко бывали случаи яловости. Шести-семилетние жеребцы считаются вполне созревшими и дают большое потомство. Кобылицы в косяки ставились в двух-трехлетнем возрасте.

У рядовых локайцев обычно никакая племенная работа не велась, не производилось деление на косяки и половозрастные группы, все поголовье, принадлежащее одному хозяину, паслось вместе, поэтому нередко происходили слишком ранние случки: жеребчики 2—3 лет уже покрывали, а кобылки даже годовалые покрывались. Покрытие незрелых особей вело, конечно, к ухудшению, измельчиванию породы. Такое же явление нередко наблюдалось и в табунах баев.

Те из баев, которые специально занимались конеразведением, уделяли большое внимание при составлении косяков не только отбору жереб-

¹ Сель — наводнение на горной речке, вызванное ливнем в горах. Селевой поток несет камни, грязь, песок.

цов-производителей, но и подбору маток. При этом исходили из следующих основных правил:

1. Как жеребцы, так и матки должны быть здоровыми.
2. Жеребец должен быть проверен как хороший производитель.
3. Хорошие матки должны покрываться только хорошими жеребцами.
4. Нельзя допускать кровосмешения.

Локайцы не вели письменных родословных своих лошадей, но родословные выдающихся лошадей прекрасно помнили, причем, лошадям за редким исключением, не давались клички, а называли их по масти и меткам с добавлением имени хозяина. Выбору производителя уделялось самое большое внимание. Отбор велся на силу, резвость и выносливость. Хорошего жеребца выменивали нередко на 15—18 кобыл. Каждый коновод неохотно продавал или выменивал хорошего производителя. Иногда баи обменивались жеребцами на период случки, чтобы не допускать кровосмешения в своих табунах. Совершенно недопустимым считалось покрытие жеребцом своих дочерей, изредка допускали внучек. По словам некоторых табунщиков, хороший жеребец не покрывает свою мать, сестер и дочерей, узнавая их по запаху. Некоторые даже считают, что если жеребец покрывает свою мать, то заболевает и даже может пасть.

Г. Г. Хитенков, наблюдавший глазами специалиста подбор локайцами производителей, пишет по этому поводу следующее:

«Экстерьер, красота форм при выборе племенного жеребца для косяков не играют почти никакой роли. Если жеребец завоевал себе славу на козлодранье, то при любых его экстерьерных недостатках он широко будет использован как производитель. Копкара (козлодранье) требует от лошади смелости, силы, выносливости, резвости накоротке, верткости (ловкости), поводливости, т. е. тех именно качеств, которые требуются от хорошей верховой лошади. Как видим, отбор в локайском коневодстве шел чрезвычайно рационально и не только по внешним формам, но и по внутренним качествам. Копкара, несомненно, сыграла громадную роль в совершенствовании локайской лошади. Кроме того, что локайцы предпочитают выбирать жеребцов-копкаристов для своих косяков, отбор ведется также по способности «держат тело» и нагуливать жир. Локайцы считают, что жеребец при любой работе не должен быстро худать и «перепадать».¹

Косяки первые 5—6 дней старались держать подальше друг от друга, чтобы жеребцы не встретились и не дрались и, кроме того, чтобы кобылы не перебежали из косяка в косяк, т. к. нередко при составлении косяков, как рассказывают табунщики, разлучаются «подруги»² и они в первое время тоскуют, ржут, ищут друг друга. Только тогда, когда кобылы нового косяка привыкнут друг к другу и к жеребцу, можно допускать сближение косяков, оставляя расстояние между ними до 0,5—1 км.

Итак, ранней весной табуны выпасались в южных частях известных нам долин (Киинской, Яванской, Дангаринской) и в самых южных частях локайской территории. Постепенно, по мере выгорания этих пастбищ, табуны, перегонялись все выше и к середине весны, в апреле, уже были в средней и северной частях указанных долин и в окрестных невысоких адарах, т. е. на том уровне, на котором располагается основная масса

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, стр. 234.

² Табунщики считают, что у лошадей тоже взаимные симпатии, они тоже «дружат» — «баур босоди».

локайских кишлаков. На этих пастбищах они оставались до конца весны. Во второй половине мая в этой зоне трава начинает выгорать, наступает знойное сухое лето и табуны перегонялись на летние пастбища (джайлау).

Как уже говорилось, локайцы не перегоняли лошадей на летние высокогорные субальпийские и альпийские пастбища, а оставляли их в высоких частях своей территории, в основном на пырейно-разнотравных «степных» пастбищах, расположенных на невысоких хребтах Южного Таджикистана. Эти пастбища не только богаты травами, которые хорошо поедаются лошадьми (пырей, дикая люцерна и др.), но и достаточно снабжены водой. На этой высоте несколько умеряется летний зной.

На территории гиссарских локайцев лучшими летовками считались высокие части гор Ранген-Тау (1400—2000 м над уровнем моря).

На территории нынешнего Дангаринского района летовки для конского поголовья располагались в горах Себистан-Тау¹ (к северу от долины; дорога из Туткаула в Кангурт переваливает через этот хребет), Сарсарак (тянется с севера на юг вдоль восточного берега среднего течения реки Вахша) и Чал-Тау (тянется также с севера на юг, но расположен юго-восточней Сарсарака).

Бальджуанские локайцы на лето отгоняли свои табуны в горы Бальджуана и Ховалинга. Горы Бальджуан-Тау тянутся с севера на юг, служа водоразделом рек Кзыл-Су и Ях-Су, и заселены локайцами. Более высокие части этих гор, такие урочища, как Мурат-Багыш и Узун-Охур² считались лучшими летовками для лошадей. На урочище Мурат-багыш летовал, например, самый богатый коневод Бальджуанского бекства упомянутый выше Халбаба.

Эти лучшие летние пастбища до революции были заняты крупными баями, которые выезжали туда со всем скотом (за исключением овец, угонявшихся далее на север, на высокогорья) и семьями, оставив внизу в кишлаках работников для уборки хлебов. Байские табуны выпасались на этих пастбищах в течение 5—6 месяцев, т. е. до тех пор, пока в более низких осенне-зимних пастбищах не подымется растительность после первых осенних дождей и ночных рос. Хозяева среднего достатка, если и выходили (нередко объединившись) с табунами на эти летовки, то они оставались там не более 50 дней (июнь-июль), так как им уже не хватало воды и свежего корма на пастбищах. В знойный летний период в родниках воды становилось меньше, а поить лошадей приходилось 2 раза в день (утром и вечером). Кроме того, нужно было чаще поливать люцерну, которая сеялась баями у родников, чтобы иметь постоянный свежий корм коням, выделенным для стойлового содержания.

Основная масса локайцев использовала как летние пастбища более нижнюю зону, преимущественно северные склоны адыров. Например, склоны Ранген-Тау, обращенные в сторону Гиссарской долины, служили летовкой не только для кишлаков, там расположенных, но и для кишлаков Кинкской и Яванской долин и прилежащих к ним адыров.

Расширение посевных площадей в этой зоне, начиная с 90-х годов XIX в., привело к тому, что не только бедняки, но и многие хозяйства среднего достатка были вынуждены оставлять своих лошадей и летом в зоне зимовочных пастбищ — «чўл», т. е. круглый год пасти свой скот в

¹ Костенко Л. Ф., Туркестанский край, Опыт военно-статистического обозрения, т. II, СПб., 1880, стр. 150 (по Маеву).

² Там же, стр. 151.

долинах и предгорьях вблизи своих кишлаков, где травы остаются зелеными только до июня (лишь в дождливую весну — до июля), а затем засыхают и твердеют. Такие грубые травы вызывают выкидыши у жеребых маток. В летнюю жару в источниках остается очень мало воды и она бывает особенно горько-соленая и вызывает поносы у жеребят.

Мы уже указывали на недостаток воды в районах локайского расселения. Вопрос водопоя является наиболее острым вопросом летнего сезона. Большинство родников летом представляют собой небольшое болотце. Для того, чтобы можно было использовать воду родника, приходилось не просто очищать его, но и рыть неглубокий (2—3 м глубины) колодец. Стены колодца обкладывались камнем или устраивался сруб («чегем»). Чтобы предохранить от засорения и чрезмерного испарения, обычно над колодцем устраивался навес из ветвей и глины. Иногда к склону горы у родника пристраиваются из камня и глины две стены и тогда навес имеет вид землянки или грота. Края колодца обкладываются камнем, а для стока воды устраивался каменный или деревянный желоб. Площадка вокруг колодца часто бывала обычно плохо вымощена или даже совсем не вымощена и поэтому около колодцев и родников от постоянного присутствия большого количества скота бывало грязно.

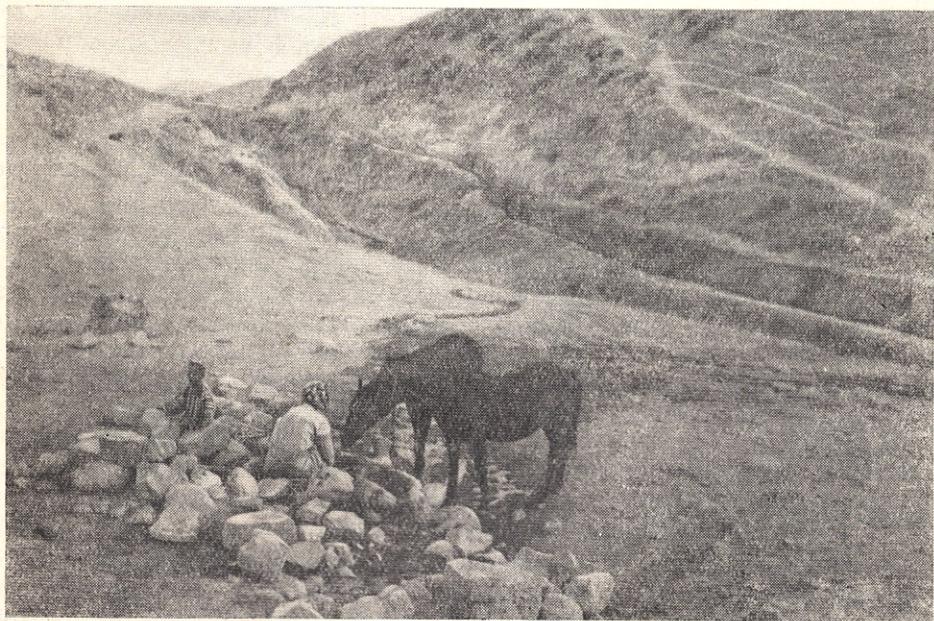

Рис. 9. Водопой. Родник и каменные корыта—ахур. Фото Н. В. Темнова.

У каждого такого колодца были устроены ахуры¹ — каменные корыта. Родники обычно бывают у подножья склона, в ущелье, и поэтому вокруг имеется много больших валунов, принесенных селевыми потоками. Выдалбливая и отшлифовывая, их превращали в корыта. Из родника или колодца воду доставали кожаным ведром на длинной деревянной

¹ Ахур — ясли, в данном случае для водопоя. Очень часто в Южном Таджикистане встречаются названия кишлаков и урочищ: Таш-Ахур (каменные ясли), Узун-Ахур (длинные ясли) и т. п.

ручке. Некоторые валуны имеют такую высоту, что лошади могут пить, не сгибая шеи. У каждого родника нередко бывало несколько таких ахуров, но несмотря на это, чтобы напоить один табун требовалось не менее 2—3 часов времени.

Почти во всех родниках было очень много пиявок, которые приносят большой вред, попадая в ротовую и носовую полость, и даже в дыхательное горло лошадей, вызывая большую потерю крови, иногда приводя даже к смерти животного через удушье.

Водопой из соленых родников избавлял от необходимости давать лошадям соль.

На летних пастбищах производилось изъятие жеребцов из косяков (в июле-августе) и перевод их на стойловое содержание, а из косяков (уйур) составлялись табуны (сүрүк).

В тех хозяйствах, где было много лошадей и в какой-то мере велась племенная работа, табуны составлялись по половозрастному признаку. Подсосные кобылы с жеребятками составляли отдельный табун (күлүнли бийе) или несколько табунов, смотря по числу лошадей в данном хозяйстве. В этот табун входили не только жеребята сосуны (күлүн, осенью — жабағи), но и жеребята рождения прошлого года, т. е. годовалые (тай). Последние обычно до двух лет ходили за матерями, так как отъема их не производили, считая, что жеребенок будет тосковать по матери и это, отразится на его развитии; кобылица после второй выжеребки сама отбивала прежнего жеребенка; а если оставалась яловой, то кормила его до двух лет.

В отдельный табун выделялись молодые кобылицы по третьему году (ғүнажин) и по четвертому году (дүнажин), а также взрослые яловые кобылы (субай байтал).

Жеребчики по третьему году (ғүнан) и четвертому году (дүнан) составляли также отдельный табун. Кастрацию жеребчиков не производили.

В летний период повседневные обязанности табунщиков сводились к следующему: рано утром нужно было отыскать и собрать табун (после объединения косяков в табуны, в каждом из которых могло быть до 300 голов, это дело становилось трудоемким); пригнать табун на водопой, напоить, а после водопоя снова отогнать на выпаса; в течение дня следить, чтобы лошади не слишком разбрелись, не заходили на чужую территорию; отыскать еще непотравленные и невытопанные участки пастбищ; вечером снова пригнать на водопой, а на ночь вновь отогнать на выпаса. Ночью обычно табуны не стереглись.

Помимо этих повседневных и обычных для всех сезонов обязанностей, летом у табунщиков были и другие обязанности, требующие также много труда и забот. Выше говорилось об изъятии жеребцов из косяков и составлении табунов. Помимо этого, летом объезжался молодец. Ловля лошади, выделение ее из табуна, отбивка лошадей в табуны требуют от табунщика умения, большого навыка, ловкости, выносливости и силы. Само собой разумеется, что табунщик должен быть отличным наездником, а конь под ним должен быть неутомимым, быстрым и увертливым.

Ловля лошади из табуна производилась укрюком, который у локайцев называется «күрүк». Он представляет собой тонкий и легкий деревянный шест длиной до 3 метров с петлей из тонкой волосяной веревки (салма жип), причем один конец веревки привязывается к тонкому концу шеста, а второй конец — примерно к середине шеста. Курук, так же как седло и аркан, является основным орудием труда табунщика и всег-

да находится при нем. Если курук не бывает в действии, то закладывает-ся под левое бедро сидящего верхом табунщика.

При ловле лошади обычно несколько табунщиков сдерживают табун, а вооруженный куруком, улучшив подходящий момент, накидывает петлю на шею намеченной лошади и, чтобы лошадь не высвободилась, 1—2 раза поворачивает в руке шест. Далеко не всегда удается с первого раза поймать одичавшего коня.

Ездить верхом и возить вьюки на молодняке начинали с двух-трех лет, за исключением тех случаев, когда жеребенок еще при рождении дарился мальчику, который и начинал седлать его с пяти-шести месяцев.

До заездки дичок ходил все время в табуне неприученный. Поймав его с помощью курука, надевали недоуздок и ставили на прикол на 1—2 дня и оставляли без корма. После такой «обтяжки» дичка в течение 1—2 дней обучали ходить в поводу, водя его за старой лошадей. Некоторых из них (более смирных) сразу седлали и скакали на них. Необъезженный конь обычно всеми способами старался скинуть седока, Если седок сильный и крепкий джигит, то коню довольно скоро приходится покориться, но иногда при объезде всадники получают увечья.

Проехав некоторое расстояние шагом, табунщик покоренного коня снова ставил на прикол, а узду коротко привязывал за переднюю луку седла. Спустя несколько часов, он снова садился на коня и скакал, а затем снова ставил на прикол, на длинном аркане, чтобы конь мог пастись или же, если обучение происходило у кишлака, то одевали ему торбу (мешок) с саманом, приучая к корму.

В течение 3—4 дней объезжаемую лошадь держали под седлом. На ней ездили табунщики собирать табуны, гонять на водопой. Вечером перед ужином табунщик, закончив все свои разъезды, расседлывал объезжаемого коня и пускал пастись, предварительно спутав его передние ноги тонкой, но крепкой волосяной веревкой. Кроме того, чтобы на другое утро легче его было поймать, на шею надевали длинную веревку, конец которой оставляли волочиться по земле. После 3—4 дней такого обучения лошадь становилась более смирной, привыкала к седлу и седоку, и тогда ее пускали в табун.

В мае на весенних или летних пастбищах производили стрижку молодняка — годовалых и двухлетних жеребят; кобылиц же продолжали стричь до первой жеребости. Стригли обычно только гриву и челку, а хвост оставляли.

В табунах баев осенью жеребят в возрасте 6—7 месяцев таврили. Каждый бай имел свое тавро.¹ Тавро выжигалось на бедре.

С наступлением прохладных осенних дней, в конце октября и начале ноября, когда возможны небольшие дожди и легкие ночные заморозки, табуны спускались снова в зону долин и предгорий, т. е. на те же зимне-весенние пастбища. Специальных осенних пастбищ не было.

Осенью нужно было не только поддерживать летний нагул, но, по возможности, максимально поправить лошадей («нажировать» их, как говорят животноводы), чтобы они переносили зиму в хорошо упитанном состоянии. При благоприятной погоде, когда время от времени перепадали дожди и бывали ночные росы, возобновлялся рост трав, прибавлялась вода в родниках (становилась менее соленой), поддерживать скот в теле было нетрудно.

¹ Для обозначения тавра локайцы не употребляют слова «тамга», а называют тавро таджикским словом «дог», т. е. буквально «пятно». Родовых тамг, как мы уже отмечали в разделе о происхождении локайцев, у них давно уже не было.

Зимние пастбища располагались в долинах (Кникская, Яванская, Дангаринская, Джарыпкульская),¹ а также на прилегающих к ним адырах. На этих пастбищах зимовал скот не только кишлаков этой зоны, но и кишлаков, расположенных в зоне летних пастбищ. Например, Кникская долина с окрестными горами Газималек (восточные предгорья его), Джетим-Тау и Донгуз-Адыр считались землей рода Бадраглы, но для зимовки допускался скот и локайцев рода Эсен-ходжа, живущих в Леурской долине, Рангене и Фахрабаде, на землях которых летовали бадраглинцы.

Южные склоны адыров и долины быстро оттаивают в зимние солнечные дни, которых в Южном Таджикистане бывает немало. Лошади пасутся на этих склонах. Если склоны и покрываются снегом, то лошади легко разгребают тонкий слой свежего снега.

В зимнее время работа табунщика сложна и тяжела: в любую погоду верхом приходится отыскивать хорошие выпасы; затем отыскивать и собирать сами табуны, один раз в день или через день поить, нередко разбивая лед застывшего ручья, чтобы достать воду; в бураны и ветреные дни загонять лошадей в узкие ущелья и саи (овраг), чтобы укрыть от ветра и стужи, и удерживать там и, наконец, защищать от волков.

Если работа чабана при овечьей отаре невысказана без овчарок, то при табунах собак обычно не держали. Только про Матамбая говорят, что он для охраны своих 1000 голов лошадей держал восемь собак. По словам табунщиков, лошади плохо сопротивляются волкам. Обычно, когда жеребенок спит, растянувшись на траве, мать пасется возле, но зимой кобыла ни на один шаг не отходит от спящего жеребенка, не пасется, а стоит над ним, охраняя его. Если нападает волк, кобыла ногами и головой отбивается из последних сил, ограждая жеребенка, и уступает только когда совершенно обесиливается. Тогда ловкий зверь все же выхватывает его. Потом мать долго не хочет уходить от места гибели своего жеребенка и часто вновь и вновь убегает туда, отделившись от табуна.

Табунщики убивали волков укрюком или стремянем, отстегнутым от седла и висящим на путлице.²

В зимний период табуны на ночь оставлялись на выпасах без присмотра, «уповая на бога».³ Но если волки начинали приносить особенный урон, то мирахуры⁴ сгоняли на ночь все табуны одного кишлака в одно место и сами оставались охранять их и бить волков. Место обычно выбиралось вблизи кишлака, и охрану старались сочетать с развлечением: разводили костер, варили мясо, кипятили чай, и таким образом, за поздним ужином, в оживленной беседе проводили ночь, чутко прислушиваясь в то же время к каждому подозрительному движению в табунах.

Зимой ездовые лошади находились полностью на стойловом содержании, а из табунных подкармливались лишь большие и слабые лошади, преимущественно из молодняка. Подкармливали же остальных лошадей и ячменем пополам с саманом. Относительно же остальных лоша-

¹ По словам восьмидесятилетней старухи Тулганай из кишлака Казак Советского района, во времена ее детства и молодости аулы Джарыпкульской долины, проводив там осень, после снятия бахчей перекочевывали на зиму южнее, в кишлаки Сельбур и Чимчик. (Полевая запись от 18 августа 1948 г.).

² Путлице — ремень, на который привешивается к седлу стремя.

³ «Таваккал қилип қолдиручи эдик: ажали жетса уладиди» — «Оставляли, уповая на бога: если придет смертный час, все равно умрет», — говорил нам один старый локаец, выражая тем самым психологию фаталиста, столь типичную для мусульманина.

⁴ Мирахур — табунщик.

дей, а также других видов скота, локайцы продолжали придерживаться древнего представления своих предков о том, что «пища скота на земле, если скот будет зависеть от человеческих рук (получать корм с рук), то его насытить невозможно» («Молнинг ризки жерда, кўлга қорағандан кейин молни тўйқарып бўлмайди»).

Если погода во все сезоны года была благоприятной, то лошади, привыкшие к суровым условиям круглогодичного табунного содержания, легко переносили недолгую зиму, но не всегда гладко шла жизнь скотовода, не всегда погода благоприятствовала росту и размножению его табунов. Нередко выдавались засушливые годы. Особенно губительными были те, когда засуха продолжалась весь год. Весна наступала рано, уже в феврале, и не бывало обычных для этого сезона обильных осадков, и уже в апреле выгорали весенние пастбища. Наступало знойное лето без капли дождя в течение шести и более месяцев. Редкая и низкая растительность на летних пастбищах также быстро выгорала. Исчезала вода в колодцах. Лошади щипали сухую и жесткую траву, и у жеребых маток бывали выкидыши. Ослабевшие жеребята заболели лишаем и чесоткой. Они не находили молока в вымени матерей. Возникали различные болезни скота. Бывало так, что и осень выдавалась засушливая: до самого декабря не бывало дождей; не возобновлялся рост трав, поэтому скот входил в зиму худым, истощенным, и локаец с тревогой и отчаянием ожидал наступления зимы, самого страшного сезона.

Такие годы бедствий бывали особенно губительными, если при затянувшейся засушливой осени сразу наступали морозы и выпадал снег на высохшую голую землю. Тогда ожидалась гибель всего скота. Перегон в тугай речных долин не спасал положения, так как эти тугай не могли обеспечить кормом и сотую часть скота всего Южного Таджикистана и большей части Центрального Таджикистана, зимовавшего в этих местах.

Не меньшую, чем засуха, опасность представляла саранча, которая в иные годы уничтожала подчистую не только хлеба, но и травы. Старики вспоминают, что лет 60 тому назад был такой страшный год, когда от бескормицы погибло огромное количество скота.

Немало бед приносили и многоснежные морозные зимы, когда снег выпадал настолько толстым слоем и лежал так долго, что скот не мог тебеневать. В такие зимы скот опять-таки перегонялся в тугай, где высокая трава и кустарники выступали из-под снега.

Старики рассказывают про одну такую страшную зиму, когда в течение будто бы сорока суток шел снег и лежал слоем, толщиной в полтора метра. Это было в год «свины»,¹ повидимому, в 1911 г. В ту зиму у яванского коневода Матам-бая из тысячи лошадей осталось десять, остальные все погибли.

В описываемых районах часто бывает и гололедица (джут), когда растительность покрывается ледяной коркой, затрудняющей тебеневку, но лед в этих районах держится недолго, и поэтому джут не представляет большой опасности. Годы тяжелого джута бывают очень редки. Проф. С. Г. Азаров, в бытность свою в Южном Таджикистане в 1928 г., слышал от старых овцеводов, что в девятисотых годах была гололедица, когда ледяная кора продержалась около месяца и погибли десятки, а может быть и сотни тысяч животных.²

¹ Среди локайцев еще продолжает бытовать счет годам по двенадцатилетнему животному циклу.

² Азаров С. Г., Бригис О. И., Овцеводство Таджикистана, М., 1930, стр. 124.

Бедственные годы, подобно описанным выше, бывали нечасто. Обычно имевшееся у локайцев конское поголовье более или менее обеспечивалось подножным кормом в течение всего года.

Итак, пастбища всех сезонов для лошадей были расположены на локайской территории, на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Расстояние между крайними точками перегона с ранне-весенних на летние пастбища обычно составляло несколько десятков километров и только в некоторых районах около сотни километров или немногим более. Большую часть года (весна, осень, зима) табуны проводили в средней части локайской территории, в зоне широких долин и предгорий, где располагалась основная масса локайских поселений. Ранней весной табуны перегонялись в южные части локайской территории, а летом — в северную гористую часть.

Бедняцко-средняцкие хозяйства в большинстве случаев держали свои табуны круглый год вблизи кишлаков. Само население также не кочевало, за исключением баев и их семей, а круглый год жило в кишлаках, лишь на лето переселяясь в юрты или камышовые шалаши, поставленные на бахчах в 2—3 км от кишлака. От одних сезонных пастбищ на другие вместе с табунами переходили лишь табунщики — мирахуры.

В средняцких хозяйствах, в которых общее количество лошадей доходило максимум до двух-трех десятков, обязанности табунщика выполнял кто-либо из членов семьи; взрослый сын, зять или даже сам глава семьи. В зажиточных и байских хозяйствах нанимали специальных табунщиков, или заставляли работать бедных родственников, осиротевших племянников и т. п. «призираемых» лиц, которых всегда было достаточно в байских домах.

Осенью, зимой и весной, когда пастбища располагались относительно близко, табунщики были тесно связаны со своими домами. Обычно табунщик рано на заре, сев верхом и вооружившись куруком, отправлялся на поиски табуна. Собрав табун, проверив наличие всех лошадей и их состояние, он поил их и вновь отгонял на выпасы, а затем возвращался домой завтракать. Там занимался делами своего хозяйства; обедал и снова отправлялся к табуна, оставаясь там до позднего вечера, ночевать возвращался домой. Если же выпас находился довольно далеко от дома или в табуна было много лошадей (несколько сот голов), то табунщик на обед домой не возвращался, а брал с собой завтрак, обычно лепешку, испеченную из чистой пшеничной или наполовину из ячменной муки, иногда еще кусок мяса, катык (кислое молоко) или кумыс.

Табунщики из кишлаков, расположенных в зоне летних пастбищ в зимне-весенний период находили приют и пищу у своих родичей и знакомых, живущих в кишлаках этой зоны, и наоборот, летом табунщики южных кишлаков находили гостеприимство у родичей и знакомых в кишлаках зоны летних пастбищ. Если на летовку перекочевывал сам бай с семейством, то табунщики кормились у его очага. Пользующийся гостеприимством родича или знакомого обычно не вносил своей доли продуктов, ограничиваясь обычно подарками, гостинцами и кумысом, но мог и этого не приносить, в надежде, что и он когда-нибудь окажется полезным гостеприимному хозяину. В силу живучести пережитков патриархально-родовых отношений локайцы отличались большим гостеприимством и редко бывало, чтобы семья (даже самая бедная) садилась за дастархан (скатерть) без гостя. Что касается тех табунщиков, которые кормились у своих богатых хозяев, то они в свободное от прямых обязанностей время выполняли различную другую работу по распо-

ряжению бая и членов его семьи, а нередко вся семья самого табунщика работала на бая.

Если летние пастбища данного бая находились далеко от кишлаков, то табунщики одного хозяина или даже нескольких хозяев брали с собой продукты и сами готовили пищу. Пекли лепешки из пресного теста (патир) на плоском камне или в горячей золе (күлча), а горячую пищу готовили в медном котле (мис козон).¹ Пищей этой было: жареное или вареное мясо, мучная или (реже) рисовая каша на кобыльем молоке, да изредка плов.

Мясо (баранину или козлятину) варили (хом-шүрпо) или жарили (куурмо) без овощей. Если поблизости рос дикий лук, то клали его. Плов варили не только без моркови, но даже без лука. Конину ели редко.

Если болезнь лошади или несчастный случай с нею (падение с кручи и другие увечья, нападение волка и т. п.) вынуждали табунщиков прирезать ее, то все сало они в топленном виде оставляли для своего потребления (клали его в кашу вместо масла, на нем варили даже плов; оно считается очень «сильной» и «горячительной» пищей), а мяса оставляли для себя лишь столько, сколько можно было съесть в течение 2—3 дней (в зависимости от сезона), остальное же раздавали другим табунщикам или жителям ближайшего кишлака.

Горячую пищу табунщики готовили обычно на ужин, а утром и в обед пили кумыс, зеленый чай с лепешками или с привезенными из дому чегельдеками (чегельдек — жареные в масле или сале кусочки пресного теста). Если было топленое баранье сало, то его подогревали и отпивали несколько глотков и макали в него хлеб.

Все запасы продуктов и посуда (котел, деревянные чашка и ложка) помещались в переметной суме (хурджун) из домотканного грубого шерстяного материала. Табунщики не обременяли себя постелью и палатками. Они спали на земле, подстлав под себя потник и халат, подставив под голову седло и укрывшись чекменем.

Одежда табунщиков не отличалась от одежды остальных локайцев, поэтому опишем ее в разделе о материальной культуре.

Заканчивая описание основных обязанностей табунщиков, а также условий их труда и быта, следует отметить, что большей частью табунщик в какой-то мере бывал и коновалом. Приведем несколько примеров, показывающих различные способы лечения болезней лошадей.

Наиболее частым заболеванием была сбитость спины — джаур,² которая бывает в результате неправильного устройства ленчика седла, неудобного выюка, небрежного седлания и т. п. Джаур лечили следующими способами: присыпали пылью гриба-дождевика (кар-күлок); накладывали свежесрезанное основание стебля зонтичного растения каурак (ферула воночая), прикладывали к ране и другие растения (аджик, бир-тартар и др.).

Обычно джауру предшествует опухоль. Чтобы не допустить нагноения и превращения опухоли в джаур, прикладывали горячую прокипяченную салфетку или теплый телячий помет, или же свежеснятую шкуру

¹ После того, как русские товары стали достигать Восточной Бухары медный котел в быту стал быстро вытесняться чугунным котлом полусферической формы (қора қозон), но у мирахуров и чабанов продолжал употребляться медный котел, так как он был легким, небьющимся и, как говорят табунщики, «пища в нем бывает вкуснее». До сих пор изредка в пастушеских станах можно его встретить.

² Джаур (от арабского) — термин, распространенный и среди русского населения Средней Азии и Казахстана, поэтому мы в дальнейшем оставляем его.

сурка, а также сдавливали седлом, предварительно намылив опухшее место.

На некоторых летних высокогорных пастбищах встречается ядовитая трава (захарак, коралак), от которой происходит отравление и гибель животных.¹ Отравившаяся лошадь не может стоять и ходить, у нее не сгибаются суставы и перестает работать кишечник. В этом случае ей немедленно давали соль, насильно засовывая ее в рот и нос, и поили пахтой (сколотиной). После этого лошадь закутывали в кошмы и паласы, садились верхом и начинали погонять. Лошадь сначала шла через силу, затем разогревалась, потела, суставы ее начинали сгибаться и ее пускали галопом. Затем она мочилась с кровью и у нее начинался понос. Таким образом лошадь «освобождалась от яда», по выражению табунщиков, и выздоравливала.

В зоне низкогорий в результате каких-то причин лошади заболели истощением, сопровождавшимся выпадением шерсти на голове. Взрослые лошади выдерживали эту болезнь, а жеребята погибали. Единственным «средством» от этой болезни считалось нашептывание муллы. Табунщики не умели лечить ее.

Бородавку (сугал) на теле лошади удаляли различными способами: срезали, прижигали, туго перевязывали ее под корень конским волосом. Наряду с этим иногда коня водили вокруг мазара² и посыпали бородавку глиной с мазара.

Если в пути лошадь начинала хромать, то говорили, что у нее «дорожная лихорадка» (жұл учуғи) и перевязывали больную ногу лошади красной ниткой. Цветной, преимущественно синей, ниткой перевязывали ногу лошади также при нарывах и болячках.

Большую часть заболеваний животных лечили кровопусканием, а если это не помогало, то прибегали к помощи мулл и мазаров.

Причиной большинства заболеваний считали «дурной глаз» и в качестве «профилактики» прибегали к талисманам — тумар. Шейхи мазаров, ишаны и муллы не скупались выдавать бумажки со стихами из корана или других священных книг или даже просто с бессмысленными заклинаниями — разумеется за вознаграждение. Эта бумажка складывалась маленьким треугольником, зашивалась в лоскуток плотной материи или кожи и привешивалась на ниточке к челке или гриве лошади, а жеребяткам их надевали на шею на волосяном шнурке. Предохраняющими талисманами служили и резные кусочки некоторых пород деревьев.

Иногда встречались люди, обладавшие большими познаниями в области народной ветеринарии, именно в той ее части, которая имела рациональный характер и была основана на многовековом народном опыте и наблюдении. Такие люди пользовались большой популярностью и обслуживали обширный район. Одним из таких известных коновалов является и ныне здравствующий старик-карлук по имени Турды из кишлака Муноскуль (колхоз «Комсомол») Дангаринского района.

Из среды опытных особо наблюдательных табунщиков выходили нередко сынчы — знатоки и ценители лошадей, к которым обращались при покупке коня, при выборе из молодняка подающих надежды скакунов, советовались с ними при подготовке коней к состязаниям и козлодранью, они являлись и тренерами коней знати и т. д. В старину роль

¹ Это растение, к сожалению, до сих пор точно не установлено.

² Мазар — могила или «место, куда ступала нога» какого-нибудь «святого». Часто это были места древних культов, связанные с большими деревьями, источниками или камнями причудливой формы.

сынчы, повидимому, была особенно велика, так как во многих узбекских эпических поэмах сынчы является обязательным персонажем, о нем рассказывается немало легенд. Пожилой локаец Хасан-раис из кишлака Кош-Булак Дангаринского района рассказал нам, например, следующее предание. В некоем государстве правил хан, обладатель многочисленных табунов. Однажды он вызвал к себе сынчы и приказал выбрать лучшего коня из его табунов. Сынчы выбрал одного коня, но сказал при этом хану: «Вот хороший конь, но у него есть один недостаток — он был выкормлен на коровьем молоке». Хан удивился и высказал сомнение в верности слов испытателя. Последний попросил хана вызвать прежнего хозяина коня и убедиться в правильности его определения. Хан вызвал прежнего хозяина коня, который подтвердил, что жеребенок действительно остался сиротой и был выкормлен на коровьем молоке. На вопрос хана о том, как сынчы смог определить это, испытатель ответил: «Этот конь, выйдя из воды, отряхивает воду с задних ног. Пока не тряхнет задними ногами, не идет дальше. Эта коровья привычка передалась ему через молоко».

Верховые лошади локайцев получали постоянный и тщательный уход. Локайцы ездили только на жеребцах. Мужчине ездить на кобыле считалось большим позором. Кастрацию жеребчиков, как мы уже отмечали, локайцы раньше не производили. На кобылах (обычно на еще не жеребившихся — байтал или оставшихся яловыми — субай) ездили только табунщики в маточные табуны, да женщины во время перекочевок или поездок в гости.

Локаец обычно не ездил на любом коне, пойманном из табуна, хотя бы и обезженном. Прежде, чем сделать коня постоянным ездовым, его к этому долго и тщательно готовили. В результате такой подготовки конь приобретал способность к длительной и напряженной работе и только после этого допускался к скачкам, козлодранью, к участию в аламанах, к длительным поездкам вообще.

Способы такой подготовки были разнообразны в деталях, у каждого были свои приемы и свои секреты, но в основном они сводились к максимальной наживровке, а затем к постепенной подсушке, «охлаждению», как говорят локайцы (сууту), чтобы «жир впитался в жилы», отчего конь становится неутомимым. Этот метод широко распространен среди всех народов Средней Азии.

Приведем два варианта кормления ездовых лошадей.¹

С конца мая по сентябрь конь стоит привязанный у глиняной кормушки под навесом или в тени деревьев. На него надевают недоуздок и привязывают его так, чтобы конь мог свободно ложиться, но не мог бы бегать вокруг кормушки. Кормушка сооружается такой высоты, чтобы конь не сгибаясь мог достать из нее корм. С этого дня коня не пасут и совершенно перестают на нем ездить, даже не водят на прогулки. Чтобы коню было мягко лежать, навоз из под него не убирается. В первые дни для «открытия аппетита» ему дается корм в свежем виде (люцерна, стебли белой джугары) или же, если нет свежего корма, дается моченая пшеница. Затем коня начинают кормить исключительно ячменем, смешанным с пшеничным саманом. Этот корм дают в следующих нормах: в первый день 2—3 кг, а в каждый последующий день добавляют к норме предыдущего дня, примерно по килограмму. Это добавление продол-

¹ Первый вариант записан от Хасан-раиса из кишлака Кош-Булак Дангаринского района.

жается до тех пор, пока конь не сможет съесть в течение суток весь выданный ему корм и оставить некоторое количество. Эта высшая норма доходит до 16 кг и более в сутки. Остаток взвешивают (или считают сколько горстей осталось) и на следующий день уменьшают норму на это количество. В каждый последующий день лошадь не доедает определенное количество корма и на это количество уменьшают ей норму. Убавление продолжается до тех пор, пока конь опять не будет съедать все, что ему выдается. Обычно эта норма составляет 3—4 кг в сутки. Если даже дать ему больше, то он все равно не съедает более указанной нормы.

Норма воды зависит от назначения коня: если он предназначен для козлодранья, то ему полагается три ведра воды в сутки, если же для скачек — одно ведро.

Когда, таким образом, конь останавливается на стойкой норме пищи, его седлают и привязывают коротко, чтобы он не мог ложиться. В таком положении, не снимая седла, его держат недели две, чтобы, как говорят локайцы, «мясо из-под седла разбежалось по телу». После этого, конь выводится из-под навеса и коротко, чтобы не мог ложиться, привязывается к глиняной кормушке, сооруженной под открытым небом на ровной площадке с твердым грунтом. Навоз из-под коня постоянно убирается, площадка несколько раз в день поливается водой и чисто метется. Делается это для того, как говорят локайцы, чтобы «мясо с ног коня разбежалось по телу и ноги стали сухими». В это время, в течение двух недель, коня кормят из торбы, чтобы он научился дышать только через нос, что очень важно при скачках.

После всех этих манипуляций считают, что тело коня вошло в требуемые нормы и приступают к «охлаждению», о котором сказано несколько ниже.

Приведем запись о втором способе кормления таких коней.¹

Лошади лето проводят на горных пастбищах. В конце августа коня, предназначенного для состязаний или для постоянной езды, ставят на усиленное питание.

Выкапывается неглубокая яма такого размера, чтобы поставленный в нее конь мог свободно ложиться. У одного конца ямы сооружают высокую глиняную кормушку. Конь ставится в яму для того, чтобы он стоял спокойно у кормушки. Навоз из-под коня не убирается. В течение 15—16 дней его кормят люцерной, смешанной с пшеничным саманом, дынными корками и другими свежими кормами. По истечении этого срока совершенно прекращают выдачу свежих кормов и переходят только на ячмень. При этом ячмень никогда не выдается без примеси пшеничного самана, чтобы «конь не прикусывал своего языка», как говорят локайцы. Кормление начинается с одного килограмма ячменя. На второй день утром выдается 0,5 кг, а вечером — 2 кг, т. е. на второй день выдается 2,5 кг ячменя. В последующие дни, ежесуточно добавляют по одному кг к норме предыдущего дня. Корм выдается сначала в два приема, но позже, когда суточная норма превышает 6—7 кг, переходят к выдаче корма в 3 приема.

Предельная высшая норма ячменя зависит от самого коня и может доходить до 16 и более кг в сутки. Дойдя до этой предельной нормы, конь сам ежедневно уменьшает количество съедаемого ячменя и, в кон-

¹ Записано от локайца Мурза Карима 55 лет.

пе концов, удовлетворяется тремя кг в сутки: 1 кг выдается утром и 2 кг вечером. Эти 3 кг остаются постоянной нормой коня.

На этом заканчивается первый этап подготовки коня к эксплуатации, конь «созревает» (жетишади). «У таких коней мышцы бывают как камень, — говорил осведомитель, — а круп бывает гладким и ровным, как хорошо смазанная плоская крыша («Гүши тошдай, күти томдай турор эди»).

Не только во время специального усиленного кормления, но и во время последующей постоянной езды локайцы своих ездовых лошадей совершенно не кормят зелеными кормами, считая, что зеленый корм «разжижает» коня, конь теряет выносливость и быстро устает («От күк үт жеса чарчагич бүлоди»).

Описанный период подготовки коня специальным питанием продолжается 3—4 месяца — обычно с середины лета (после изъятия жеребцов из косяков в июне-июле) до конца сентября, а то и до середины октября.

Вторым очень важным этапом в подготовке коня к постоянной езде и к состязаниям является «охлаждение» (сууту), которое включает в себя и тренинг.

К охлаждению приступают осенью, полное наступление которой определяют по появлению на предутреннем небе Сириуса — Джаркиравик («сверкающий»).

Коня моют с мылом, затем седлают и поверх седла покрывают теплой попоной из войлока или паласа, но с подкладкой из войлока (босилдирик), надевают уздечку, а поводья коротко привязывают к луке седла, чтобы конь не мог опускать голову («контарип ташлайди») и ставят на прикол под открытым небом. Уздечку снимают лишь на время кормления.

В начале «охлаждения» корм выдается в два приема — утром и вечером. Попрежнему кормят ячменем, но самана добавляют очень мало: если, например, ячменя дают 8 горстей, то самана 2 горсти. Поить полагается также 2 раза за некоторое время до кормления.

После вечернего кормления (т. е. поздно вечером, а иногда даже в полночь), укрепив седло, джигит садится верхом и совершает небольшую прогулку. В первый вечер он проезжает тихим спокойным шагом не более 1—2 км. В каждый последующий день дистанция увеличивается на 0,5—1 км, причем и рано утром до наступления жары совершают небольшую прогулку. Через 10—15 дней переходят с шага на рысь, при этом дистанция сокращается вновь до 1—2 км, а затем в каждый последующий раз увеличивается на 1—2 км. Со дня перехода на рысь, а затем и на галоп ежедневная норма ячменя начинает выдаваться в 2—3 приема. Коня еще больше кутают и учащают пробеги, чтобы вызвать обильный пот. Как во время пробегов, так и сразу после возвращения открывают попоны и даже снимают седло и краем ладони снимают пот со спины и крупа лошади и тотчас вновь седлают и закутывают в войлочные попоны. Локайцы считают, что выделение пота способствует «отделению» жира от мяса, растапливанию жира и впитыванию его в жилы» и подсушивает коня.

Мы уже отмечали, что у каждого джигита бывают свои мелкие коррективы и добавления к тому, что мы описали. Некоторые, например, считают, что конь в период «охлаждения» должен мало спать и для этого джигит в течение ночи несколько раз встает, подходит к коню и будит его, почесывая и поглаживая.

«Охлаждение» продолжается 30—40 дней. Особенно длительное и тщательное «охлаждение» необходимо для тех коней, которые готовятся к скачкам. Усиленная работа под войлочной попоной продолжается до тех пор, пока конь не потеряет весь свой жир, живот будет подтянут, ноги будут совершенно сухими. Однако локайцы никогда не пересушивают своих коней, как это делали текинцы.¹

По словам одного старого табунщика, в старину «охлаждали» до тех пор, пока помет коня не становился таким твердым, как орехи и сухим настолько, что если его завернуть в платок, то он будто бы не приставал к платку. Только в таком случае считали коня созревшим для состязаний. Если конь был недостаточно «охлажден», то он, по словам локайцев, быстро «сгорал» и терял силу, а во время скачек иногда погибал от разрыва сердца (как говорят локайцы: «конь может разорваться, лопнуть» — «суумаган от жұлда жарилип ұлади»).

Таким образом, конь, прошедший описанную подготовку, в течение всего конно-спортивного сезона, который длился примерно с ноября по март-апрель, мог участвовать в козлодраньи и скачках.

Перед скачками требовалось еще следующее: за 5—6 дней до пайги (скачек) коня кормили 3 раза в сутки — поздно вечером (или ночью), перед утром (или рано утром) и днем. За три раза выдавалось всего 4 кг ячменя с очень небольшим количеством самана. Поить полагалось также 3 раза. Некоторые считали, что поить следует после кормления, но после воды следует дать еще 2 горсти самана. В таком случае конь не будет потеть, так как саман впитывает в себя всю воду. Накануне пайги коня не кормили всю ночь, но усиленно работали, т. е. ездили на нем в течение всей ночи, и только к утру ставили на прикол и через некоторое время натошак выезжали на пайгу. Если скачки должны были состояться днем, то рано утром давали коню небольшую порцию корма.

Скачки устраивались на большие дистанции — 10—12 и даже 20—30 км. Одновременно в них участвовали до 500 всадников. Для скачек предпочитали 5—6-летних коней, но обычно участвовали и кони более старших возрастов (десяти и даже более лет). Наездниками на скачках бывали чаще подростки, чтобы вес у наездников был не более 50 кг.

После скачек и коня, и наездника «охлаждали». Наездника водили 2 человека, поддерживая под руки в течение примерно получаса. Коня же водили в течение 3—4 часов, а то и более. Затем пробовали рукой задние ноги выше щеток (плюсны): если остыли, то можно было дать горсти 2 самана, а потом напоить. После воды следовало дать еще 2—3 горсти самана, а затем уже дать ячмень, но лучше дать ячмень спустя некоторое время. После кормления вечером следовало совершить прогулку, а затем утром также проехать несколько км.

Существовал еще другой вариант охлаждения после скачек: коня в течение 30—60 минут тихо водили, затем тепло закутывали в кошмы, мыли ноги соленой водой и оставляли привязанным без корма до полуночи. В полночь давали половинную норму ячменя и только после корма поили.

Скачки являлись одним из любимых развлечений локайцев во вре-

¹ Раньше туркменские сеизы (тренеры) излишне иссушали коня, который из тренировки выходил с подтянутым животом, с резко выступающими ребрами и мочкаками (Щекин В. А., Горелов К. И., Ахал-Текинская лошадь, Сб. Конские породы Средней Азии, М., 1937, стр. 60).

мя тоев — пиршеств в связи с различными семейными празднествами (во время религиозных праздников скачки не устраивались).

Еще большей любовью, чем скачки, пользовалось козлодранье. Во время этой игры испытывались сила, ловкость, выносливость и прочие качества не только коня, но и джигита. Эта игра отличается большей азартностью, чем скачки, поэтому она не пользовалась одобрением мулл; они считали эту игру делом шайтана, подстрекающего на азартные игры. Если человек умирал, упав с коня во время козлодранья, то смерть его считалась греховной.

Козлодранье локайцы называют «ўлок» — козленок. В нем участвуют обычно лошади в возрасте от 4—5 до 10 лет. Хотя кони старше 10 лет и считаются неподходящими («ўлоктан чыгып қаған»), но нередко они еще не один год продолжают удерживать свою славу. В этой игре могут участвовать от нескольких десятков до нескольких сотен всадников. Вся группа участников называется «хора». Она собирается на большое открытое место. Устроитель тоя (или кто-нибудь другой от его имени), проскакав круг, бросает в кучу всадников зарезанного козла, у которого отрезаны голова и ноги до колен. Начинается отчаянная борьба за обладание козлом. При большом числе участников борьба эта может длиться час и более. Победителем считается тот, кто сумеет вырваться с козлом из кучи и, проскакав круг, бросит козла к ногам хозяина и судей (аксакалов). Победителю выдается приз: I приз — верблюд (у локайцев он не всегда бывал), II приз — корова, III приз — осел и IV приз — овца (те же призы и на скачках). Если козел еще не разорван на куски и если еще не устали кони и наездники, игра возобновляется.

У локайцев эта игра часто усложняется. Например, козла бросают не просто на землю, а в яму, глубиной до метра, откуда джигит с коня должен достать его. Площадь, на которой происходит игра, условно ограничивается с двух сторон. Рубеж называется «пайка» и отмечается ямой или жердью. За этот рубеж, где стоят аксакалы, и следует бросить козла.

После улака коней охлаждают в течение нескольких часов, вода за повод или тихо прогуливаясь верхом.

В поездке локаец проявляет постоянное внимание к своему коню: тщательно подгоняет седло, прилаживает потники, подгоняет подковы, соблюдает все необходимые предосторожности при кормлении и поении.

До перехода к оседлому образу жизни локайцы не имели закрытых помещений для скота и на ночь ездовых лошадей в холодное время года покрывали несколькими войлочными и суконными попонами, а в теплое время — одной попоной. С появлением конюшен, лошадей в дождливое время года стали заводить в конюшни.

Время от времени ездовых лошадей чистили деревянным или железным гребнем и веничком. Купали очень редко ввиду недостатка воды. Производили расчистку копыт и ковали. Подкова называется «нахал» (от арабского نعل через таджикский), так как кузнецами большей частью являлись и являются таджики, которые вырабатывают подковы на дому, а в базарные дни выносят свою продукцию на базар, где и подковывают лошадей с помощью самого хозяина, который держит ногу лошади. При разравнивании нога лошади ставится на пенек. Подковы бьют без шипов.

Г. Г. Хитенков пишет, что локайцы куют своих ездовых лошадей на все четыре ноги.¹ Наши информаторы говорят (как это и нам прихо-

¹ Хитенков Г. Г., Локайская лошадь, стр. 236.

дилось наблюдать), что ни зимой, ни весной нет необходимости ковать лошадей, так как в Южном Таджикистане преобладает лессовый грунт. В остальное время года куют обычно только тех лошадей, которые несут большую нагрузку, да и то чаще только на передние ноги.

Верховая сбруя (от абзали) служила предметом большой заботы локайцев. Обладание не только хорошим конем, но и добротной нарядной сбруей всегда являлось заветной мечтой каждого джигита. Родители считали делом своей чести как можно лучше снарядить сына коня и нередко накапливали необходимые для этого средства в течение нескольких лет. Комплект верховой сбруи, украшенной металлическими посеребренными накладками и бляхами, по стоимости равнялся одному хорошему коню. Обычно мастеру кузнецу (он же и серебряных дел мастер) давали коня, а он взамен изготавливал сбрую.¹ Деревянный остов (ленчик) седла приобретался у другого мастера, а потники, чепрак и попоны шил третий мастер.²

Верховое снаряжение локайцы считают состоящим из четырех основных элементов: седло (эгар), стремяна (узанги), узда (жуган) и подхвостник (күйишқон). Все остальное (ремни, пряжки, потники, подпруги и пр.) считается приложением к этим основным элементам.

Седло локайцев — обычно узбекского типа и состоит из деревянного ленчика, двух массивных стремян, висящих на двух путлищах (длина их соответствует правильной кавалерийской посадке), двух подпруг (тушойил; одна ременная имеет пряжку с язычком, а вторая — широкая тканая, с пряжкой без язычка, проходит поверх подстилки и подушки седла так, что внизу обе подпруги приходятся на одно и то же место), двух потников (чирги), двух «подушек» из плотного войлока для опоры ленчика (жонник). Ленчик покрывается мягкой стеганой подстилкой, иногда еще ковриком или паласом.

Ленчик изготавливается из ивы и состоит из четырех кусков, которые склеиваются с помощью тонких крепких волокон сухожилий и клея. Затем ленчик обтягивается сыромятной кожей быка или верблюда (ултон, хом тери) и по всей поверхности прибивается мелкими гвоздями.

¹ Боганик Р. Ю. Рожевиц в 1906 г. наблюдал на бальджуанском базаре работу мастеров по изготовлению металлических накладок сбруи и описывает следующим образом: «Базар (в Бальджуане — Б. К.) довольно большой и славится своими изделиями из тисненной кожи (главным образом кожаные части над седлом) и серебрением железа (серебрят преимущественно пряжки, стремяна, уздечки и др. части сбруи). Это последнее искусство очень изящно, и самый способ серебрения весьма своеобразный. Выковав из железа какую-нибудь вещьцу, мастер наносит на нее зубилом ряд насечек, а потом молоточком наколачивает тоненькую серебряную проволоку, причем, изгибая проволоку, получает различные узоры, а наколачивая ее тесными рядами, получает гладкие поверхности. Такой способ серебрения очень медленный и дорогой (над парой больших пряжек для подпруги мастер работает 3 дня), но зато результаты получаются весьма хорошие; не раз приходилось видеть высеребренные таким способом пряжки уже совершенно изношенные, но никогда не замечал, чтобы серебро отскакивало. Серебряную проволоку изготавливает сам мастер из курсирующих денег, «тенги» (стоимость 15 коп.), серебро которых отличается мягкостью и чистотой сплава». (Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., ИРГО, т. 44, вып. IX, СПб., 1908, стр. 624).

² Состоятельные родители дарили своему сыну коня в полном снаряжении, когда мальчику исполнилось 15 лет. Подарок этот приурочивался обычно к дню намаза (намаз — два главных религиозных праздника — руза и курбан) и в честь этого семейного события устраивали козлодранье. Весть об этом событии передавалась обычно словами: «Паланча бой углини отландирипти», что буквально значит: «Такой-то бай сделал своего сына конным».

Все это лишний раз подчеркивает то огромное значение, которое имел конь в повседневной жизни локайца, недавнего кочевника.

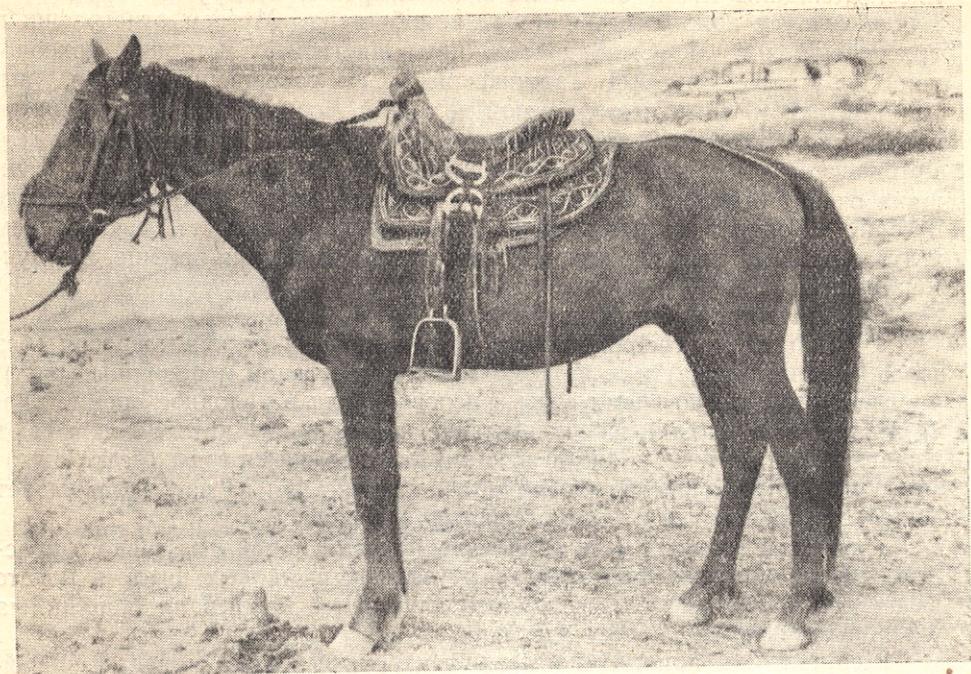

Рис. 10. Локайская лошадь под седлом. Фото П. Г. Чучева.

Ленчик имеет высокую конусообразную переднюю луку, заканчивающуюся шишкой (эгар қоши) и заднюю луку такую же высокую (но ниже узбекских седел в Узбекистане) в виде полукруглого сиденья. Конструкция ленчика локайских седел не соответствует форме спины лошади, что заставляет подкладывать два, а то и более толстых потника.

Таким образом, седло со всеми частями получается довольно увесистое. У Г. Г. Хитенкова приводятся следующие сведения: «Вес седла с потником от 8 до 15 кг. В тяжелых седлах главный вес падает на потник, так как ленчик весит 3 кг, а путлища со стременами 1—2,5 кг. Следовательно, потники у седел некоторых джигитов доходят до 10 кг веса».¹

Потники и попоны изготавливаются чаще всего особыми мастерами.

Потник состоит из нескольких слоев: собственно потник, который стелится непосредственно на спину лошади, представляет собой толстую и плотную кошму; на эту кошму кладется подстилка. Она состоит из нескольких слоев кошмы, сверху прикрытых грубым домотканым сукном. Все это простегивается разноцветными шерстяными нитками при помощи толстого короткого крючка, насаженного, как шило, на деревянную рукоятку. При простегивании крючком поверхность сукна одновременно вышивается тамбурным швом.

Лет 40 тому назад, когда состоятельные локайцы вели полукочевой образ жизни, женщина имела свое седло и все необходимое к нему. Женские седла имели ту же форму, что и мужские, но больше украша-

¹ Хитенков Г. Г., Ук. соч., стр. 237.

лись. Женщины ткали для своих седел ковровые подпруги. В кишлаке Бурденгель у пожилой женщины приобретена Музеем этнографии и археологии им. М. С. Андреева при Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР совершенно новая, вытканная лет 40 тому назад самой хозяйкой, ковровая подпруга шириной 20 см; ткань ее бумажная, а ворс — шерстяной. На нем выткан геометрический узор, называемый «лошадиное копыто» (от туйоги). Женщина очень бережно относилась к своему седлу, каждый раз после поездки заворачивала его в палас (бўжрома) и ставила в «переднем углу» комнаты,¹ там, где находятся постель, одежда и, вообще, все лучшие вещи.

Особых детских седел не было.

У локайцев употребляются два вида попон: 1) легкая ковровая (без ворса — кзил жулча) или из домотканной шерстяной мешковины (шол), употребляющаяся во время езды в непогоду или в холодное время года; 2) теплая, выстеганная из кошмы и сукна попона, которой укрывают лошадь летом на ночь, а зимой и днем, даже во время езды (катта жул). Эта попона бывает иногда из легкой ткани, стеганая на вате и закрывает лошадь с головой; делаются отверстия для ушей.

У сыновей крупных баев (байбечче) бывали попоны из тонкого красного сукна, обшитые бахромой из крученых шелковых ниток и богато вышитые. Такие попоны назывались даур. Имй покрывали лошадь, на которой перевозили невесту в дом жениха.²

Непременной принадлежностью всякого наездника является нагайка (камчи). Она состоит из короткого сплетенного из полос кожи (обычно кожи дикого козла) крепкого жгута (сечение примерно 10—15 мм), прикрепленного к рукоятке такой же длины (20—25 мм в сечении). Рукоятка иногда на конце имеет кожаную петлю, в которую продевается кисть правой руки.

К седлу всегда бывает привешена торба, в которой дают лошади корм.

Большое значение коня в повседневной жизни локайцев нашло отражение и в некоторых религиозных обрядах, несмотря на то, что локайцы официально исповедывали ислам. В качестве подтверждения сказанного можно привести погребальный обряд. Обрядовое оплакивание умершего производилось в течение трех дней. В первый день покойника помещали в юрте и все собравшиеся родственники и близкие, мужчины и женщины, ходили вокруг юрты друг за другом и громко причитали, раскачиваясь из стороны в сторону и в такт своим движениям ударяя в ладоши, и били себя в грудь. Женщины накидывали на себя развернутые белые кисейные платки, которые закрывали голову, лицо, плечи и концы платков свешивались почти до земли. Подпоясывались они чалмами. Время от времени выходили из круга три женщины (обычно жена, мать и сестра умершего) и одна из них начинала быстро раскачиваться, громко рыдая и причитая, две другие поддерживали ее за талию. Время от времени первая подпрыгивала и при этом поддерживающие женщины приподнимали ее. Через некоторое время они вновь входили в круг. Если похороны откладывались на следующий день, оплакивание продолжалось всю ночь, но ночью причитали сидя.

После предания покойника земле, не позже следующего дня после

¹ Наиболее почетной считается удаленная от входа часть комнаты — «тўр».

² В Музее им. М. С. Андреева хранятся две такие попоны, приобретенные одна в кишлаке Казак Советского района, другая — в кишлаке Оби-Киик Дагана-Киикского района.

его смерти (полагается в тот же день, если человек умер в первую половину дня), оплакивание вышеописанным образом продолжалось, но если умерший был юноша или мужчина в расцвете сил, вместо юрты с покойником, на открытой площадке перед домом или юртой ставили коня умершего.¹

Коня седлали и привязывали к колу посреди двора. Если конь был беспокойный, то его ноги попарно связывали, а узду привязывали к передним ногам. На седло набрасывали всю одежду умершего, вплоть до несшитых вещей, а если умерший не был женат, то и все, что он приготовил для невесты. Если часть вещей он уже отвез невесте, то она возвращала их для совершения этого обряда.

Все близкие начинали причитать и плакать, кружась вокруг коня, как в первый день вокруг юрты с покойником. Жена, мать и сестры время от времени отделялись от остальных и начинали сильнее раскачиваться. Одна из них подходила к коню, брала его за повод и начинала прыгать то вправо, то влево, две женщины, взяв ее за пояс, помогали прыгать. Затем оплакивающая бралась за стремя и прыгала то в сторону головы коня, то в сторону хвоста.

После оплакивания все вещи раздавались присутствующим. Несшитые вещи рвались на мелкие куски и раздавались всем жителям селения вплоть до младенцев.

Приведем несколько поверий, связанных с конем. При продаже коня уздечку или недоуздок не полагалось отдавать покупателю, а вместе с конем отдавался потник. Если приходилось продать любимого или ценного коня, то выдергивали из его челки 4 волоса и прятали.

При покупке коня, когда его приводили домой, то брали камень и постукивали им по земле и по копытам, чтобы копыта и ноги коня были крепкие.

Чтобы пропавшая лошадь нашлась, брали нитку, делали на ней узлы и прятали под расстеленную на полу кошму.

При пропаже коня не обходились без мулл. Они читали молитвы, которыми, как они говорили, «завязывали пасти волкам».²

¹ Если мужчина умирал насильственной смертью (во время набега, например), то его хоронили там, где он погиб, не обмывая и не заворачивая в саван, а в той одежде, которая была на нем. Если тело погибшего не было найдено, но на месте гибели оставались следы его крови, то погребали эту окровавленную землю. А в кишлаке родные совершали все три дня обряд оплакивания вокруг коня погибшего.

Если умерший не имел коня, или его конь погиб вместе с ним, или был захвачен врагами, то семья умершего брала коня у родственников.

² Кроме лошадей, локайцы разводили и ослов. Осел у локайцев называется ешак, ослица — матча, осленок — тай-хар (от узбекского «тай» — жеребенок и таджикского «хар» — осел). У локайцев ездить на ослах для мужчины считалось позором. Ослы служили им исключительно как вьючные животные. В этом ослы были незаменимы и для этого разводились в каждом хозяйстве. На них привозили питьевую воду, собранный на адырах кизяк и каурак и т. д. Все эти работы в основном выполнялись мальчиками-подростками. В сборе кизяка мальчикам помогали и девочки. На ослах возили зерно на мельницу и на базар. Вьючное седло осла (ешак тўқуми) состоит из двух подстилок, стеганных на вате (жоптик), двух длинных и узких подушек, набитых сеном (мўры) и подпруги (ойил). Ослы также содержались почти круглый год на подножном корму; только в зимний период рабочих ослов подкармливали саманом и даже порой ячменем. О происхождении ослов локайцы рассказывают следующую шуточную легенду. Осел — потомок шайтана. Бог выбросил из рая на землю сначала Адама, а затем уже Еву. Они упали на разные концы земли и в течение 500 лет не могли отыскать друг друга. Все эти годы шайтан тщетно пытался соблазнить Еву, обещая ей отыскать Адама. Однажды камень, лежавший в степи, сжалился над шайтаном и, приняв образ Евы, вступил с ним в сожительство. От этой связи появился на свет осел. Поэтому он крепкий и выносливый, как камень и норовистый, как шайтан.

Разведение мелкого и крупного рогатого скота

Разведение овец у локайцев в дореволюционное время зависело от специализации хозяйства и его мощности.

Основу бедняцкого хозяйства составляло обычно хлебопашество. Для удовлетворения самых насущных потребностей в молочных продуктах, мясе, сале, шерсти и коже такое хозяйство имело в лучшем случае десятка два овец и столько же коз. Продуктивность тех и других в бедняцких хозяйствах была чрезвычайно низкой, т. к. овцы и козы круглый год выпасались на прикишлачных пастбищах. Пас стада в таких хозяйствах, как правило, сын-подросток, или же в кишлаке подобные хозяева сообща нанимали пастуха. После уборки хлебов скот нередко пасся и без всякого присмотра. В таких маленьких стадах не практиковалась разбивка животных по полу и возрасту. Овец после окота доили в течение нескольких месяцев, что отражалось на росте молодняка.

В бедняцких хозяйствах прирост не превышал пополнения обычной убыли стада, об увеличении поголовья не могли и думать. Осенью валухов в возрасте 6—8 месяцев продавали для покрытия текущих расходов семьи, а весной продавали овец для выплаты налогов, для приобретения семян и т. д. Такие события, как устройство поминков, обрезания и т. п. также принуждали ликвидировать часть стада. Овцы в описываемых хозяйствах, находясь все лето под палящим солнцем на выжженных и вытоптаных пастбищах, не нагуливали жира и поэтому зимой нуждались в подкормке. Это создавало дополнительные затруднения для бедняка.

В середняцких хозяйствах, которые у локайцев также имели земледельческое направление, количество овец доходило до 200—300 голов. Но и середняки самостоятельно использовать сезонные пастбища также не могли. Поэтому для отгона на летовки и зимовки они или объединялись, или присоединялись к богатому сородичу. Объединение двух-трех хозяев для зимовки называлось кӯш кӯтан (соединенный загон), а объединение для летнего выпаса называлось кӯшимча (соединение). Объединившиеся хозяева нанимали чабанов.

В середняцких хозяйствах прирост стада был весьма незначительным. В этих хозяйствах весной в течение месяца доили овец и молоко перерабатывали на сыр (курут), который заготавливали на зиму.

Зажиточные и богатые хозяйства земледельческого направления имели 500—1000 голов овец. Они имели возможность самостоятельно нанимать чабанов и использовать сезонные пастбища. В этих хозяйствах состав овечьего стада отличался от предыдущих. Весь маточный молодняк оставлялся на племя, а валухи сохранялись до 1,5 годовалого возраста (тохлы) и даже до 3,5 лет, т. е. оставлялись на 2—3 зимы и только после этого продавались.

Среди локайцев в предреволюционные годы оставалось небольшое число богатых хозяйств, в которых животноводство занимало первое место. В таких хозяйствах бывало не менее 3—4 тысяч овец.¹ Весь маточный молодняк здесь оставался на племя, а валухи выращивались до 3,5 лет. Валух такого возраста назывался чори (от таджикского чор — четыре, т. е. валух по четвертому году). Гиссарские чори высоко ценились на рынках Бухары, Самарканда, Коканда и др. городов. Обычно

¹ Эти хозяйства у локайцев имели и посеы, в отличие от чисто скотоводческих хозяйств карлуков.

хозяин сам не занимался перегоном, а скотопромышленники закупали скот на месте. Скотопромышленниками были по преимуществу самаркандские и ургутские таджики. Закупка обычно производилась ранней весной, в марте. Составив гурты по тысяче голов в каждом, овец перегоняли в Зеравшанскую долину. После стрижки, составив гурты по пятьсот голов, их отдавали для пастбы на летних пастбищах Зеравшанского и Туркестанского хребтов полукочевым узбекам и тюркам на паях, или нанимали чабанов. С августа начинали перегонять овец для продажи на городские рынки.¹

Таким образом, только богатые и зажиточные и лишь отчасти среднячки хозяйства имели возможность пользоваться сезонными пастбищами, нанимать опытных чабанов и разводить гиссарских овец.

Большие стада овец пасли, разбив на отары (сӯрӯк). Количество голов, входящих в одну отару, зависело от половозрастного состава ее и от общего количества овец данного владельца.

В богатых хозяйствах 500 подсосных маток с ягнятами, т. е. 1000—1300 голов, составляли одну отару. Молодняк обоего пола составлял отару численностью до 700 голов. Яловые матки составляли отдельную отару, их никогда не смешивали с подсосными матками. Также отдельно выпасались бараны-производители (кӯчқор); их держали вдали от остальных отар для предупреждения случайных спариваний. Численность баранов зависела от количества маток и могла достигать до 200 голов. Владельцы небольших отар держали баранов в общем стаде, но с подвзанными набрушниками, чтобы исключить возможность случки. Вожаками в отарах являлись 2—3 козла (серке).

Отару в 400—500 голов обслуживали два-три, а свыше 500 голов — четыре чабана. Если стадо превышало тысячу голов, то количество чабанов достигало пяти. В теплое время в течение дня отару пас один человек, а на ночь его сменяли два чабана. В холодное время чабаны сменялись и в середине дня. Баи настаивали обычно, чтобы в течение дня не производилась смена чабанов, так как овцы привыкают к окрику чабана, к определенному темпу передвижения и т. д.

Ценными помощниками чабанов являются собаки, местные овчарки, большого роста, большеголовые с обрезанными ушами. Они не только охраняют отару от волков, но и помогают собирать и перегонять стадо. На отару до 500 голов ставили трех, а свыше 500 — четырех собак.

Перегон овец на летние пастбища начинался в начале мая, перед колошением ячменя. Владелец отсчитывал старшему чабану одну отару и, со словами: «Вот этих овец вам передал, богу передал» («Мана шу кўйни сизга бердим, хўдога бердим»), благословлял в путь.

Летние пастбища располагались на хребтах Гиссарском, Каратегинском, Петра Первого и Дарвазском.

Лучшие (менее засоренные, хорошо снабженные водой и т. п.) пастбища располагались в более отдаленных районах. Особенно славилась пастбища на хребте Петра Первого в обширном урочище Тубчак. Эти пастбища были в руках крупнейших овцеводов из племени карлук и убаев узбекского племени марка. Локайские овцеводы преимущественно пользовались более близкими пастбищами. Локайцы Леурской, Кикской и Яванской долин занимали пастбища на Гиссарском и Кара-

¹ Гребенкин А. [Д.], Минг. Ежегодник Туркестанского края, вып. 3, СПб., 1874, стр. 333; Хорошхин А. П., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 174.

тегинском хребтах. Особый популярностью пользовалось у них урочище Каняз (по реке Каняз, одному из истоков реки Кафирниган), куда овцы из локайских долин добирались за 6—7 дней.

Локайцы Дангаринской долины своих овец перегоняли летом в урочище Чиль-Дара, Хафсала и Кара-Кутан, расположенные к северо-востоку от Тавиль-Дары. В ближайших горах Себистан, Санглок и Сарсарак за недостатком воды оставались овцы менее зажиточных хозяев.

Среди локайцев Бальджуанского бекства было больше богатых овцеводов, чем у гиссарских локайцев. Они имели летние пастбища преимущественно на Дарвазском хребте и только в засушливые годы наиболее богатые из них переправляли свои отары через реку Оби-Хингоу и перевалив через перевал Гардани-Кафтар, достигали до знаменитого среди овцеводов обширного урочища Тубчак. Обычно отары бальджуанских локайцев выше урочищ Хазратишо и Хафсала не подымались. Бай Амирали имел пастбища в известных урочищах Шотейан, Узбекон, Го-Дара и Чарм-Дара.

При перегоне на летовки опытные чабаны выбирали наиболее удобные и обеспеченные кормом пути. Отары двигались медленно, выпасаясь дорогой. Торопиться не следовало и потому, что на высоких перевалах нередко в это время лежал еще снег. Дорогой иногда заставляли бураны, отары двигались вслед за уходящей зимой и на высокогорных пастбищах заставляли раннюю весну с дождями и порой снегопадами.

Прохладная погода, обильный свежий и разнообразный корм, чистая пресная вода, хороший воздух и отсутствие насекомых благоприятно действовали на животных и они быстро нагуливали жир.

Летом производилась круглосуточная пастьба. Отдых устраивали только на 2—3 часа в самое жаркое время дня. Водопой производился два раза в день. По мнению чабанов, быстрота нагула и упитанность овец зависит не только от круглосуточной пастьбы, но и умелого выбора пастбищ, а также от регулярной подкормки солью. Соль давали раз в пять дней из расчета около 500 г на овцу. В районе летних пастбищ не везде имеются месторождения соли, поэтому нередко приходилось привозить ее на ослах издалека.

По упитанности овец судили о мастерстве чабана. Хороший чабан должен был знать все наиболее известные пастбища и пути к ним, он должен был знать как кормовые, так и вредные и ядовитые травы.

Каждое пастбище имеет свое название и свои особенности. Некоторые из них вошли в поговорки и пословицы или воспеваются в песнях. Например, про урочище Буркунчак, где растет тощая и редкая трава тармак, дающая хороший нагул, чабаны карлуки говорят: «Буркунчак куйнинг кутини қилоди бир кўчок» — «Буркунчак делает курдюк овцы в целый обхват». Чабаны говорят даже, что самым лучшим лекарством для человека от всех болезней является баранина, т. к. овцы на летовках едят различные лекарственные травы.

На летовках в июне производилась стрижка ягнят, а в конце августа — осенняя стрижка овец. Запоздывать с осенней стрижкой было нельзя, т. к., по словам чабанов, с наступлением холодов замедляется рост шерсти и зимой овцы с недоросшей шерстью мерзнут. Осенью стригли лишь упитанных животных, остальных, особенно маюк, оставляли, чтобы избежать болезней и выкидышей в тяжелый зимний период.

К стрижке бай, владелец овец, обычно сам приезжал на летовку и нанимал на месте или привозил с собой несколько десятков человек стригалей в зависимости от количества овец. Плата производилась

шерстью: нанявшийся получал $\frac{1}{10}$ часть от настриженной им шерсти. Осенняя шерсть шла лишь на изготовление войлоков.

На высокогорных летних пастбищах овцы оставались до конца сентября. По словам овцеводов, гиссарские овцы не переносят жару (даже заболывают и гибнут от нее), поэтому одним из важнейших условий сохранения высоких качеств этой породы является ранний перегон на летовки и позднее возвращение. Начинали возвращаться только тогда, когда на летовках 2—3 раза выпадал снег. В это время в предгорьях начинается осенний рост трав, орошаемых ночными росами, если даже нет дождей.

Конец лета и приближение осени определялись по появлению над горизонтом на утренней заре созвездия Плеяд — Хулкар, что происходит в июле.¹ Начало осени определялось по появлению созвездия Ориона, местным населением называемого Таразы (весы), т. к. три рядом стоящие крупные звезды напоминают коромысла весов. Резкий поворот от лета к осени в природе происходит в конце августа, когда над горизонтом на заре появляется самая яркая звезда нашего небосвода — Сириус, называемый локайцами Джаркыравык — «Сверкающий». Он называется у таджиков Ситораи хунук — «Холодная звезда». Старики говорят: «После появления звезды Джаркыравык день поворачивает к холоду, земля смягчается, начинают вновь расти травы, трудно молотится хлеб,² овцы начинают возвращаться с летовок».

Осенью происходит один из ответственных моментов в овцеводстве — случка («күчқор күйғон вақт»), от правильного и своевременного проведения которой в основном зависит как прирост поголовья, так и сохранение его качества. Обычно бай на это время выезжал к отарам.

Начало случки строго регулировалось. Богатые овцеводы, имевшие хорошие зимние пастбища в самых южных районах, проводили случку с 1 октября, а овцеводы победнее, оставлявшие овец зимовать в зоне кишлаков, начинали случку с 10 октября. Если по народным приметам ожидалась снежная зима, то и богачи проводили случку на 10 дней позже, чтобы оттянуть начало ягнения. Снежную зиму, например, предвещали частые и большой силы ветры «афганцы».

Случка проводилась обычно на летних пастбищах, но расположенных не слишком высоко, как, например, Тубчак. В те годы, когда осень наступала рано, случка проводилась во время возвращения на предгорья, но еще в зоне летних пастбищ.

К началу случной кампании овцы должны были находиться в максимально упитанном состоянии. С этой целью за месяц до начала ее проводили круглосуточную пастьбу на особенно тщательно выбираемых участках пастбищ. Хорошим состоянием маток обеспечивалось дружное прохождение случки.

Овцеводы, конечно, были заинтересованы в большом количестве

¹ Среди локайцев были своего рода «профессионалы» — вычислители, которые лучше других разбирались в счете месяцев и в предсказании погоды — «есепдан», как «есепши» у казахов (см. Абишев Х., Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов, Алма-Ата, 1949).

² Сноп, лежащий на току, сыреет от ночной росы и поэтому во время молотбы зерно плохо вымолачивается. У хорошего хозяина до появления Сириуса бывал полностью закончен обмолот хлеба.

двоен.¹ По словам чабанов, для увеличения числа двоен требуется круглосуточная тщательная пастба за месяц до случки, как было уже сказано, и круглосуточная пастба в течение месяца после случки. Кроме того, считают, что следует в течение 10—15 дней до начала случки поить овец на том пастбище, где будет проводиться случка.

Овцеводы огромное значение придавали подбору производителей. В то время, как весь маточный молодняк, независимо от качества, шел на племя, баранчики оставались только от лучших маток и, притом, похожие на отца, известного выдающимися качествами. При отборе производителей обращали внимание на величину, мощность костяка, горбоносость и т. д. Большое значение придавали способности быстро откармливаться и нагуливать жир. На качество шерсти обычно не обращали внимания. Что касается масти, то большинство овцеводов предпочитали темнобурую, считая особой этой масти более крупными и выносливыми. Некоторые крупные овцеводы делили стада по масти (у гиссарских овец преобладают масти рыжая, бурая, темнобурая и черная с бурым оттенком) и баранов подбирали соответственно масти маток.

Барана в данной отаре держали не более двух, в крайнем случае, трех лет во избежание кровосмешения. Вообще же баранов-производителей держали до 8, иногда и более лет, переводя из одной отары в другую, обмениваясь с другими овцеводами. Бан сами выискивали лучших баранов, стоимость хорошего барана-производителя порой равнялась стоимости коня. Маток держали до 9—10 летнего возраста.

Производители вплоть до окота обычно оставались в отарах. Некоторые чабаны их подкармливали ячменем в зимний период.

После проведения случки начинался или продолжался перегон на осенне-зимние пастбища. Спускались медленно, проделывая не более 5—6 км в сутки, т. к. на проходных пастбищах, особенно на сжатых полях, овцы находили обильный корм, поддерживающий летний нагул, а в зоне осенних пастбищ в дневные часы еще бывало жарко.

Осенние пастбища располагались в зоне докайского расселения. Овцы паслись на сжатых полях, а также в долинах, которые не распахивались и служили пастбищем (Яванская, Леурская, Дангаринская, Джарыпкульская и др.).

Отары крупных овцеводов, в частности карлуков, осенью вблизи кишлаков оставались не более одной недели, только для отчета хозяину, затем угонялись в туган речных долин, где овцы находили обильный свежий корм. Наличие различных солянок² освобождало от кормления солью.

Поздно осенью, в ноябре, овцы перегонялись на зимние пастбища, расположенные на холмах и равнинах юга Южного Таджикистана, в районе Курган-Тюбе, Шартуза и Микоянабада (Кобадiana). Но локайские овцеводы почти не пользовались этими пастбищами, т. к. свое небольшое количество овец они прокармливали у себя в зоне кишлаков. Отары локайцев Кникской и Леурской долин зимовали на восточных склонах гор Газималек и на холмах Донгуз-Адыр. Овцы яван-

¹ «Гиссары ягнят преимущественно по одному ягненку. Двоен бывает не много. Тройни являются исключением. Иногда выпадают годы, когда замечается повышенный процент двоен. Бывали случаи рождения двоен у отдельных овцеводов до 20% и более от общего стада маток. Повышение рождаемости двоен овцеводы объясняют лучшей упитанностью животных, вследствие более благоприятных кормовых условий» (Азаров С. Г. и Бригис О. И., Ук. соч., стр. 121).

² Солянка — растение, растущее на содончаках.

ских локайцев зимовали на Донгуз-Адыре, на холмах Джитим-Тау и Нарын-Тау. Овцеводы Дангаринской долины перегоняли овец на зимовку в горы Чал-Тау, Терекли-Тау, Найман и Табакчи, в долины между этими горами с обширными солончаками Манка-Шор, Кальта-Шор и др., а также на равнину Батрабад к западу от гор Табакчи.

Бальджуанские локайцы перегоняли овец на обширные холмы южной части гор Джилан-Тау — урочища Алимтай, а наиболее богатые угоняли далее на юго-запад — в Курган-Тюбе, Кобадан и Шаартуз.

В засушливые годы на зимних пастбищах равнинного юга бывало мало корма, овцы крупных баев оставались зимовать в предгорьях зоны локайских и карлукских кишлаков. В особенно засушливые годы, когда и в предгорьях бывал неурожай трав, овцы, как и лошади, выпасались в тугаях речных долин. Гиссарские локайцы сгоняли своих овец на Арал-Тугай.

Зимний период называется «қиш кӯтан» — «зимний загон». Это — один из самых трудных периодов в работе чабана. «Овца — нежное животное и требует очень заботливого ухода, — говорят чабаны, — и особенно внимательный уход необходим в зимний период». Если зимой плохие пастбища и плохая пастьба, то весь летний труд пропадает даром и, как говорят чабаны, «если овца две зимы подряд плохо проведет, то как ни корми ее летом, все равно она уже не будет настоящей овцой».

Хотя зима в зоне зимних пастбищ короткая и мягкая, но условия зимнего пастбищного содержания были раньше очень тяжелыми, т. к. никаких запасов корма не делалось. Подкармливали ячменем или соломой только больных и слабых животных. Никаких помещений или навесов для укрытия овец в непогоду не строилось, а устраивался лишь загон (кутан) для каждой отары в защищенном от ветра месте, обычно на южном или юго-восточном склоне холма или у самой ее подошвы, так, чтобы и ветер не достигал кутана, и солнце освещало его как можно дольше, и поток, текущий во время дождя по дну лощины, не заливал его.

Кутан представлял собой ровную площадку круглой или овальной формы, огороженную изгородью высотой в 1,5—2 м. Изгородь делалась из того материала, который был под рукой: камыш, хворост, каурак (ферула), камень, глина, дерн. Размер кутана зависел от величины отары, обычно 10—15 м в диаметре. В кутане постепенно накапливался овечий помет, который утеплял пол. Приставленный к кутану чабан должен был следить за тем, чтобы пол кутана был сухим к возвращению овец с выпасов. В ясную погоду этого не трудно было достигнуть: в течение дня свежий помет подсыхал и овцы ложились на теплый пол. Но если ожидалась осадки, то накопившийся сухой помет собирался деревянными лопатами в одну или две кучи в середине кутана. Перед самым вводом овец в кутан этот помет, намочивший во время дождя или снега только сверху, расстилался ровным слоем по всей площади кутана, чтобы овцы ложились на относительно сухой пол. В ясные дни делали запас сухого помета на случай затяжного ненастья.

Кутан на одном и том же месте устраивали 2—3 года подряд, так как чем толще слой помета, тем теплее пол. Но в старых кутанах обычно заводились клещи (кене) и приходилось на третий или четвертый год зимовки для данной отары устраивать новый кутан.

Рядом с кутаном устраивалась землянка или яма для зимних ягнят, которые могли быть в любой отаре от случайного раннего спаривания. В этой землянке хранились также вещи и продукты чабанов и устраивался очаг для приготовления пищи в ненастные дни.

В зимний период овцы паслись с раннего утра до позднего вечера, а на ночь загонялись в кутан. Сами чабаны ложились также в кутане у ограды, т. к. в течение ночи требовалось несколько раз поднимать овец, чтобы они стряхнули с себя снег или дождь, переменяли положение и легли на новом месте. Если ночь была особенно холодная, то в полночь овец не только поднимали, но и выводили из кутана и, прогнав 4—5 км, чтобы они согрелись, снова загоняли в кутан.

Овец, зимующих в предгорьях, поили не ежедневно, а через 2—3 дня. В период с обильными осадками совсем не поили, так как, по выражению чабанов, они «удовлетворяются водой земли», т. е. дождевой и снеговой водой, едят снег, кормятся мокрой травой. Овец же, зимующих на пустынных пастбищах равнинной части, поить полагалось ежедневно.

На предгорных пастбищах овцам время от времени выдавалась соль, а зимующим на зимних пастбищах, где растет много солянок (в частности в речных долинах кустарник кара-борон или кара-борох) и где имеются солончаки, соль не выдавалась.

Ранняя весна (период с февраля до середины марта) называлась у овцеводов кора галтанг или кора килтинг¹ и считалась одним из самых тревожных периодов. Кора галтанг продолжался 40 дней и предшествовал хлопотливому и не менее тревожному периоду ягнения маток (тул).² Начало сорокадневного периода кора галтанг определялось по сугным маткам — вымя их начинало наливаться. С этого времени заканчивался период зимнего кутана, овцы переходили к ночной пастьбе, т. е. овец пасли всю ночь и лишь с восходом солнца загоняли в кутан на несколько часов. Такой режим устанавливался, по словам чабанов, для того, чтобы усилить движение крови, чтобы сугные матки больше были в движении, чтобы «сухожилия их ног окрепли». Он должен был вводиться обязательно, по словам чабанов, за сорок дней до начала окота, «иначе овцы не будут крепкими».

Этот период считался тревожным для овец, вышедших из кутана, потому что «трава в это время еще не пробивается, — как говорят чабаны, — и земля бывает еще голая и черная», а погода отличается неустойчивостью (в этот период выпадает наибольшее количество осадков). Но самым страшным были морозы. Продолжительные морозы задерживали рост трав, что приводило к истощению и гибели животных. По словам локайцев, если зима бывала суровой и весна поздней, то «из десяти отар оставалась одна».

Период ягнения маток начинался в середине марта, т. е. ранней весной, еще в холодное время. Иногда весна наступает ранняя, на зимних (и они же ранне-весенние) пастбищах бывает тепло и зеленеют ранние эфемерные растения, в частности осока — ранг. Но нередко зима затягивается или, после потепления в феврале, в марте внезапно, вновь наступают холода; особенно холодными бывают ночи. Поэтому к началу окота устраивались землянки или просто ямы для укрытия ягнят. Многие овцеводы к началу окота пригоняли овец ближе к кишлакам и в защищенных местах вблизи водопоев устраивали новые кутаны, которые в отличие от зимних назывались тул кутан. Ягнение заканчивалось в апреле.

В больших отарах в течение суток могли родиться более сотни ягнят. Чабаны зорко следили за каждой маткой. Если слабая матка при-

¹ Этимологию слов «галтанг» и «килтинг» нам не удалось выяснить.

² Тул — окот, ягнение овец.

носила двойню, а здоровая — одиноца, то от слабой брали одного ягненка и подсаживали к здоровой. Если рождался мертвый ягненок или ягненок погибал сразу после рождения, то этой матке тотчас подсаживали ягненка из числа двоен или ягнят-сирот. Для того, чтобы матка приняла чужого ягненка, его сначала тщательно вытирали, затем его шерсть обмазывали околоплодной жидкостью или молоком этой овцы, или же обсыпали ягненка солью и заставляли матку облизывать приемыша, а затем обводили его вокруг головы приемной матери. Если и после этого овца не хотела подпускать чужого ягненка (бывают случаи, что овца не хочет подпускать и своего ягненка), то их помещали в узкую землянку и оставляли одних на некоторое время.

На время окота в помощь чабанам бай нанимал еще 2—3 человек. В зажиточных и средних хозяйствах помогал сам хозяин и члены его семьи. Крупный бай, хотя и не участвовал в работе, но период окота проводил в своих отарах. Он обычно привозил чабанам муку, чтобы им не приходилось отлучаться. Бывали случаи, что бай, видя, как хорошо идет окот, на радостях дарил старшему чабану халат со своего плеча и угощал чабанов пловом.

Объягнившиеся матки вместе с ягнятами в течение 5—6 иногда и 10 дней (в зависимости от погоды) оставались у кутана и паслись поблизости от него. Ягнята развиваются быстро и через 5—10 дней их уже с матками пускали в общее стадо. Дней через 15—20 ягнята уже самостоятельно подкармливались травой. Только слабых ягнят (особенно если весна выдавалась неблагоприятной) приходилось подкармливать молоком и зерном. Очень маленьким чабаны вливали молоко из своего рта. В нормальных же условиях здоровые матки многомолочны и хорошо выкармливают двоен.

В больших хозяйствах овец не доили, за исключением тех, ягнята которых почему-либо погибали. Чабаны считают, что если доить подсосных маток, то у ягнят от недоедания заболевают легкие. Баранчиков, за исключением оставляемых на племя, в четырехнедельном возрасте (по сведениям некоторых чабанов, гораздо раньше) кастрировали надрытом семенного канатика под кожей.

В апреле горы, холмы и долины, где разбросаны локайские кишлаки, покрываются роскошной растительностью. Многие тысячи голов овец, зимовавшие в более южных районах, в апреле подымались на эти пастбища, так как ранние эфемерные растения пастбищ пустынной зоны уже засыхают. После тяжелой зимовки овцы на этих богатых пастбищах быстро поправлялись, крепили и набирались сил для перегона на летние пастбища. Ягнята растут очень быстро и к моменту перегона на летние пастбища обычно бывают в состоянии проделать трудный и долгий путь. Весной пастыба была круглосуточная с отдыхом на 2—3 часа в жаркое время дня. Пойть полагалось 1—2 раза в сутки.

Перед отгоном на летние пастбища в начале мая производилась стрижка овец. Запоздывать с весенней стрижкой не полагалось, чтобы к осени шерсть успела достаточно отрасти. Не стригли только слабых овец. На отару набиралось 50—60 голов таких овец, стрижку которых откладывали на июнь месяц, т. е. их стригли уже на летних пастбищах и, следовательно, всего один раз в год. Шерсть весенней стрижки шла на пряжу.

Стрижка производилась длинными ножницами производства местных кузнецов. Для весенней стрижки так же, как для осенней, привле-

каласъ дополнительная рабочая сила. Крупные баи, чтобы произвести стрижку в сжатые сроки, нанимали до 40—50 человек.

Наш краткий обзор основных приемов по разведению и выращиванию гиссарских овец в прошлом закончим сведениями по народной ветеринарии. Чабаны, например, лечили раны, извлекая из них червей, промывая, прикладывая лекарственные растения, смазывая жиром и т. д.; вытаскивали из ушей животных колючки (килтик); лечили желудочно-кишечные и др. болезни различными травами и их отварами и т. п. Наряду с этими рациональными эмпирическими способами лечения, в большом ходу были всякие магические приемы «лечения» — заговоры, талисманы и т. п. Например, если по дороге встречались мазары, то овец прогоняли вокруг них, чтобы больные поправились, а здоровые не заболели. При повальных болезнях мелкого рогатого скота прорывали в земле ход с двумя отверстиями и пропускали через него животных, «чтобы болезнь осталась в земле», или же на дороге, по которой проходят стада, хоронили козла, уложив на спину, т. е. ногами вверх.

Все изложенное показывает, что разведение и выращивание гиссарских овец требовало большого мастерства и многолетнего опыта, поэтому старшими чабанами, ответственными за отару, нанимали людей не моложе 30 лет. Крупные баи старались нанимать чабанов из наиболее прославленных чабанских семей, в которых мастерство чабанства переходило от отца к сыну, из поколения в поколение, т. е. старались нанимать не случайных людей, а тех, кто считал чабанство для себя почетным наследственным занятием. Старший чабан (аркор) сам подбирает себе двух-трех помощников, рядовых чабанов (бечче, чопан, дахмарда или дамарда). Крупные баи имели еще надсмотрщика над всеми отарами — довам-беги. От мастерства, добросовестности и честности чабанов в основном зависело благосостояние бая-овцевода, поэтому бай хороших чабанов всячески удерживал у себя, используя местные обычаи, прибегая к закабалению и т. д. Если такой чабан просил расчета, то бай отмалчивался и не давал своего благословения (дуо). Без благословения хозяина чабан не мог уходить, иначе его, как рассказывают старики, «за человека не считали». В таких случаях чабан увольнялся лишь при помощи посредников. У локайцев есть пословица: «Кампир уламан деп кўрқитоди, чўпан — кетаман деп» — «Старуха пугает, говоря, что умрет,¹ а чабан пугает, говоря, что уйдет». «Чтобы отблагодарить» бая за хлеб-соль и получить благословение, — говорят старики, — чабан бесплатно сверх положенного срока пас овец в течение одного месяца».

Договор (устный) бая со старшим чабаном заключался на 8 месяцев. За это время полагалась плата: старшему чабану 12 овец, рядовым — по 7—8 овец и подпаску — 6 овец. Чабаны имели право присоединить для пастбы к отаре бая и своих овец, обычно не более 50—60 голов.

Чабан брал на учет все случаи гибели овец и осенью докладывал баю. Чабаны были поголовно неграмотными, поэтому учет потерь овец велся с помощью ниток, каждая павшая, или погибшая, или прирезанная овца отмечалась завязыванием узла на нитке, причем для каждой половозрастной группы чабан брал особый цвет ниток. Овцы могли погибнуть от самых различных причин: нападали волки, в горах ягнят уби-

¹ Пугала не столько смерть старухи, сколько последующие многократные разорительные поминки.

вало сорвавшимся со скалы камнем, колючее растение каррог после росы или дождя резало ноги овцам и захромавших чабан вынужден бывал прирезать и т. д. На мясо и шкуру таких овец аркор приобретал одежду, обувь и муку для себя и своих помощников.

По словам старых чабанов, если в среднем за лето из 1000—1200 голов убывало 100—150, но оставшиеся овцы возвращались с летовок в хорошо откормленном виде, то иногда бай даже дарил старшему чабану алачу на халат (кустарная хлопчатобумажная ткань). Даже убыль в 200 голов при условиях тех времен, когда овцы находились круглый год только на подножном корму, и полном отсутствии зоотехнического и ветеринарного обслуживания, не считалась высокой. Но бывали случаи, когда за очень короткий срок, в результате эпизоотий, погибало большинство поголовья.

Если бай находил, что чабан нечестен, что он продавал овец или резал здоровых, то при расчете с чабаном высчитывал недостающее число из овец самого чабана. Бывали бай, которые высчитывали по 2 овцы за каждую свою пропавшую и даже еще давали чабану несколько плетей.

При напряженной добросовестной работе в течение 4—5 лет, чабан мог заработать около сотни овец. Этот заработок, на первый взгляд может показаться высоким. Но нужно иметь в виду, что чабан должен был содержать и свою семью, которая не кочевала вместе с ним, значит, не питалась около отары молоком и мясом, которые время от времени попадали самому чабану, а жила в кишлаке и обычно не имела посева. Надо было приобретать хлеб для семьи, одевать и обувать ее, женить сыновей и выдавать замуж дочерей, устраивать тои, требуемые обычаем (по поводу обрезания сыновей, например, или справлять поминки по усопшим родителям и т. п.). Но даже эта плата считалась высокой, по сравнению с той, например, которую получали батраки тех же баев. Относительно повышенная оплата труда чабана объясняется, с одной стороны тем, что труд этот был квалифицированным, а с другой стороны — очень тяжелым. Недаром у карлуков есть пословица: «Дыйкон йағмирда тинади, даҳмарда ўлганда тинади» — «Хлебопашец отдыхает во время дождя, а чабан — после смерти».

Чабан проводил почти всю свою жизнь вне дома, вне семьи, под открытым небом в любую погоду (чабану ни юрты, ни палатки не полагалось, чтобы он всегда был при отаре), укрытый только своим домотканым чекменем, питаясь в основном пресными лепешками, испеченными им же самим в котле или золе, и кислым молоком. Во время пастьбы чабан ходил за отарой пешком. Несложное имущество свое (котел, продукты) при перегоне скота с одних пастбищ на другие выючил на осла или на лошадь.

Если отару обслуживали 5 чабанов, то распределение обязанностей между ними было следующим: один пас овец, другой собирал топливо и готовил пищу, третий ездил или за мукой для себя и для собак, или за солью для овец, четвертый отдыхал, чтобы затем сменить первого, а пятый уезжал навестить семью. В зимний период один человек специально следил за кутаном. Тяжелые условия труда чабанов подчеркивались и такой карлукской пословицей: «Қўй айтади: бир вақтда қон ичтираман, бир вақтда йағ ичтираман» — «Овца говорит: в одно время кровью напою, а в другое время маслом напою». «И действительно, — говорят чабаны, — летом она поит маслом, а зимой кровью».

Только летом, когда на высокогорных пастбищах нет жары и пыли, воздух чист и имеется хорошая вода (из ледников), условия труда чаба-

нов улучшались. Летом чабан был обеспечен молоком и маслом, иногда ему перепадало и мясо. Дикорастущий лук, грибы, ревеня и другие растения разнообразили его пищу: грибы, например, варили в молоке; незабудка (жайлау-чой) заваривалась вместо чая. В ближайших таджикских кишлаках чабан доставал орехи, сухие и свежие фрукты.

Когда овцы отдыхали в жаркий полдень, отдыхал и он. Во время пастбы отары на хорошем пастбище он мог даже поспать и поиграть на своей домбре, с которой он не разлучался, и петь песни, которых, по признанию самих пастухов, ни у кого не было так много, как у чабана. Однако зимой и ранней весной условия труда резко ухудшались. Жизнь чабана наполнялась заботами, тревогами и лишениями.

Вооружение чабана состояло из ножа и палки. Нож (пичок) в ножнах (пичок қини, ғилоп) висел у пояса на ремне (пичок боғи). К поясу подвешивались еще иголка и шило в специальных кожаных футлярах (игна қоп, бигиз қоп), а также огниво (чоқмоқ) и кремень (чокмоқ тоши) в кожаном мешочке. Кремень служил и для точки ножа. Весь этот комплекс предметов украшался бахромой (чочоқ) из узких ремешков, свисающих ниже колен.

Посох чабана (таёқ) представлял собой толстую (примерно 3—5 см в сечении) палку длиной около 1,5 м, преимущественно из иргая (иргай — кизильник, кустарник из семейства розоцветных, *Cotoneaster Medic.*). Посох помогает чабану ходить по горам, перепрыгивать через речки; он нужен чтобы погонять и собирать овец, которых всюду достает умело брошенная палка. Посохом чабан приводил в повиновение бодливых баранов, неподчинявшихся окрику, он нужен был и для того, чтобы помочь собаке в ее схватке с волком и т. д.

Значение посоха, как орудия и оружия чабана, видимо, определило и то почтительное отношение к нему, которое было в недалеком прошлом. Например, при отправлении на летовку бай, благословляя чабана в путь, мазал салом его посох, так же как мазал и укрюк табунщика, или как таджик-хлебопашец мазал растительным маслом рога своих волов в первый день пахоты (этот обычай затем перешел и к локайцам).

Если чабан бывал недоволен своим хозяином и хотел уйти, а бай не давал расчета, то чабан бросал свой посох и говорил, что больше он не будет пасти его овец и после этого уже не мог вернуться к данной отаре.

Как любезно сообщила нам А. К. Писарчик, в кишлаке Бурденгель Джарыпкульской долины ею записано от стариков, что самой сильной клятвой среди локайцев и «всех людей, говорящих по-узбекски», являлась клятва на посохе чабана. Посох клали на землю и клянущийся говорил: «Таёқтай кўрай» — «Пусть высохну я, как этот посох», и три раза прыгал через него.

Локайцы говорили нам, что «прыгать через посох — это клятва наших дедов». Клялись не только на посохе чабана, но и на укрюке табунщика. Если, например, один табунщик обвинял другого в краже лошади, то бросал свой укрюк и говорил обвиняемому: «Прыгай!» (Иргип ўт!). Если обвиняемый действительно был повинен в краже, то он обычно не решался прыгать через укрюк, будучи уверенным, что такое святотатство приведет его к гибели.

Как у локайцев, так и у таджиков и карлуков овца являлась одним из самых почитаемых животных: она считалась вышедшей из рая во времена Адама и Евы. По словам старика Маматмуса Хайтова, из рая на землю попали семь подсосных маток (совлик) — и один баран (кўчкор).

Их пас первый овцевод Чўпон-ота — Отец-пастух, отождествляемый с Адамом.

Покровителем стад, как и повсюду в Средней Азии, считался «святой» Занги-ата или Занги-бобо, который, согласно преданию, похоронен близ Ташкента (мазар Занги-ата). В Кулябской области есть кишлак Занги-бобо и одноименный мазар. Старики помнят легенду о том, что Занги-бобо будто бы пас в этих местах свой стада и на месте его «кадамджой» (место, где он проходил, где ступала его нога) был возведен мазар и вокруг мазара возник кишлак.

Козоводство у локайцев было довольно развито, особенно среди бедной части населения. Разводили коз (ечки) ради молока, мяса, шерсти и шкуры.

Летом мясо их предпочиталось мясу других домашних животных, считаясь «охладительной пищей» (совуқлик).¹ Шерсть шла на изготовление веревок и шнурков, столь нужных в хозяйстве, которое еще не совсем утратило свой прежний кочевой уклад. Козья шкура шла на выделку кожи для обуви и бурдюков (овечья шкура не годилась для этого).

Местные козы некрупны и малопродуктивны.² Это объясняется теми условиями кормления, разведения и содержания, которые были у локайцев до самой коллективизации.

Козы круглый год выпасались на прикишлачных пастбищах, причем на худших участках. В тех хозяйствах, где коз было немного, они ходили в общем стаде с овцами и коровами, а в других, где они составляли несколько десятков голов, их выделяли в отдельное стадо. Пасли их обычно мальчики-подростки. После уборки хлебов козы бродили и без всякого присмотра.

Рано утром, после доения, козы отгонялись на выпас, а вечером пригонялись. На ночь привязывали только козлят. В холодное время козы помещались в загон или сарайчик, сооруженный из каурака (ферула). Козлят и ягнят помещали также в загончики (шик), а для слабых и маленьких рылись специальные ямы в хлеву или их на ночь брали в юрту.

Стада коз содержались без подразделения по полу и возрасту, поэтому окот шел в течение всего года. Никакого отбора производителей и подбора маток не было. Молодняк шел в случку по мере половой зрелости. Эта смешанность отар приводила к беременности в раннем возрасте, следовательно, к задержке развития коз и их приплода.

Таким образом, локайцы злоупотребляли, если можно так сказать, неприхотливостью коз и мало проявляли о них заботы и получали в результате гораздо меньше продуктов от них, чем они могли дать.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса разведения крупного рогатого скота.

¹ В народной медицине среднеазиатских народов существует деление пищи и организма людей на две категории: на охлаждающие (совуқлик) и горячительные (иссиқлик), причем считается, что каждая из этих категорий пищи оказывает противоположное действие на состояние организма человека; к категории охлаждающей пищи относятся, например, рисовый суп, молоко, зеленый чай и пр.; к категории горячительной относятся: мед, грецкие орехи, плов, конина, баранина, черный чай и пр.

² Высота в холке 62,5 см, обхват груди — 83,3 см; живой вес коз — 34,4 кг, козлов — 47,2 кг; годовой настриг шерсти (шерсть грубая) 570 г у козлов, 530 г у коз; среднесуточный удой за 5 месяцев лактации 487 г (включая молоко, высасываемое козленком); средняя двойневость — 10—12%; яловость не превышает 5% (Лебедев И. Г. и Гуреева Т. И., Местные таджикские козы и метизация их ангорскими козами, Сборник «Животноводство Таджикистана», Сталинабад, 1943, стр. 120, 123, 124).

Крупный рогатый скот с переходом локайцев к земледелию и оседлому образу жизни стал занимать видное место в их хозяйственной жизни. В предреволюционные годы середняк имел 4—5 дойных коров, а в богатых хозяйствах постоянно держали их до 20 и более. В крупных хозяйствах исключительно земледельческого направления, имевших посе- вы хлопка на орошаемых землях Арал-Тугая, бывало до 100 и более голов рабочих волов и до 80 коров.

Для того, чтобы вышло правильное представление об обеспеченности тех же середняцких хозяйств молочным скотом и тягловой силой следует дать краткую характеристику местного крупного рогатого скота.

Крупный рогатый скот локайцев не отличается от скота соседних таджиков и является разновидностью породы, известной в зоотехнии под названием «туркестанский зебу». В настоящее время в зоотехнической науке установилось мнение, что эта порода является результатом многовекового стихийного скрещивания зебу, скота аборигенного иранского населения, с так называемым киргизским скотом тюркских прищельцев.¹

Местный скот, наряду с такими положительными качествами, как приспособленность к местным природным условиям (в частности стойкость против кровепаразитарных заболеваний), неприхотливость и, в то же время, чрезвычайная отзывчивость на улучшение условий кормления и содержания, жирномолочность, обладает таким недостатком, который не может быть компенсирован отмеченными выше достоинствами, а именно — низкой продуктивностью. Местный скот мелкий (высота в холке 100—110 см, живой вес 180—250 кг), молочная продуктивность его чрезвычайно низка — местная корова дает в среднем 2—2,5 кг молока в день в течение 7—8 месяцев в году.²

В тот период, когда локайцы преимущественно были кочевниками — скотоводами (до 70-х годов XIX в.) крупный рогатый скот круглый год находился на подножном корму и под открытым небом. Только телята в непогоду помещались в землянку, специально сооруженную для них, или в юрту самого хозяина. По словам уже упомянутой старухи Толганай, коровы и телки на ночь в зимнее время укрывались кошмами («Женщины с вечера до ночи бывали заняты укрыванием скотины кошмами»).

¹ Колесник Н. Н., Эволюция крупного рогатого скота, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 24, Сталинабад, 1949, стр. 212.

² Солдатенков Н. И., Об улучшении местного крупного рогатого скота, Сельское хозяйство Таджикистана, № 1, 1948, стр. 10.

Такая низкая продуктивность, по мнению зоотехников, объясняется не только плохими условиями кормления и содержания, но и тем, что в отношении крупного рогатого скота существует противоречие в соотношении естественного и искусственного отбора. В теплых странах, в связи с определенными закономерностями тепло-регуляции у животных, естественный отбор обычно ведет к созданию преимущественно узкотельных форм животных, а для развития высокой продуктивности крупному рогатому скоту, в большинстве случаев, требуется более мощный широкоотельный тип телосложения.

Для преодоления указанного противоречия требуются такие мероприятия (как по созданию новых условий кормления и содержания, так и по селекции), которые были совершенно невыполнимы в прежних условиях примитивного кочевого экстенсивного скотоводства и которые осуществляются только в настоящее время, в условиях социалистического колхозного строя.

Подробнее см. Колесник Н. Н., Крупный рогатый скот Таджикистана, Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, т. 23, Сталинабад, 1948; он же, О животноводстве Таджикистана в связи с местными особенностями природных условий, Труды Таджикского филиала АН СССР, т. 28, Сталинабад, 1951, стр. 3—12.

Один из наших информаторов из кишлака Кош-Булак Дангаринского района рассказывал: «Мне 60 лет. До меня не было чоптары (дом). Зимой и лето жили в юртах. Для скота на время снегопада устраивали заслон из кошмы или паласа».

По словам другого старика, Мулла Бабакула, при его отце зимой скот находился «под снегом», а специальные помещения для скота распространились уже в его время.

Хлев (агил) представлял собой тесное, темное, зараженное клещами, глинобитное помещение, куда на ночь в зимнее время загонялся скот без различия пола и возраста и держался не на привязи. В результате у стельных коров от травматических повреждений нередко бывали выкидыши. Часть скота попрежнему оставалась под открытым небом. Для них в лучшем случае устраивался загон, огражденный глиняной оградой или забором из каурака.

На Арал-Тугае и в других местах, где имелся камыш, для молодняка устраивались землянки в виде траншей, перекрытых двухскатной камышевой крышей.

Крупный рогатый скот выпасался постоянно на прикишлачных пастбищах. Только баи, выезжавшие на летовки с семьями, перегоняли туда дойных коров, а яловые коровы и молодняк оставались у них в кишлаке и паслись все лето без всякого присмотра.

Прикишлачные пастбища были чрезвычайно низки по качеству от непрерывного стравливания. Трава на них весной рано выгорает и поэтому поправлявшийся немного за весну скот летом снова худел; осенью опять немного поправлялся, выпасаясь на стерне, а зимой снова худел и выходил из зимовки совершенно истощенным.

В зимнее время крупный рогатый скот не выпасался только в те дни, когда лежал снег и тогда ему выдавался саман или изредка сено, которое некоторые хозяева, заготавливали весной в очень незначительном количестве, причем траву жали серпами. Коровам время от времени перепали жмых или отруби.

Рабочие волы получали подкормку в течение трех зимних месяцев т. к. в это время производилась пахота. Им, кроме самана, выдавалась высушенная люцерна и жмых. Последнего полагалось 3—4 горсти на голову и выдавался он в один (утром) или два приема (утром и вечером), причем жмых толкли в ступе и давали, смешав с саманом, или его предварительно разводили в воде, а затем мешали с саманом. С наступлением весны волы целиком переходили на зеленый корм. В период уборочных работ волы, работавшие на току (на волах свозились снопы с полей на ток и молотья производилась также при их помощи), вволю наедались саманом, снопами и даже зерном. После окончания полевых работ и до начала пахоты, т. е. в течение 2,5—3 осенних месяцев волы не получали подкормки и бродили без присмотра в окрестностях кишлака. Волов начинали впрягать в плуг (омач) с 4—5 лет.

Как и в козоводстве, в разведении крупного рогатого скота никакой заботы к отбору производителей и подбору маток не проявляли. Случка была вольная, в общем стаде. «Рогатый скот (в Восточной Бухаре — Б. К.) малорослый, — писал некий С. Мазов в 1886 г., — и употребляет почти исключительно для полевых работ. О разведении его жители почти не заботятся, т. к. мясо его они совсем не употребляют в пищу».¹

¹ Мазов С., Восточная Бухара, Бадахшан и Северный Афганистан, Русское дело, № 17, 1886, стр. 11.

Отел происходил обычно в начале весны (февраль-март). Однако, вследствие недокорма в зимний, предшествующий отелу период, молочная продуктивность, несмотря на обильный зеленый корм, была низка, телята из-за недостатка молока развивались слабо, а случка вследствие плохой упитанности маток затягивалась и в результате была большая яловость.¹

Особенно плохо ухаживали за телятами. После отела теленок в течение 2—3 дней оставался под матерью в загоне или хлеву или просто во дворе, если время было теплое; затем его отделяли. Доеение коров было двухкратное: после утренней дойки коровы угонялись на выпас, а телята просто выгонялись из пределов кишлака и целый день бродили без присмотра. Вечером коровы пригонялись, телята собирались (обычно их отыскивали и пригоняли дети) и подпускались к матерям. Пока хозяйка ходила за подойником, теленок успевал высосать некоторое количество молока, затем его привязывали около матери и корову доили. После выдаивания коровы теленок снова подпускался к вымени коровы и высасывал оставшиеся капли молока. В результате систематического недоедания и летнего зноя телята буквально еле держались на ногах и, как замечает В. Ф. Сидельников, забота о них состояла только в том, «чтобы обеспечить телят только поддерживающим кормом и не дать им погибнуть, ибо со смертью телят становится почти невозможным получение молока от коровы».²

Для пастьбы коров жители более или менее крупного кишлака (20—30 дворов) нанимали пастуха — подавон (от таджикского «подабон» — пастух крупного рогатого скота). Об оплате за каждую голову крестьяне заранее договаривались между собой. Кроме платы, пастух каждый вечер ходил по дворам и кричал: «Оши халол!» («Честно приобретенная, чистая пища»). Ему подавали хлеб. Поданные куски пастух клал в сумку, висевшую у него через плечо.

В заключение приведем некоторые термины для обозначения крупного рогатого скота:

Теленок до года	—бузоу
Бычок по второму году	—жуона
Телка по второму году	—тона, бӯкодау <i>бука</i>
Бычок по третьему году	—гӯнон жуона <i>бука</i>
Бычок по четвертому году	—дӯнан жуона
Бык-производитель	—буко <i>золим бука</i>
Рабочий вол	—хуккиз
Корова	—сыйыр
Дойная корова	—инак } = <i>штак.</i>

¹ Сидельников В. Ф., Характеристика местного крупного рогатого скота Таджикистана и предварительные итоги метизации его швицами, Сборник «Животноводство Таджикистана», Сталинабад, 1943, стр. 19.

² Сидельников В. Ф., Ук. соч., стр. 25.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У локайцев-скотоводов средствами производства являлись земля и скот. Из них основным средством производства при кочевом скотоводческом хозяйстве были пастбища и кочевья. После перехода локайцев к земледелию к средствам производства у них добавились еще пахотная земля, рабочий скот и различные орудия труда. Все перечисленные средства производства находились в частной собственности, которая утвердилась здесь много веков тому назад, и давно являлась основой глубокой социальной дифференциации локайцев. Кочевья и пастбища составляли монопольную собственность локайской феодальной знати. Наряду с феодальной собственностью на землю существовала частная собственность на мелкое хозяйство рядового скотовода, основанная на личном труде.

Следует подчеркнуть, что в период самостоятельности горных княжеств, т. е. до подчинения их Бухарскому ханству, когда локайцы вели кочевой образ жизни, у них были очень сильны пережитки патриархально-родовых отношений. Поэтому частная феодальная собственность на пастбища выступала не всегда четко, а чаще в виде права родоплеменной феодальной знати распределять пастбища между родами и членами рода, т. е. в форме полновластного распоряжения пастбищными территориями этой родоплеменной по форме и феодальной по существу аристократии.

Территория, занимаемая локайским племенем, формально считалась собственностью всего племени. Формально любой локаец мог пасти скот по всему Локаю, не встречая никаких препятствий, но фактически он был поделен между отдельными родами и родовыми подразделениями, зависимыми от того или иного феодала, которые следили за целостностью своей территории. Внутри родового подразделения лучшей и большей частью пастбищ владели те, кто имел больше скота.

У нас не имеется обстоятельных сведений о распределении пастбищ в Локае в период до подчинения Бухаре. Некоторое представление может дать следующий рассказ стариков, записанный в Джарыпкульской долине. В 60-х годах прошлого столетия главой рода Девет был некий Моллахайла эльбеги. Все дела, касающиеся этого рода и его членов, разрешались им. В конце весны он первый выезжал на летовку и занимал лучшие пастбища, а за ним уже выезжал весь род Девет. Эльбеги лучшие пастбища распределял между баями. Осенью он первый возвращался в кишлак, а за ним перекочевывал и весь род, причем каждое родовое подразделение имело свое зимнее поселение — кишлак и свои зимние пастбища, которые распределялись эльбеги, как и летние, т. е.

получал лучшие пастбища прежде всего тот, кто владел большим количеством скота, другими словами, баи.

После того, как бухарский эмир с помощью русского царизма окончательно покорил восточные феодальные княжества, все земли последних стали делиться на государственные (амлячные), эмирские (подшальчные), церковные (вакуфные) и частновладельческие (мюльковые). Частновладельческими была обычно только та часть орошаемых земель, для приведения которой в культурный вид были затрачены значительный труд и средства. Этих земель в Восточной Бухаре было не более 2—3%.¹ Пастбища преимущественно были государственными и полностью находились в ведении правителя данной области (бека или мира), который назначался эмиром. Иерархическая феодальная собственность на землю отнюдь не исключала здесь того, что номинальным верховным собственником всех земель был эмир, который распоряжался землями и назначал управителей (беков) отдельными областями Бухарского ханства. Беки также имели возможность фактически распоряжаться землями в пределах подчиненной им области. За определенное подношение (тартук), т. е. взятку, бек мог произвольно отбирать пастбища у одних и передавать их другим. Например, от упомянутой выше осведомительницы Толганай нами записан следующий факт. Северо-западную часть Джарыпкульской долины (Казак-Сай), там, где расположены теперь кишлаки Бурденгель и Казак, лет 70 тому назад занимало колено Казак родового подразделения Девет, в свою очередь относящегося к роду Байрам. Остальная часть Джарыпкульской долины была почти не заселена. Свекор Толганай Байменбай, локаец из колена Бурденгель того же родового подразделения Девет, и еще двое из того же колена (отец некоего Балтабая — Пайзаманка Карши и некий Курбан-Кусе) решили занять местность Казак-Сай, а для этого нужно было вытеснить представителей родового подразделения Казак, которые в этих местах пасли скот, но пашен не имели. Для этого вышеупомянутым локайцам из колена Бурденгель пришлось отвести беку Бальджуана 8 коней и таким образом закрепить за собой эту долину.

По многочисленным свидетельствам пожилых локайцев, с которыми нам приходилось разговаривать во время работы в полевых условиях, все лучшие, снабженные водой участки летних пастбищ в горах Ранген, Сарсарак, Бальджуан-Тау и др., раньше считавшиеся формально собственностью отдельных локайских родовых подразделений, были захвачены баями, которые согнали с них жителей ближайших кишлаков. Из-за захваченных пастбищ между самими баями постоянно происходила борьба. Более крупные из них силой отнимали пастбища у более мелких. Старшие чабаны и табунщики крупных баев нередко держали при себе 10—12 «молодцов» для защиты захваченных пастбищ и для агрессивных действий по отношению к пастбищам других баев. Их называли джер бакар — стерегущие землю (буквально «присматривающие за землей»). Рассказывают про одного бая из племени марка, что он захватил зимние пастбища на юге Яванской долины (урочище Ак-Таш), где держал зимой 500 голов лошадей, которых пасли 5 табунщиков, а пастбища охранялись 5 джербакарами. Известен был вор Хатам Карышка, который с шайкой своих молодчиков специально занимался захватом пастбищ для тех баев, кто из них больше ему платил. Иногда баи устраивали угощения чабанам и мирахурам, чтобы они занимали луч-

¹ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, изд. 2, стр. 405.

шие пастбища. Между чабанами одного рода или племени и чабанами другого племени происходили настоящие побоища. Например, из-за летовки Хафсала на Дарвазе как-то произошло столкновение между локайцами и овцеводами племени лярхоби,¹ в котором участвовало до 300—400 чабанов и табунщиков. Такие столкновения из-за пастбищ между баями, в которые втягивались даже порой целые племена, происходили постоянно, о чем имеются упоминания и в литературе, касающейся Восточной Бухары. Спорящие и враждующие стороны нередко обращались к местным властям и даже к эмиру. Эмир посылал для разбора дела особого чиновника — махрама, который обычно только наживался на этой миссии и отдавал пастбище тому, кто давал больший тартук. Старик Куандык Фаизов из Джарыпкульской долины рассказывал нам, что локайский бай Амиралли, владелец 500 лошадей и 7000 овец, в течение трех лет вел борьбу с катаганским баем из Сарай-Камара из-за летних пастбищ на Дарвазском хребте (Шотейан, Дашти-Узбекон, Зира-Дара, Гун-Дара и Чарм-Дара), и для окончательного закрепления их за собой ему пришлось отвести в Бухару самому эмиру 300 лошадей, большое количество чоры (четырёхлетних баранов) и тенег (серебряных монет) в двух жеребьячьих шурах. Вполне возможно, что молва преувеличила размер этого «дара», но это не играет существенной роли. Несомнен сам факт.

У гиссарских локайцев часто возникали споры, перераставшие порой в крупные столкновения, с узбекским племенем марка и с таджиками. Застрельщиками и руководителями подобных столкновений из-за пастбищ были богачи — главы родов (они одновременно являлись и бухарскими чиновниками), так как, будучи наиболее крупными скотовладельцами, они больше всего были заинтересованы непосредственно в разрешении этих споров в свою пользу.

Из-за классовых корыстных интересов локайские бай-скотоводы всячески препятствовали расширению земледелия у своих сородичей. Например, Матамбай из кишлака Гарау Яванской долины, имевший 1000 лошадей, запрещал своим соплеменникам иметь посевы в Яванской долине, чтобы было привольно пастись его лошадям. Он жег посевы, омачи (сохи), ярма волов и даже сами кишлаки. Если население жаловалось наукарам или самому беку, то Матамбай отвозил властям богатый тартук (чай, жеребчиков и т. п.), всегда оставаясь безнаказанным, вследствие чего еще более наглел и захватывал все новые участки формально общинных земель.

Прикишлячные выгоны оставались в общинном владении жителей данного кишлака, т. е. того мелкого родового подразделения, поселением которого он являлся.

Что касается пахотных земель, то они были государственными, эмирскими или вакуфными. На локайской территории последних было немного. Локайцы занимали районы, где посевы (пшеница, ячмень, кунжут, лен, бахчевые и хлопок) производились на так называемых землях ляльми или, как принято теперь называть, богарных, т. е. посевы производились под зимне-весенние дожди и вырастали без искусственного орошения. Полеводство на землях ляльми носило экстенсивный характер. Многие земли оставались неиспользованными, лежали под перелогам, т. е. обрабатывались не каждый год. Эти земли не были строго закреплены за их владельцами, и в том случае, если их забрасывали, они могли обраба-

¹ Лярхоби — ираноязычное кочевое племя Северного Афганистана.

тиваться другими. Видимо поэтому старики локайцы обычно говорят, что в Локае безземельных будто бы не было. Вообще же на территории обитания локайцев пахотной земли было довольно много, но не вся она была одинакова по качеству. Например, крутые склоны и южные склоны давали гораздо меньше урожая, чем пологие места и северные склоны. Затем, одни участки часто бывали более удалены от кишлака, а другие расположены близко и т. д. При разделе земли главы родов захватывали, конечно, лучшие участки себе. Кроме того, имея большое количество рабочих волов и семян, они могли расширить свои земли за счет земель бедняков, которые, не имея рабочего скота и семян, забрасывали свои участки.

Для уяснения системы и характера общественных отношений у локайцев также необходимо хотя бы кратко ознакомиться с административным устройством и колониальным управлением в Восточной Бухаре после превращения ее в колонию Бухарского ханства.

Здесь каждое бывшее княжество было превращено в особую область — бекство. Для ведения государственных, административных и земельных дел бекства эмир назначал бека, который фактически являлся полновластным хозяином области, обязанным выделять эмиру лишь определенную часть доходов. Каждый вновь назначенный бек приезжал с целой свитой родственников и близких ему лиц, которых назначал в отдельные амлякдарства¹ для сбора налогов. Для ведения судебных дел назначался казий; муфтий назначался для толкования законов шариата, а раис — для наблюдения за выполнением со стороны населения предписаний религии и шариата.

Бухарский эмир, чтобы создать опору своей власти, раздавал в Восточной Бухаре чины классовой верхушке кишлака. Получивший чин наделялся и определенным количеством крестьянских хозяйств (танхо), налоги с которых, за исключением налога со скота (зьякет), поступали вместо казны в пользу получившего чин и танхо, т. е. в пользу танхохура. Последний номинально был обязан военной службой эмиру, но фактически никакой службы не нес, за исключением того, что старался держать народ в полном повиновении.

Эмир и беки, щедро раздавая чины, а вместе с тем и некоторую часть своих доходов, получали взамен их от своих ставленников крупные «дары» (тартук) в виде лошадей, халатов и т. д. Например, чтобы получить самый низший чин (бахадур), нужно было поднести беку тартук стоимостью от 800 до 1200 тенег, чтобы получить высший чин из доступных местному населению (бий и додхо) нужно было преподнести эмиру тартук стоимостью до 15000 тенег.²

Крестьянские хозяйства (кош), выделенные в танхо тому или иному чиновнику или просто богачу, назывались фукаро или, как произносят локайцы, «пүқоро».

Мы уже отмечали, что эмирские власти, желая иметь в локайской родоплеменной феодальной верхушке свою опору для подавления недовольства трудящихся как локайцев, так и других племен и таджиков, особенно щедро наделяли ее танхо. В результате в Локае, по словам стариков, только примерно с 25% хозяйств (причем самых захудалых) налог шел в казну через амлякдаров, а все остальные хозяйства были розданы в танхо и были фактически крепостными. Как отмечает Б. Г. Га-

¹ Амлякдарство — поземельно-податной участок.

² Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, стр. 13.

Фуров, «В Бухаре существовали обе основные формы феодальной ренты: барщина и оброк.

Барщина существовала в форме так называемых хашаров, когда дехкан сгоняли работать совершенно безвозмездно (под видом помощи — Б. К.) для амлокдора или других крупных чиновников на землях, закрепленных за последними. Распространена была также форма бегори, когда дехкан в принудительном порядке заставляли участвовать в работах по возведению построек для эмира и его чиновников, по ремонту и очистке арыков и т. п. На дехкан возлагались также различные гужевые повинности. Все эти виды барщины отнимали у дехкан зачастую три четверти рабочего времени.

Оброк в виде бесчисленного количества налогов, которые трудящееся дехканство обязано было выплачивать по всякому поводу эмиру и его представителям на местах, был более распространен, чем барщина.¹

Локайцы, как и другие земледельцы, обрабатывающие земли лялями, платили следующие налоги: за право пользования землей $\frac{1}{10}$ урожая (ушр); амлякдару за «труды» — 8 фунтов с каждого батмана (1 батман, примерно 12 пудов), дарго, мелкому податному чиновнику — кафсан (по обоюдному соглашению); аксакалу, сельскому старосте — 8 фунтов с батмана; домулло-имаму, сельскому священнику — около 2 пудов (2 нимхурда); затем в пользу ишана милостыню.

Помимо всего этого, еще взималось: яксара — 1 батман пшеницы с каждой пары волов (кош) на содержание чиновников (т. е. кишлачной административной феодальной верхушки) в течение трех зимних месяцев во время пребывания их при резиденции бека; отын-пули — по 2 теньги² в год с каждого хозяйства для обеспечения дровами тех же чиновников и наукеров во время их пребывания у бека; мардикор-пули — «деньги для батраков», обрабатывающих эмирские и бекские земли; саман-пули — налог с соломы и т. п. Крестьянин еще в виде «дара» должен был преподносить, особенно после сбора урожая, всем видным лицам своего кишлака и своего рода различные продукты. Кроме того, он должен был поздравлять с праздником, с рождением сына, со свадьбой в доме того или иного видного лица, или своего танхоура, или своего пира — «духовного отца» и т. п. Эти поздравления также сопровождались натуральными подношениями.

При определении урожая на ток к крестьянину собиралось 10—15 человек и каждый надеялся урвать что-нибудь для себя. Если данное хозяйство платило налог эмиру, то определять урожай и соответствующий ему размер налогов являлся амлякдар или его люди; если же хозяйство было отдано в танхо какому-либо саркарда, то он сам являлся со своими людьми или посылал на ток для определения урожая. Урожай определялся «на глазок».³

Уплата налогов, в частности основного налога ушра, отягчалась тем, что он выплачивался деньгами, звонкой монетой, да еще не осенью, а весной. Дело в том, что количество зерна, причитающееся в уплату нало-

¹ Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, изд. 2, стр. 406.

² Теньга — бухарская серебряная монета достоинством в 15 копеек.

³ Описание определения урожая «на глазок» и того открытого грабежа, который при этом происходил, находим у многих очевидцев русских путешественников. Например, см. Нечаев А. В., «По горной Бухаре, Путевые очерки», СПб., 1914, стр. 70, 71, 72. Яркое описание объезда амлякдаром своих «владений» и определения размеров налога, невиданной алчности чиновников имеется в романе Садриддина Айни «Рабы».

га, определялось, как уже говорилось, прямо на току и заносилось в тетрадь. Однако это количество зерна не переводили тут же на деньги по базарной стоимости зерна, а оставляли перевод цены зерна на деньги на весну, когда хлеб становился гораздо дороже. Весной брали среднюю базарную цену на зерно и объявляли, что нужно вносить налоги, исходя из расчета такой-то суммы за батман.

Крестьяне хлеб обычно продавали осенью, когда он бывал дешев. В это время кочевники, вернувшиеся с летовок, запасались хлебом на зиму; самим крестьянам осенью нужна была одежда и те из продуктов, которых сами локайцы не выращивали (лук, перец, рис и т. п.). Хлеб относительно других товаров был очень дешев. За 2—3 мешка пшеницы (1 мешок — 4 или 8 пудов) нельзя было купить карбоса (ткань таджикской кустарной выделки) даже на пару белья. Продать хлеб, особенно в урожайные годы, было очень трудно.

Перечисленные выше налоги выплачивали только с продукции земледелия. Со скота взимались особые налоги: зякати-саваим и зякати-чакана. Зякати-саваим или просто зяк а т взимался в следующих размерах: с пяти верблюдов один баран, с 40 баранов или коз — один баран или одна коза. Этот зякат считался достаточным для всякого числа баранов или коз до 100 включительно; от 101 до 201 взимались два барана или две козы, а свыше — за каждую лишнюю сотню один баран или одна коза. В последующие (после переписи) годы принимался во внимание приплод (тўл) и взималась надбавка.

Зякат в Бухарском ханстве во много раз превышал нормы, установленные шариатом. Зякати-чакана и вовсе не был предусмотрен шариатом и взимался в пользу бека с лиц, у которых поголовье скота было меньше того, с которого по закону устанавливалось взимание зяката.

Зякат взимался не овцами или другими видами скота, а деньгами. По данным 1918 г. с 10 баранов взималось 4 тенги, причем неполный год считался за полный.¹

Перепись для налогового обложения производилась, как мы уже отмечали, не ежегодно, а в 3—6 и более лет один раз по особому распоряжению эмира. Эта система учета и обложения нередко приводила к полному разорению скотоводов, потому что при экстенсивном характере скотоводства размеры стада были крайне неустойчивы. В качестве наиболее яркого примера этого старики обычно ссылаются на богатого овцевода Яванской долины карлука Бай-Мурза, у которого в результате гололедицы однажды погибли почти все его овцы. Несмотря на это, он в течение нескольких лет продолжал выплачивать зякат, исходя из прежнего, записанного в тетрадь, количества овец, и в результате окончательно разорился. Едва ли нужно доказывать, как легко разорялся в подобных случаях рядовой скотовод. Формально власти должны были производить перепись скота и по требованию жителей при эпизоотиях или падежах от голода, мороза и других стихийных явлений. Но, как правило, они этого не делали, так как это вело к уменьшению их доходов от налога.

Приведем описание учета скота кулябским беком по рассказу бывшего нукера, жителя города Куляба. Учет назывался санок (счет — по-узбекски) и обычно производился весной перед перегоном овец на летние пастбища. На просторном месте (в долине Муминабада или в до-

¹ Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 47.

лине Шурабада, или около самого Куляба, в том месте, где теперь находятся городские бани) для бека ставили богатый шатер. Бек выезжал со свитой и со своими поварами. Для учета скота каждый крупный род выделял своего постоянного представителя, которого называли эльбеги. Например, у катаганских родов Борка и Темаз в предреволюционные годы эльбеги был некий Имамкул, у катаганских родов Чурак и Мардат был Бури-эльбеги, а у небольшого рода Семиз эльбеги был некий Буратали.

Бек сам назначал сроки и очередность учета скота для каждого племени и рода и оповещал эльбеги, а последние объявляли их скотоводам своего племени. Недалеко от ставки бека сооружалась изгородь длиной около 100 м. Посредине изгороди оставлялся небольшой проход. По обеим сторонам этого прохода становилось по одному эльбеги с плетками в руках и считали прогоняемых через проход овец. По словам нашего осведомителя, эльбеги обычно бывали неграмотны, но считали быстро и не сбываясь. Число овец каждого владельца записывалось в тетрадь представителем бека. Во время учета каждый бай раздавал в качестве «подарка» до 50 овец: 10 — беку, 5 — казию, 10 — эльбеги и по 2—3 всем аксакалам своего рода и племени, секретарям и свите бека также по 1—3. Эти «подарки» назывались хошмадона, что буквально значит «подношение в знак лести».

Зякат с рядовых налогоплательщиков собирался деньгами амлякдарами, а крупные бай сдавали его непосредственно беку. После того, как зякат был собран, бек отправлял его эмиру, зашив деньги в мешки из жеребьячьих шкур и нагрузив на хороших коней. К зякату бек прилагал в подарок эмиру ряд ценных вещей и двух красивых девушек, чаще свою дочь, если имел. Зякат сопровождал обычно сын бека. Если эмир бывал доволен беком, то обратно посылал беку коня в дорогой, украшенной золотом, сбруе и несколько дорогих халатов — сарпон зякат.

Описанный метод сбора налогов представлял широкие возможности для жестокой эксплуатации трудового населения, ко всякого рода хищениям, казнокрадству, обсчету и т. п.

В перечень налогов нами не были включены еще следующие: савсар — налог с пушнины, добываемой охотниками; асиё-пули — налог с мельниц; обиджувоз-пули — налог с маслобоек и, наконец кош-пули — по 20 тенег с каждого хозяйства в подношение вновь назначенному беку. Ухитрялись брать налоги даже с батраков по 5 тенег со двора.

Кроме налогов, трудящиеся крестьяне несли различные трудовые повинности по прокладке дорог и мостов, по возведению мечетей и т. п., а также доставляли верховых и вьючных лошадей (улау) ко двору бека и амлякдара.

Многочисленность налогов, алчность чиновников, родовых управителей и духовенства, царивший в стране произвол и тяжкое положение народа приводили в изумление и негодование даже выдавших виды русских офицеров и чиновников. «Познакомившись с вышеописанными податями, — пишет некий А. П., — можно только удивляться, сколько бедному бухарскому земледельцу приходится уделять от трудов своих. Можно с уверенностью сказать, что по крайней мере у половины населения Бухары не только не остается какого-либо излишка средств к существованию, но едва ли хватает их для собственного пропитания. Ведь нужно же удовлетворить такую массу даровых нахлебников!...

У каждого читателя, без сомнения, в конце концов, явится вопрос,

что же дает бухарская правительственная власть населению? Невольно при этом в голове читателя мелькают мысли о народном образовании, благоустройстве городов, путей сообщения, об организации медицинской помощи и т. д.

К крайнему сожалению, приходится ответить весьма кратко: «ничего».¹

Вот характеристика чиновников Бухарского ханства, данная другим автором: «Вся сущность их (бека и чиновничества) деятельности, — пишет М. А. Варыгин, — заключается в исправном внесении в казну налогов, а следовательно и во взимании с населения податей, причем характер этих сборов напоминает скорее военный приз, дань победителям, чем действия благоразумного хозяина (оно в действительности так и было, потому что эмирские власти рассматривали восточные бекства как колонию — Б. К.). При таком положении вещей, понятно, все заботы о процветании края сведены к нулю; на долю народа остается бремя налогов, страх и палка, как средство достижения уничтожения.

Все, что ни дает земля, труд человека, все, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором»...² «Бек и его большой штат чиновников всякого ранга, — продолжает М. А. Варыгин, — не удовольствуются, понятно, той скромной ролью, которая им выпадает при дележе жалких крох, и они рвут с населения, где и что возможно; вот почему фактически сборы с населения превышают много законный процент и заставляют роптать народ».³

Весьма характерны в этом отношении наблюдения А. Е. Снесарева: «Режим этот крайне бюрократичен и централизован, в нем слишком много жестокого деспотизма и слишком много возможностей для всякого произвола и неправды. Эта особенность административного строя прежде всего сказывается систематическим и непоправимым обеднением страны. Подобное обеднение вы наблюдаете всюду, об нем вы слышите со всех сторон. В верховьях реки Ховалинга четыре года тому назад было около 500 кушей, а в прошлом оставалось только 40—50, так как у людей не было сил поднять землю и они ее бросали. Сам бек Куляба говорил мне, что в бекстве значительные площади земли остаются незапаханными, так как поднимать их стало некому».⁴

Обнищанию народных масс немало способствовали ростовщики, бравшие баснословные проценты. Ростовщицеством занимались обычно торговцы (в большинстве случаев из среднеазиатских евреев, индусов и армян), а также, несмотря на запрет шариата, духовенство. Налоги полагалось вносить серебряными монетами. У рядового локайца, который жалкие остатки своего хлеба обменивал на шерсть, кошмы, карбос и алачу, никогда деньги не водились, и он бывал вынужден обращаться к ростовщику. Обычно ростовщик-торговец, живущий в городе и не имевший большого хозяйства, не давал деньги бедному безвестному дехканину, будучи уверен, что тот все равно не сможет расплатиться с долгом; да и локаец-бедняк, почти никогда не бывавший в городе (ему не за чем и не на чем было ездить туда) пугался при одной мысли о необ-

¹ А. П., Подати и налоги в Восточной Бухаре, Туркестанские ведомости, № 6, 1906, стр. 45.

² Варыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, стр. 793.

³ Там же, стр. 799.

⁴ Снесарев А. Е., Восточная Бухара, стр. 71.

ходимости явиться к богатому горожанину,¹ и он обращался за посредничеством к богатому сородичу, обычно к всегдашнему «покровителю» — аксакалу — главе своего родового подразделения. Аксакал или бай обращался к ростовщику, но ростовщик просимую сумму (обычно аксакал брал ссуду для многих своих сородичей), не давал полностью звонкой монетой, а чуть ли не половину ее выдавал товарами, в частности мануфактурой. Вследствие низкой покупательной способности населения и дороговизны товаров (цены их росли от множества пограничных и дорожных пошлин, собираемых внутри самого ханства, при перевозках из одного бекства в другое, проезде через мосты и т. п.), они не шли, залеживались. Богач не оставлял себя в обиде и все убытки выколачивал со своих сородичей, выдавая ссуды за двойные проценты. Если крестьянин не мог вернуть в срок занятые деньги, то из года в год росли проценты и он со всей семьей на всю жизнь становился рабом ростовщика или своего богатого сородича.

Разоренному локайскому дехканину, который не имел семян, рабочего скота и инвентаря, приходилось идти в кабалу к богатому сородичу (а то и в чужой род) в качестве издольщика, либо наемного рабочего, пастуха и т. д. Другого выхода не было, так как в Восточной Бухаре не имелось настоящих городов и промышленности.²

Условия издольщины и найма в Локае были весьма разнообразны и ничем существенно не отличались от таковых в других местах Гиссарского бекства.³ Наиболее распространенными среди локайцев были следующие виды издольщины: локаец, лишенный рабочего скота, но имевший землю и семена, брал пару волов (преимущественно у карлуков, которые сами не занимались хлебопашеством), за что должен был хозяину волов отдать $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть урожая со всех видов высеванных культур. Если бедняк брал у бая семена и одного вола, то отдавал ему половину урожая. Работающий целиком байским инвентарем, на байской земле и байскими семенами отдавал $\frac{3}{4}$ урожая, и по существу являлся батраком; причем на такие условия шли обычно семейные люди и работали всей семьей. Одинокие батраки, в отличие от семейных, жили при доме бая и выполняли не только сезонные полевые, но и другие работы по хозяйству. На сезонные работы нанимали временных рабочих. Например, на уборку хлопка нанимались таджики и получали плату волокном.

Весьма распространенным явлением была эксплуатация родственников, чаще близких под видом оказания «благоденствия», особенно под видом «призрения сирот и вдов». Обычно бай брал на «воспитание» осиротевшего сына (или несколько сыновей) своего сородича. Считалось, что он совершает «богоугодное дело», растит сироту. На самом деле мальчик многие годы работал на «благодетеля», недосыпая и недоедая, не получая никакой платы, кроме объедков с байского стола и обносков

¹ О положении бесхитростного дехканина на городском базаре может дать представление следующий отрывок из описания кулябского базара, данного М. А. В а р ы г и н ы м: «В 12 часов дня в 48—50° R самый разгар торговли; от жары все изнемогают, одни торопятся продать, другие купить и уехать. Кулаки не трогаются с места, они хорошо знают психологию продавцов и момент, когда нужно выйти из положения безучастного зрителя. Когда наступит время, они вопьются, как вампиры, в изморившегося узбека и почти с боя вырывают у него за дешево скот, хлеб и пр.» (Опыт описания Кулябского бекства, стр. 776).

² Отходничества в таких размерах, как оно было в Каратегине, в Локае не было.

³ Различные виды издольщины описаны в указанных выше «Материалах к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане».

даваемых с упреками о том, что он неблагодарный, даром ест хлеб своего благодетеля и т. п. Упреки эти нередко подкреплялись пинками и побоями. Даже по имени не называли такого дарового работника, а просто согра — сирота. Недаром слово етим (джемим — по-локайски сирота) стало синонимом слова работник, батрак. Подросток выполнял самые разнообразные работы по хозяйству и по дому, а лет с 16—17 включался и в работу по пахоте, которая считалась наиболее тяжелой. Локайские баи даже табунщиков нанимали редко, поручая эту трудную работу своим «воспитанникам» или другим «обязанным» им родственникам, чтобы не расстаться даже с тем двухлетним жеребенком, который в виде платы полагался табунщику за год работы.

Нередко целая семья родственника, окончательно разоренного тем или иным баем, жила при его доме, работая на него и получала за труд «что дадут», причем еще считала бая своим благодетелем. Такой бедняк всячески старался угодить «благодетелю», т. к. ему с семьей некуда было деваться, у «чужих» ему было бы хуже.

Личная «свобода» такого бедняка, отличавшая его, казалось бы, от крепостного состояния, была фиктивной. Этот бедняк терял право ухода от хозяина, если становился его должником. Бедняку же стать должником богача было не трудно. Если, например, богатый сородич вносил за него какую-либо подать или хун («плата за кровь») и т. п., то бедняк не только сам, но и все его потомки становились фактически крепостными богатого сородича.

Для выполнения всяких повседневных домашних работ: для доения многочисленных коров, овец и коз, для приготовления пищи, сбора топлива и т. п. служила женская прислуга, состоящая, преимущественно, опять-таки из бедных родственниц, считающихся приживалками.

Женщины кишлака, старые и молодые, приглашались в дом бая для выполнения различных трудоемких работ. За это они получали, кроме угощения из какой-либо похлебки и хлеба, скоропортящиеся молочные продукты, которых все равно в байском доме некуда было девать, т. к. продажа молочных продуктов на рынке считалась большим позором. Например, женщины приглашались сбивать масло. После весенней стрижки овец жены баев созывали женщин своего кишлака и бедных родственниц из других кишлаков трепать шерсть. Работа производилась вручную: двумя прутьями таволги трепали и пушили шерсть. Процесс этот называется сабау. Затем, пушили еще руками. В этой работе принимали участие и дети. Жена Каюмова Алыма из кишлака Оби-Киик вспоминала, как ходила с матерью трепать шерсть к баям и как опухали ладони от прутьев. За работу кормили и давали в узелочке понемногу шерсти.

После окончания трепания шерсти жены баев созывали старух кишлака пряхь. Некоторые старухи оставались в доме баев и пряхли целыми днями.

После прядения женщины приглашались в дом бая, где устанавливалось несколько ткацких станков, на которых женщины работали, сменяя одна другую. Эта работа часто проводилась под видом хашара, т. е. помочи.

Существовали и другие разнообразные формы эксплуатации. Безлошадному родичу, например, давали коня под съезд, временно, за что он должен был «отблагодарить» бая трудом, т. е. отработать. Давали

корову или козу для пользования молоком. В тяжелые зимы баи раздавали свой скот родичам на прокормление.¹

Особенность всех описанных форм эксплуатации заключалась в том, что они, являясь по существу феодальными, выступали часто в форме «родовой взаимопомощи» и поэтому рассматривались самими эксплуатируемыми как подлинная помощь, как настоящее благодеяние.

В этом отношении интересны слова одного из наших стариков информаторов. Он рассказывал, что бай Халбаба, владевший 900 лошадьми и 3000 овец, летом держал своих лошадей в окрестностях кишлака Бульён Дангаринского района. На наш вопрос о том, как же жители Бульёна позволяли ему, жителю другого кишлака, пользоваться своими выгонами, старик ответил: «Жители Бульёна все работали на этого бая, все были его етимами и дисьярами,² считали, что они едят его хлеб-соль, и рады были иметь работу и какое-то пропитание».

О бая, который давал лошадей под съезд, коров для доения, работу и «приют» бедным, шла молва, как о добром и хорошем человеке, совершающем богоугодные дела. Такое представление усиленно внедрялось в трудовые слои локайцев эксплуататорской верхушкой, в том числе и духовенством.

Описанные нами способы эксплуатации, феодальная сущность которых прикрывалась пережитками патриархально-родовых отношений, не были спецификой только локайцев. Они существовали у многих кочевых скотоводческих народов и обстоятельно разобраны и описаны в советской историко-этнографической литературе.³ Советские ученые смогли это сделать, руководствуясь известным определением И. В. Сталина, который назвал такие отношения патриархально-феодальными.⁴

Описанные пережитки патриархально-родового быта и воззрений родового общества в большой степени тормозили пробуждение классового самосознания эксплуатируемых. К этому еще следует добавить, что феодально-племенная верхушка всячески пропагандировала и внедряла в сознание рядовых локайцев мысль о том, что виновниками тяжелого положения народа является только ненавистный эмирский государственный аппарат, состоящий из пришлых кормленщиков, что она, локайская феодальная верхушка, выступая посредницей между своим народом и эмирским аппаратом, напротив, всячески старается облегчить положение своих соплеменников, защищает интересы рядовых локайцев.

Мы уже отмечали, что при столкновениях локайцев с таджиками или некоторыми узбекскими племенами из-за пастбищ так называемые «родовые вожди» являлись застрельщиками и руководителями, ибо они были больше всего заинтересованы в этих пастбищах. Но они старались мотивировать это тем, что борются за интересы всего племени. Подоб-

¹ Упомянутый нами Матамбай, обладавший табуном в тысячу лошадей, в ту зиму, когда, по рассказам стариков, шел снег в течение сорока дней и лошади его начали гибнуть от бескормицы, роздал оставшихся лошадей соплеменникам, жившим на Арал-Тугае, на половинных началах. Отец нашего информатора, например, взял 6 лошадей, из которых выжила только одна, которую продали и половину вырученных денег Матамбай отдал отцу нашего рассказчика.

² «Дисьяр» от таджикского «дастьёр» — помощник; обычно употребляется в смысле «слуга при доме», выполняющий всякие работы, или мальчик на побегушках.

³ Потапов Л. П., Ранние формы феодальных отношений у кочевников, Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. I, Абакан, 1947; Вяткин М. П., Батыр Срым, М.—Л., 1947; Потапов Л. П., Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, изд. 2, т. I, Алма-Ата, 1949 и др.

⁴ Сталин И. В., Соч., т. V, стр. 24—25.

ными приемами феодальная эксплуататорская верхушка всячески представляла себя в глазах народа полезной и необходимой покровительницей своего племени, пекущейся об его нуждах. В создании и распространении такого ложного представления была велика роль духовенства. Следует отметить, что локайцы почти поголовно были неграмотными, даже среди имущего класса грамотные люди встречались очень редко. Муллами среди локайцев обычно были выходцы из таджиков.

Принцип «разделяй и властвуй», которого придерживалась эмирская власть в Восточной Бухаре, был прекрасно понят феодальной верхушкой локайского племени. Последняя была опорой эмира в проведении этой политики и также воспитывала своих соплеменников в духе вражды к остальным народам Восточной Бухары и в первую очередь к таджикскому народу, чтобы изолировать трудящихся локайцев от той энергичной классовой борьбы, которую вел таджикский народ как против эмирских завоевателей, так и своих феодалов.¹ Однако попытки феодальной верхушки настроить своих соплеменников враждебно по отношению к другим узбекским племенам и к таджикскому народу были не всегда удачными. Об этом можно судить, например, по отдельным фактам, из которых следует, что трудящиеся локайцы и марка, несмотря на вспыхивавшую иногда между ними вражду (инспирированную феодальной верхушкой) в трудные моменты своей жизни выступали совместно против угнетателей. В упоминавшемся выше документе (от 3 февраля 1886 г.) рассказывается о том, как гиссарский бек поощрял локайских старшин «к обирательству подведомых им родичей, а последним представляет грабить, барантовать остальные слабейшие племена» и особенно узбеков племени марка. Однако в том же 1886 г., полгода спустя, «...5 июля разведчик встретил (как это видно из рапорта генерал-губернатору начальника Самаркандского отдела — Б. К.) по гиссарской дороге депутацию из 200 горцев рода Локай и Марка, направляющуюся в Бухару с жалобой на неправильный сбор зеката. Люди эти говорили ему, что если эмир не примет жалобу их, то они обратятся с ней к русскому начальству».²

Локайская беднота, несомненно, принимала участие в крестьянских восстаниях и волнениях, непрерывно происходивших в Бальджуанском, Кулябском, Гиссарском и других бекствах. Большею частью эти волнения принимали форму стихийного протеста против вопиющего произвола и грабежа при определении количества податей и при взимании налогов. Волнения нередко сопровождались убийством ненавистных сборщиков налогов и амлякдаров. Особенно широкий размах крестьянские восстания принимают в 80-х годах XIX в. В эти годы происходит и знаменитое восстание под руководством Восе.³ Пока наши материалы об участии локайской бедноты в этих восстаниях очень скудны. Тем не менее можно сослаться, например, на телеграмму Политагента в Бухаре Туркестанскому генерал-губернатору (от июля 1888 г.), в которой, между прочим, говорится: «в Бальджуане горцы племени Лакай убили

¹ См. Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, стр. 262 и след.; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, изд. 2, стр. 410 и след.; Искандаров Б. И., Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе, Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, № 4, Сталинабад, 1953, стр. 83—85.

² ЦГИА Уз.ССР, фонд I, опись 34, дело 666, л. 42.

³ См. указ. работу Б. И. Искандарова.

токсабу, коего эмир Бухарский послал собирать зякет и три или четыре солдата, и ушли в горы».¹

В каких размерах и в каких формах протекала классовая борьба внутри самого локайского племени, внутри родов и родовых подразделений, сказать трудно, так как у нас нет достаточных данных. Несомнен тот факт, что племенной феодальной знати в значительной степени удавалось, используя пережитки патриархально-родовых форм быта и воззрений, подавлять пробуждение классового самосознания локайской бедноты.

На основании материала, приведенного выше, можно констатировать, что господствующей формой общественных отношений у локайцев были отношения феодальные. Однако в предреволюционный период в локайском кишлаке появились также и зародыши примитивных капиталистических отношений, наблюдались первоначальные признаки социальной дифференциации кишлаков, характерной для капиталистических отношений в деревне.

¹ ЦГИА Уз.ССР, фонд I, опись 34, дело 693, л. 10.

IV. ДОМАШНИЙ БЫТ

До перехода к земледелию культура и быт локайцев обуславливались кочевым образом жизни. С переходом к земледелию и полуоседлому и оседлому образу жизни изменения, происшедшие в производстве, не могли не внести изменений и в домашний быт. Наши материалы дают возможность проследить весьма характерную эволюцию таких элементов домашнего быта, как жилище, утварь, пища и т. д., в связи с указанным изменением в производстве. Не ставя себе задачей подробное описание домашнего быта локайцев, попытаемся наметить наиболее характерные черты указанной эволюции.

Основным жилищем локайцев вплоть до установления Советской власти была юрта узбекского типа.¹ Она мало чем отличалась от казахской юрты, неоднократно описанной в этнографической литературе.² Деревянный остов юрты изготовлялся из ивы мастерами из племени марка, жившими в Гиссарской долине, где имелись ивовые рощи, а также мастерами-локайцами. Стена юрты состояла из нескольких (до восьми) звеньев (кўзанақ) решетки (кереге), которая в отличие от казахской была низкая, но ставилась в два этажа (кўш кереге),³ в результате чего высота стены получалась в человеческий рост (женщина небольшого роста, как рассказывают старики, уже не могла сама привязывать жерди (уук), образующие крышу, к решетке). Число ууков доходило до 70—80 (жетмиш бошли ўй).

После того, как устанавливали остов юрты, решетку снаружи обставляли цыновкой—«айналма чий», затем юрту покрывали кошмами. В летнее время покрывали только кровлю. Кошмы поддерживались и закреплялись не только волосяными веревками, но и широкой (до 50 см ширины) тесьмой из хлопчатой бумаги, поэтому даже юрты, покрытые темными кошмами, по словам локайцев, издали казались белыми, как юр-

¹ Задыхина К. Л., Узбеки дельты Аму-Дарьи, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 355—356.

К настоящему времени не сохранилось ни одной локайской юрты, поэтому наше описание основано только на рассказах самих локайцев. В литературе пока удалось нам обнаружить только одну фотографию локайской юрты, которую и приводим (рис. 11).

² Например: Харузин Н., История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896; Потанов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни, Сборник МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 56—58.

³ Кўш кереге, т. е. двухъярусная решетка, была распространена среди полукочевых узбеков Южного Таджикистана. Кроме того, она характерна для хазарейской юрты. (Гафферберг Э. Г., Хазарейская юрта ханая хырга, Сб. МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 72—92).

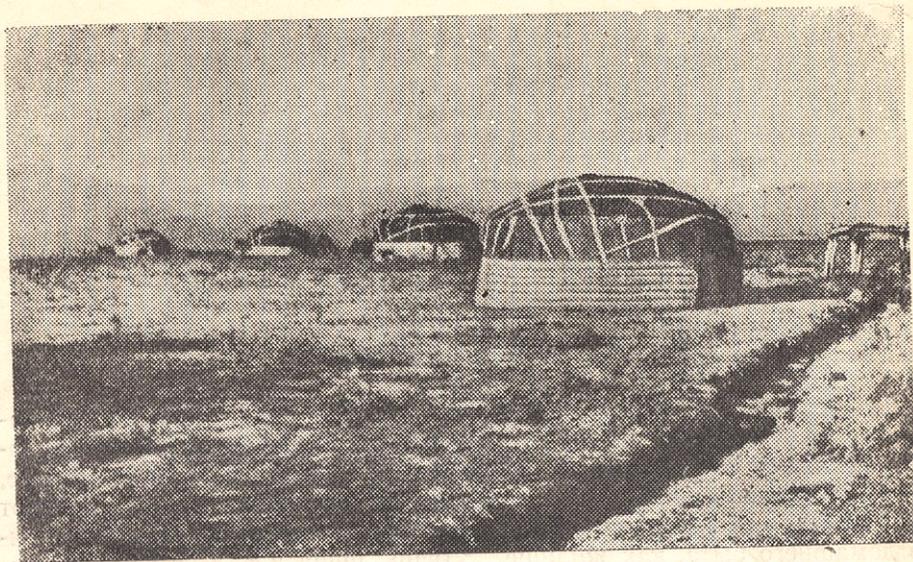

Рис. 11. Юрты локайцев (из книги А. В. Нечаева «По горной Бухаре. Путевые очерки», СПб, 1914).

ты богачей. Вход в юрту закрывался циновкой, сделанной из чия, а также кошмой, обычно орнаментированной. Изредка юрта богатых людей имела двухстворчатые деревянные двери, которые приобретались у казахов.

Войлок изготовлялся самими локайцами и способ изготовления его ничем не отличался от казахского.¹ С переходом к земледелию локайцы, овцеводство у которых никогда не было особенно развито, стали приобретать войлок, как и шерсть, у других племен (карлук, катаган, сарай и др.), путем обмена на пшеницу.

В середине юрты, в неглубокой яме разводился огонь. Котел над огнем устанавливался на нескольких камнях. Направо от входа помещалась кухня, отгороженная циновкой (соответствующая женской половине казахской юрты). В ней хранились продукты питания и стояла посуда. Налево от входа помещались конская сбруя и другие предметы мужского обихода (соответствует мужской половине казахской юрты). Против входа, в почетной части юрты (түр), возвышался джук (буквально «выюк») — всякое семейное добро, связанное в тюки, а также постель, сложенная в 2—3 стопы на деревянных низеньких скамейках или шкафчиках (джук асты).

Юрта зажиточных людей (особенно юрта молодых — утоу) украшалась различными тканями и вышитыми предметами. Хозяйки соревновались между собой в украшении своего жилища. Верхний ряд кереге к нижнему привязывался длинной, обхватывающей всю юрту, красной шерстяной тесьмой (богыш) шириной в 30—40 см, богато орнамен-

¹ Потапов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, стр. 52.

тированной. Концы ее привязывались к косякам двери и заканчивались длинными кистями с серебряными колпачками. Такая же тесьма обхватывала юрту и в месте соединения решетки с ууками.

Вдоль решетки по обеим сторонам юрты развешивались ковровые (без ворса) и вышитые сумки самого различного назначения (илгич): для деревянной посуды (тобоклоу), для зеркала, гребешка, ножниц и др. (ойна-халта), для ууков (на концы собранных ууков при перекочевке надевались чехлы — уук коп), сумочка для чая (чай-халта), конская торба (от-түрбо), сумка для ножниц, которыми стригут овец и т. п.¹ Над дверью вешалась занавеска (эшик чолпинчак) в виде кружевной сетки, сплетенной из крученого шелка, с бахромой и свисающими кистями, украшенными серебряными побрякушками.²

Пол устилался кошмами и паласами (глем). Паласы, как и кошмы, изготовлялись локайскими женщинами. Они ткали их на обычном примитивном ручном ткацком станке (үрмак ёғочи), который отличался от казахского только тем, что вместо основы — треноги для держания основы, берд и ниченок,³ употреблялись низенькие козлы. Размеры, ширина полотно, узоры и назначение паласов были весьма разнообразны.

Богачи обычно имели 2 юрты: «белую» — ок уй и «черную» — ко-ра уй. Вторая служила кухней и в ней жила прислуга, а в зимнее время помещались ягнята, козлята и телята, порой и откармливаемые бараны.

Многочисленная беднота не только не могла украшать свои юрты, но часто их вовсе не имела. По рассказам стариков, бедняк должен был многие месяцы работать на бая, чтобы получить несколько кошм для покрытия своей дырявой юрты или же был вынужден жить в шалаше.

Шалаша строились из разнообразного материала, имели различные формы и размеры. Наиболее часто у локайцев встречались кепе, широко распространенные как среди других узбеков, так и среди ираноязычных полукочевых племен, живущих преимущественно по долинам рек или вблизи от них, т. е. в местах, изобилующих камышом. Кепе имеет две основные формы: прямоугольную в плане и круглую, воспроизводящую форму юрты и называемую в некоторых местах чүм-кепе.⁴ Стены кепе плетутся «елочкой» из пучков камыша. Нередко, если рассчитывают провести в кепе и зиму, снаружи устанавливается еще один слой камыша, поставленного вертикально. Прямоугольное кепе покрывалось двускатной камышевой кровлей, а круглое — конусообразной, но не с острой, а с закругленной макушкой. Эта кровля собственно и называется чүм. Она состояла из решетчатого остова, сделанного из толстых плотных снопов камыша и сверху покрывалась травой қиёқ (раз-

¹ Эти сумки в количестве 5—7 штук (по одной каждого вида) или 5—7 пар (у зажиточных) входили в приданое девушки и ткались или вышивались ею самой. Локайские вышивки отличаются изяществом и тонкостью и пользуются заслуженной известностью среди окружающего населения.

² Старики, вспоминая свою молодость, рассказывают, что когда молодуха входила в юрту, то грациозным движением головы отбрасывала бахрому и кисти занавески и звуки серебряных побрякушек последней сливались со звоном серебряных украшений головного убора молодухи (қасаба), а бахрома и кисти занавески сливались с шелковыми кистями, обрамлявшими лицо молодухи, и это была, по их словам, картина, достойная того, чтоб ею любоваться.

³ Потапов Л. П., Особенности материальной культуры казахов, стр. 53.

⁴ Невольно напрашивается сравнение с чумом некоторых сибирских народов. Слово «чум» считается удмуртского происхождения.

личные виды высоких злаков). Кровля изготовлялась внутри кепе, затем ее поднимали и ставили на обруч (қиршоу) из толстого камышевого жгута. Этот обруч завершал стену.

Расположение вещей внутри кепе не отличалось от такового внутри юрты. На зиму кепе обмазывалось изнутри глиной. В тугайных местах (в Гиссарской долине, на Арал-Тугае, в долинах притоков Пянджа) кепе являлось постоянным жилищем не только бедняков, но средних и даже зажиточных слоев полукуочевого населения.

У локайцев, большинство поселений которых довольно далеко удалено от зарослей камыша, было распространено кепе из каурака (ферула). Стены такого шалаша (как прямоугольного в плане, так и круглого) делались из вертикально, вплотную друг к другу приставленных стеблей каурака. Кровля имела остов из каурака, прутьев или камыша, а сверху покрывалась травой. Такое кепе на зиму также обмазывалось глиной.

Вероятно кепе является показателем полуоседлого образа жизни, так как оно не может быть перенесено с места на место без того, чтобы его совсем не разрушить.

Глинобитное жилище у локайцев возникло из хозяйственной постройки (зимнее помещение для скота, амбар для хранения зерна) и было первоначально жильем бедняков, от недостатка или отсутствия скота вынужденных перейти к земледелию. Оно также имело две формы — круглую в плане и прямоугольную. Круглые глинобитные дома по размерам не превышали обычное камышевое кепе, стены их были гораздо ниже и тоньше стен прямоугольных домов, а кровля их не отличалась от кровли кепе, поэтому они сооружались теми, кто не имел возможности привозить в достаточном количестве воду, чтобы развести глину для возведения стен обычного дома и достаточно леса для его кровли.

Прямоугольный дом покрывался двухскатной кровлей, которая, в отличие от кровли шалаша, имела более прочный остов из дерева: продольную балку и опирающиеся на нее верхним концом поперечные жерди. Этот остов покрывался камышом и травой. Потолка не было. Дом этот называется чоптара (чўптара).¹

Первые глинобитные дома, по рассказам стариков, бывших очевидцами их появления, представляли собой весьма примитивные сооружения: низкие стены были грубо и небрежно сложены и не обмазаны штукатуркой, оконные и дверные проемы закрывались, как двери в юрте, цыновкой и кошмой, поэтому, по словам одного старого локайца, «половину жилого помещения чоптары заносило снегом». На полу разводили огонь. Дымохода не было, иногда оставлялась дыра в крыше, прикрываемая камышевой цыновкой. Копоть и сажа никогда не снимались; сажа, осевшая на стебли камыша, свисающие с небрежно сделанного потолка, висела гирляндами, которые обитатели жилища задевали головами.

По мере того, как земледелие стало занимать все большее место в хозяйственной деятельности локайцев, средние и зажиточные слои населения также начали строить глинобитные дома, но более просторные.

¹ Этимология этого слова для нас пока не совсем ясна: по предположению Е. М. Пещеревой, первая часть от таджикского слова чуб — дерево, а вторая, возможно, от таджикского тор — основа в тканье. По мнению же А. К. Писарчик, вторая часть скорее от слова тор — верх. Под термином чоптара понимается и двухскатная, крытая камышом и травой кровля вообще. Этим термином нередко обозначают и прямоугольное камышевое кепе.

Рис. 12. Дом колхозника Балта Гуляева в кишлаке Девет Советского района Кулябской области. На переднем плане кормушка для лошади. Фото П. Г. Чучева.

Наиболее зажиточные хозяева имели возможность привозить из города створки для окон и дверей. Обычно чоптара локайца представляла собой длинную постройку, разделенную на ряд помещений внутренними глинобитными стенами — перегородками. Сначала шли две смежные жилые комнаты, а затем ряд помещений самого разнообразного назначения с отдельным входом: кухня, амбар, помещение для хранения топлива, для самана и, наконец, одно или несколько помещений для скота. Иногда для скота возводилась отдельная чоптара. Дома типа чоптара с такой же планировкой распространены и среди таджиков Куляба и Гиссара и, несомненно, у них и заимствованы локайцами.

Жили в этих домах только в течение трех зимних месяцев. С наступлением весны переселялись в юрты и шалаши, которые ставились на возвышенных местах, на вершине холма (чтобы обдувало ветром), по склонам которого находились поля и бахчи. Баи в это время переключивались на летовки.

Летние временные шалаши бедняков были еще более примитивными, чем кепе; они строились в форме балагана на четырех жердях с навесом (чайла), или полусферического шалаша из прутьев и травы (лочик). Батрацкие семьи, остававшиеся в тугаях обрабатывать хлопок и прочие поливные культуры, на лето сооружали шалаши на высоком помосте, спасаясь в них ночью от комаров, а постоянно жили в кепе.

В связи с переходом к менее подвижному образу жизни произошли некоторые изменения и в форме очага. Хотя очаг оставался попрежнему вырытым в земле примитивным очагом кочевника (жер учок), но все же

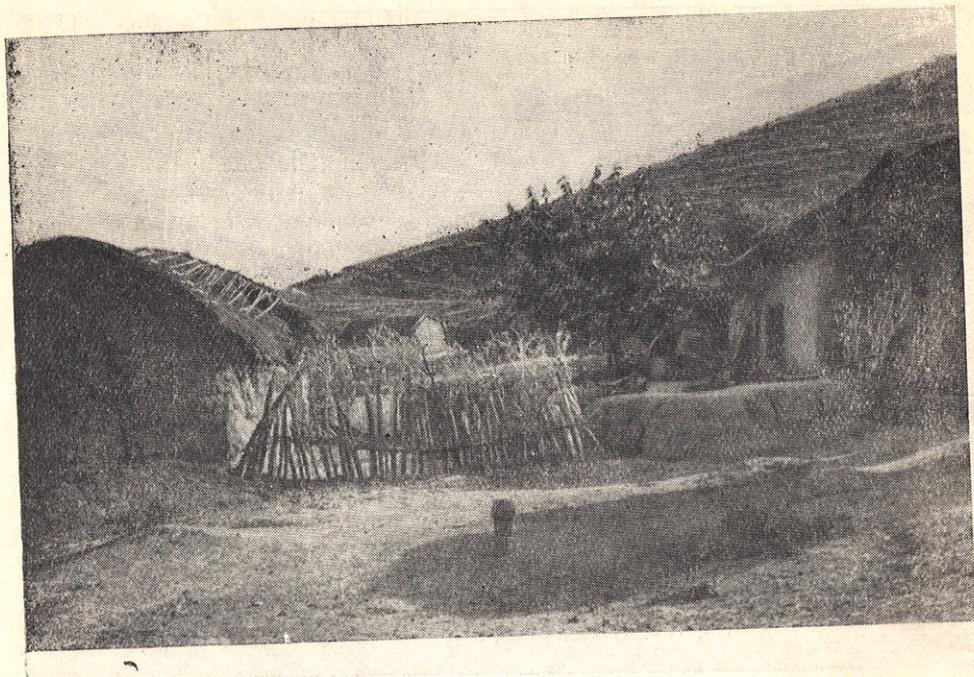

Рис. 13. Уголок двора в одном из старых домов в кишлаке Уразбай, Дагана-Киикского района. Фото Н. В. Темнова.

он уже не был ямой с камнями вокруг. Локайский очаг сходен с очагом джемшидов и хазара, описанным Э. Г. Гафферберг,¹ и представляет собой углубление, формой напоминающее замочную скважину. Круглая часть обмазывается и обводится глиняным валиком высотой в 8—10 см, на который и ставится котел или плоский камень для печения хлеба (таш-таба или табаташ — каменная сковорода). Этот валик в середине (против удлиненной части) прерывается, образуя отверстие для тяги. Туда обычно ставится медный кувшин для кипячения чая.

Основным топливом служил сухой помет домашних животных. В зимнее время для обогрева в жилище разводили костер; на дрова употреблялось фисташковое дерево. Со временем, в результате хищнического истребления, заросли фисташки сильно поредели, а в некоторых местностях и совсем исчезли, поэтому, по мнению локайцев, они и были вынуждены заимствовать от таджиков сандал.² Сначала он у локайцев был в виде треноги из палок, на которую и набрасывалось одеяло. Со временем, ввиду отсутствия углей, вместо углубления под сандалом, стали устраивать очаг (сандал-ўчок), представляющий собой круглую, суживающуюся кверху яму диаметром в 60—70 см у основания и около 25 см у отверстия. Стены ямы тщательно обмазывались глиной и полу-

¹ Гафферберг Э. Г., Жилище джемшидов Кушкинского района, Советская этнография, № 4, 1948, стр. 130—131; она же, Хазарейская юрта ханаи хырга, Сборник МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 86.

² Сандал (от таджикского «сандали») — широкий низкий табурет, который ставится над вырытым в полу в виде круглой ямы очагом с тлеющими углями, а сверху покрывается ватным одеялом. Люди греются, просунув ноги под одеяло. Обычно семья спит вокруг сандала под этим одеялом.

чалась как бы вкопанная в пол корчага с широким основанием. В этом очаге обычно жгли некоторые виды колючих растений, дающих хороший жар. После того, как стены очага накалялись и накапливалась горячая зола, прекращали подкладывать топливо и ставили над очагом сандал.

Этот очаг ничем не отличается от чагодона кулябских таджиков и, несомненно, заимствован, как и сам сандал, у таджиков.

Претерпело изменения и освещение жилища. Старики рассказывают, что в старину, кроме костра, другого освещения не было и, если садись ужинать поздно вечером, то будто бы по очереди держали зажженный факел. Затем вошел в употребление светильник в виде широкогорлого кувшина, но с несколькими отверстиями на стенке его (челек). В нем жгли сухой конский помет и свет из боковых отверстий и из горла освещал жилище. Женщины при его свете даже занимались рукоделием.¹

Более совершенным, но далеко не всем доступным видом освещения был заимствованный от таджиков светильник, который представлял собой глиняный или чугунный сосуд с носиком или просто черепок, на котором горел положенный на его край фитиль, смоченный льняным маслом. Более распространенным видом освещения был чора чироғ, представляющий собой стебель высокой травы (повидимому, одного из видов зонтичных), облепленный горючим составом, приготовленным из толченых льняных семян и овечьего помета. По словам старика-локайца Куатова Беггара, у таджиков даже существовала пословица, звучащая в узбекской передаче так: «Чирогнинг хўзурини узбекка айтма» — «Не говори узбеку про прелесть светильника [он все равно не сможет ее себе представить]».

Глинобитное жилище по убранству не отличалось от юрты. Для развешивания сумок, одежды, посуды и пр. за отсутствием кереге вбивались в стены деревянные колья. Позже сумки (в частности сумки для ууков и для посуды) стали отчасти заменяться нишами и полками и, потеряв свое прямое назначение, превратились в декоративное украшение.

Еще на памяти стариков домашняя утварь локайцев была утварью, типичной для кочевников. Она состояла из предметов, изготовленных преимущественно из кожи, шерсти и дерева. Глиняная посуда, например, столь распространенная среди оседлого населения Таджикистана, как громоздкая и бьющаяся, почти не употреблялась.

Из кожи домашних животных шились бурдюки самого различного назначения. Бурдюк из выделанной козлийной кожи² (меш) служил для хранения и перевозки воды и кумыса. Бурдюк большого размера (саба) служил для приготовления и хранения кумыса в богатых домах. Бурдюк из невыделанной кожи (со шкуры шерсть и мездра счищались при помощи бритвы) назывался тўлўм и служил для хранения кислого молока.

¹ Подобный светильник (в виде круглодонного кувшина на трех ножках и с отверстиями на стенке) существует у белуджей (у тех, что проживают в Северном Афганистане), только они жгут, по словам Э. Г. Гафферберг, не конский, а верблюжий помет. Коллекция МАЭ, № 3993—196. Такие светильники были распространены у полукочевых узбеков Каршинских степей.

² Локайцы не знали копчения кожи. Бурдюки изготовлялись дублением: со шкуры (преимущественно козлийной) бритвой счищали шерсть и мездру, затем шили бурдюк волосяными нитками швом через край и так часто, что нитка ложилась вплотную к предыдущей. Затем бурдюк наполняли отваром дубильного растения кермак (ревень) и сверху посыпали кермаком. Через некоторое время сливали отвар, бурдюк надували воздухом и сушили. От дубления кожа становилась бурой.

Из шкурок козлят и ягнят шились мешочки для хранения всяких мелких вещей.

Выделанная кислым молоком кожа шла для шитья круглой ска-терти (диаметром до 1,5 м), называемой супра, на которую сеяли муку и на которой разделявали тесто для лепёшек, раскатывали лапшу и т. д.

В желудках (корин) домашних животных хранили сало, масло и кислое молоко. Овечьи и козы высушенные желудки служили подойни-ками при дойке кобылиц.

Деревянная посуда, занимавшая видное место в утвари локайцев, не изготовлялась ими, а приобреталась у горных таджиков, преимуще-ственно каратегинцев. Объясняется это, повидимому, отсутствием поде-лочного материала на территории локайцев. Выделывалась она из оре-хового дерева (грецкий орех), ивы и тута (шелковицы). Перед употреб-лением приобретенную посуду для прочности смазывали зигирным (льня-ным) маслом и держали над огнем, пока масло не впитывалось. Упот-ребляли следующие виды деревянной посуды: большие блюда диамет-ром от 30 до 60 см и более и глубиной до 20 см (тобак); в них подава-лась как жидкая, так и густая пища, а также месилось и ставилось тесто; чашки (оёк) разных размеров для питья воды, кислого молока и кумыса, а также небольшого количества густой пищи; ложки (кашик), разливательные ложки (чүмич) и, наконец, маслобойки (күбү), в кото-рых приготавливали нередки и кумыс.¹

Из деревянных предметов следует еще отметить: скалку (ўклоу) в виде короткой и тонкой палки (длина 20—25 см, сечение — 1,5—2 см); сито (элек), на обруче его продельвалась треугольная дырка, в кото-рую вдевался шнурок, чтобы можно было подвесить сито за решетку юр-ты; решето (чиғил); крышку котла (қозон қопқок) и большую ступу (кели).

У локайцев часто употреблялась посуда из тыквы-горлянки (каду), приобретаемой также у таджиков. В такой посуде обычно заквашивали молоко, брали с собою в дорогу воду.

Легкие и удобные во время перекочевок предметы утвари изготовля-лись из чии и камыша: цыновки, крышки для котла, круги для пере-носки теста к очагу и лепешки от очага к дастархану — нон коп-коқ и т. п.

Металлическая утварь приобреталась на базаре или у местных куз-нецов и была очень немногочисленна: котел, кувшин, для кипячения чая (чойжуш), шумовка (капкерт), от таджикского кафгир, скребок в виде железной лопатки на деревянной рукоятке для соскабливания мякоти дыни с ее кожуры.

Утварь, изготовляемая из камня, была представлена следующими предметами: 1) таш-таба (каменная плита) для печения лепешек, приоб-реталась у таджиков, а локайские женщины сами шлифовали ее, обли-вая водой и скобля железной лопатой; 2) ступа, представлявшая собой большой камень (высотой 30—40 и более см), в котором выдолблено углубление. Пест делался из гладкого и продолговатого камня (қайрок). Подобная ступа, несомненно, заимствована от таджиков, у которых она распространена. В кишлаке Баглы-Шаршар Дагана-Киикского района нам пришлось встретить общественную ступу: на краю кишлака на по-

¹ У локайцев, в частности у бальджуанских, встречались и маслобойка «ҳала-меш» — бурдюк, висящий на треноге. Этот вид маслобойки распространен у ирано-язычных кочевых племен Северного Афганистана, а также у карлуков, мугулов и катаганов, большая часть которых проживает также в Северном Афганистане.

верхности большого камня были выдолблены 4 углубления и тут же лежало несколько кайраков; 3) ручная мельница (жоркинчак), которая также не отличалась от таджикской ручной мельницы (осиоби дасти). В условиях Локая, где из-за недостатка воды водяные мельницы были довольно редки, а в засушливое лето почти все они прекращали работу, значение ручных мельниц было велико.

С переходом к оседлому и полuosедлому образу жизни локайцы в большом количестве стали употреблять гончарную посуду. Она также приобреталась у таджиков — выменивалась на зерно.¹ Следует заметить, что войдя в быт локайцев, эта посуда сохраняла таджикские названия, причем локайцами употреблялись не все многообразнейшие ее формы, бытующие у таджиков, а лишь следующие виды: күзе — большой круглодонный кувшин с узким горлом и одной ручкой (для воды, зерна и мяса); күзечүк — небольшой стройный кувшин с узким длинным горлом и одной ручкой (для питьевой воды в комнате); обдастон — кувшин с водой для умывания; хурме — круглодонный горшок с коротким и широким горлом, невысоким венчиком и двумя маленькими ручками у горла в виде ушек, в которые продевался шнурок, чтобы можно было горшок подвешивать, употреблялся для масла и кислого молока, а также как подойник; хум — большая корчага для хранения зерна, встречался весьма редко; тогара — круглодонный таз с двумя ушками и тонкими стенками, служил для стирки белья. Со временем деревянная и кожаная маслoбойки стали вытесняться таджикской маслoбойкой, состоящей из большого горшка и тяжелой деревянной мутовки, приводимой во вращательное движение с помощью ремня.²

Фарфоровой посуды у рядовых локайцев не было. Только наукееры, по словам стариков, привозили себе фарфоровые чайники и чашки (пиала) из Самарканда и Коканда. Фарфоровая посуда связывалась непременно с чаепитием, а чай, как и чайная посуда, были доступны лишь зажиточным слоям населения.

Многочисленны были предметы утвари из войлока и шерстяных тканей: подстилки, различные мешки, переметные сумы и уже упомянутые сумки, вплоть до кошечных прихваток для снятия котла с очага. Такие прихватки (қозон түткүч) из красного войлока, например, мать дарила своей дочери при выдаче ее замуж.

Как и у казахов, у локайцев делались футляры для посуды, в частности для фарфоровых чайников у богатых людей делались футляры (теркеш) в форме чайника. Футляр делался из сукна, расшитого крестом, и на ситцевой подкладке. Чтобы футляр не терял форму, его проклеивали жидким тестом.

Пицца локайцев, как жилище и утварь, претерпела изменения в связи с переходом к земледелию. По мере расширения земледелия молочная и мясная пища все более стала заменяться пищей растительной, особенно в пищевом режиме бедняцкой части населения.

Различные виды молочной пищи приготавливались из молока коз,

¹ О таджикской гончарной посуде см.: Пещерова Е. М., Гончарное производство у горных таджиков, Известия Среднеазиатского Географического общества, т. XIX, Ташкент, 1929; она же, Поездка к горным таджикам, Краткие сообщения Института этнографии, III, М.—Л., 1947, стр. 42—48.

² Подробное описание см.: Пещерова Е. М., Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. По Таджикистану, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 45.

овец, коров, кобылиц и мало чем отличались от таковых у тех же казахов.¹

Молоко (сүт или просто ок — «белое»)² в натуральном виде локайцами употреблялось редко, обычно только детям давали кипяченое молоко. Наиболее употребительно было кислое молоко (котик), когда кипяченое молоко в теплом виде заквашивалось кислым молоком. Обычно таким путем заквашенное молоко сливали в желудок (бараний, козий или 1—2 летних телок) или же в бурдюк из слегка выделанной овечьей кожи. Желудок или бурдюк клали на низкий деревянный столик — подставку (чайла) или в блюдо и постепенно из пор бурдюка просачивалась сыворотка. Полученное таким образом более густое кислое молоко, в которое добавляли соль, называлось сүзме. В бурдюк или желудок ежедневно добавлялось кислое молоко. Из сүзме приготавливалось масло. Его выливали в маслобойку, добавляли воду и сбивали. Полученное масло редко употребляли в свежем виде в пищу, обычно его перетапливали (сары жоу) и оставляли на зиму. Пахтанье (чалап) являлось основной жидкой пищей бедноты в жаркое время года. Пахтанье сливали в мешок из шерстяного домотканого материала и вывешивали, чтобы стекла жидкость. Из оставшейся гущи делали сыр (курут) в виде небольших шариков (размером с яблоко) и сушили на солнце. Толченый и намоченный в воде курут составлял основную пищу, по словам стариков, особенно осенью и зимой, когда мало было кислого молока.

Существенное место в пищевом рационе локайцев занимал кумыс, особенно в весенне-летнее время, но при его приготовлении локайцы добавляли в кобылье молоко воду (1/3 часть), что, конечно, значительно снижало его питательность. Кобылиц, как правило, доили мужчины, как это было и у монголов, обычно табунщики. В бедных домах, где имелись всего 1—2 кобылицы, доили и женщины. Кумыс заквашивался кусочком овечьего или козьего желудка.

Как видим, молочные продукты не отличались многообразием. Кислое молоко и курут позже стали приправой к различным кушаньям, приготавливаемым из муки и круп, а на молоке стали готовить мучной кисель (бламик) и рисовую кашу (ширбиринж — таджикское название).

В зажиточных и байских семьях одним из основных продуктов питания являлось мясо. Наиболее употребительной была баранина. Баранов в байских хозяйствах предварительно откармливали ячменем. Козлятина, как мы уже упоминали, была особенно употребительна в летнее время. Говядину, как и конину, употребляли редко. Лошадей специально на мясо, по словам локайцев, никогда не резали. Объяснялось это, по-видимому, рядом причин. У окружающего населения и на внешнем рынке на лошадей был постоянно довольно большой спрос, и они стоили относительно дорого, поэтому было гораздо выгоднее, продав лошадь, покупать на мясо баранов. При теплой и короткой зиме не было особой необходимости делать большие запасы мяса, тем более, что локайцы постепенно утеряли умение коптить мясо, а заготавливали впрок его вяленным на солнце, или, предварительно пережарив, заливали салом. Даже колбасу, которую делали из свежей конины с луком и перцем (в тех случаях, когда бывали вынуждены зарезать старую или больную лошадь),

¹ См., например, Ф. Иельструп Ф. А., Молочные продукты питания турков-кочевников, Казахи, III, 1930, стр. 263—301; Потапов Л. П., Особенности материальной культуры казахов..., стр. 62—65.

² Молоко называлось ок — белое в знак почитания, чтобы не называть по имени.

проявляли на солнце. Эти способы консервирования мяса, повидному, диктовались климатом. Кроме того, локайцы считали, что в жаркое время (в Южном Таджикистане бывает жарко более половины года) употреблять конину вредно для организма, так как она, по их мнению, является «горячительной» пищей.

Мясо употреблялось локайцами преимущественно в жареном виде (куурмо). Когда резали барана или козла для угощения, то мясо готовилось следующим образом. Сам хозяин, но чаще кто-либо из близких мужчин (или несколько мужчин) резал, свеживал животное и резал все мясо и сало на небольшие куски и передавал женщинам. В большом котле растапливалось все сало, затем вынимались выжарки, частично съедаемые тут же у котла. В этом сале пережаривалась часть внутренностей (сердце, легкие, печень, часть кишек) и тут же подавалась гостям. Затем в этом сале отдельными порциями (в 2—3 приема) жарилось мясо — нарезанные на куски передняя и задняя части и грудинка. Что касается спины и шеи, то они вместе с головой, ножками и оставшейся частью внутренностей (желудок, обвитый кишками, называемый чўргўм), варились в другом котле.

Обычно в бедных домах, чтобы сохранить для себя сало, мясо нарезанного животного подавалось гостям не в жареном, а в вареном виде.

По мере развития земледелия чисто мясные блюда стали употребляться непременно с хлебом. Прежде, чем накладывать в блюдо мясо (будь то жареное мясо или вареное вместе с бульоном), предварительно крошилась лепешка. Лепешка пропитывалась жиром, стекшим с мяса, или бульоном, и съедалась вместе с мясом. Часто готовился суп из жареного впрок мяса. Такой суп, в отличие от бульона из свежего мяса (хом шўрпо), назывался куурмо шўрпо.

Старики подчеркивают, что бедноте трудно было пережить зиму, особенно в тот период, когда земледелие еще не было развито. Рассказывают, что будто матери, чтобы успокоить плачущих голодных детей, сыпали жареные пшеничные зерна на подстилку из овчины и дети целыми днями выбирали эти зерна и переставали плакать. Позднее, когда стали больше засеивать хлеба, беднота все равно не могла свести концы с концами. Они не могли печь ежедневно хлеб и основную пищу их составляла орпа-кўжа — жидкая кислая каша из толченых ячменных зерен, которую ели в холодном виде.¹

К мучным блюдам, приготовляемым бедняками, относятся еще затируха на молоке (ўмоч), лапша (кескен ош), заправленная кислым молоком или курутом, и мучной кисель на молоке (бломик).

Рис могли приобретать лишь состоятельные люди. Только у них готовились такие кушанья, как рисовая каша и плов.

Весьма существенное место в пищевом режиме локайцев занимали дыни. Они выращивались без полива, особого ухода не требовали и отличались большой сахаристостью. Их в большом количестве заготавливали на зиму преимущественно в следующем виде: в котле в небольшом количестве воды заваривали муку, а затем, помешивая ее и все время добавляя дынную мякоть, непрерывно кипятили в течение суток. В результате получалась густая темная патока. Ее выливали на дынные корки и оставляли подсохнуть. Затем корки отделяли и выбрасывали, а лепешки из патоки — қора гўлче (от «қора кўлче» — черный хлебец) до-

¹ Как отмечает Н. Г. Маллицкий, коджа из проса составляла главное кушанье казахской бедноты в степях Казахстана, Ук. соч., стр. 128.

сушивали на цыновке. Зимой их толкли вместе с курутом, заливали водой и маслом (кунджутным или топленным) и, подогрев, ели. Это являлось одним из самых лакомых блюд, которое, по выражению одного старика, «можно было есть целый день и не наесться».

Дыни сушили на солнце, нарезав их ломтями (қоун қоғи). Из мякоти свежих дынь с добавлением небольшого количества муки варили кисель (хўлмўнди).

Виды печеного хлеба были немногочисленны. На каменной сковороде выпекались лепешки как из пресного, так и из кислого теста. Лепешки из пресного теста были двух видов: очень тонкие (жўпка), специально для заливания их бульоном, или толщиной в 1—1,5 см — патир. В зимнее время, когда топился очаг сандала, пекли мелкие пресные лепешки (кўлче), прилепив их к стенке очага.

Изделия из теста употреблялись и в жареном виде: тонко раскатанные лепешки из кислого теста, жареные в масле, назывались сўзмо, а жареные кусочки пресного теста назывались чегильдек.

С развитием земледелия животные жиры в значительной степени стали заменяться растительным маслом — льняным (зигир) и кунджутным (кўнжўт). Постепенно стали употребляться в пищу и бобовые: горох (нўхот), фасоль (лобия) и маш. Сами локайцы, за редким исключением, овощей не выращивали, а поэтому и ели их очень мало. Только состоятельные люди покупали овощи систематически (лук, морковь, перец, тыква). Отсутствие огородов объяснялось прежде всего недостатком воды.

Из съедобных диких растений и диких плодов следует указать фисташки (псте), каперцы (кеул), плоды которых употреблялись перед созреванием, и одуванчик (қоқининг гўли, листья и стебли едят с солью), ревень (кермек).

Что касается одежды локайцев, то она в основном была сходна с одеждой окружающего тюрко-таджикского населения, отличаясь лишь в деталях, на которых мы не имеем возможности останавливаться.

Мужская одежда состояла из двух халатов (одного легкого из грубого плотного домотканного хлопчатобумажного материала, другого — стеганного на вате), просторных штанов на вздержке. Зимой еще надевался чекмень — халат из домашнего сукна. Зажиточные носили рубахи из алачи, а бедные — указанный легкий халат надевали на голое тело. Подпоясывались платком, сложенным треугольником, а в пути и в зимнее время — куском материи длиной до 6 м и шириной в одно полотнище. На ногах носили полусапожки (муки)¹ из козлиной кожи своей выделки, на широкой подошве, без каблучков и с острым носком. Ноги обматывались узкими портянками и такими же обмотками. На голове носили тюбетейку и чалму.

Табунщики, когда объезжали молодняк, а также джигиты на козлодранье надевали широкие яркожелтые шаровары из кожи или плотного домотканного хлопчатобумажного материала. Они надевались поверх халатов. Сбоку в низу штанины, покрытой вышивкой, имелся небольшой разрез.²

¹ Описаны у И. И. Зарубина, Обувь горных таджиков долины Бартаньга, Сборник МАЭ, III, 1915, стр. 89—90.

² Подобные казахские штаны изображены в известной картине художника Верещагина «Охотник с беркутом». Как указывает Варыгин, в Кулябе на базаре, в лавке конской сбруи и шитья попон, «из выделанной кожи бараньей или козлиной шьют желтые узбекские шаровары, расшитые разноцветными шелками затейливым рисунком». (Опыт описания Кулябского бекства, стр. 775).

Рис. 14. Чабан локаец. Фото П. Г. Чучева.

Рис. 15. Девочка в праздничном наряде. Фото П. Г. Чучева.

Женская одежда состояла из широкой и длинной рубахи, таких же штанов на вздержке и теплого халата (зимой). На голове носили легкий платок (белый — у замужних женщины, преимущественно красный — у молодух и девиц). Замужние женщины, когда выезжали за кишлак, накидывали на голову легкий короткий халат. На ногах женщины носили кожаные туфли с острым носком, низким задником и на каблуках. Женщины из зажиточных семей в зимнее время надевали туфли поверх ичигов.

Рис. 16. Локайка с сыном в праздничном наряде. Фото П. Г. Чучева.

Заканчивая краткий обзор домашнего быта локайцев в недалеком прошлом, следует отметить, что он отражал ту переходную стадию от кочевого к оседлому образу жизни, которую переживало это племя, начиная, примерно, со второй половины прошлого века. Изменения в производстве привели неизбежно к изменениям в быту. Вместе с земледелием были восприняты от оседлого, преимущественно таджикского, населения и орудия труда, форма и конструкция жилищ, предметы утвари, обряды, связанные с земледелием и т. п. При этом заимствование происходило не механически, а шло путем творческой переработки, освоения и приспособления к своим привычным прежним вкусам и понятиям.

Из этого обзора видим также и некоторые связи локайцев с кочевыми ираноязычными племенами Северного Афганистана (хазара, белуджи, джемшиды и др.), что следует считать вполне естественным, т. к., живя по-соседству, локайцы общались с этими племенами. Богатые овцеводы из этих племен нередко на лето перекочевывали на высокогорные пастбища современного Таджикистана, перегоняли скот для продажи в Ферганскую долину. Контакт между локайцами и упомянутыми выше племенами наблюдался и тогда, когда часть этих племен перекочевывала на длительное время из Афганистана на правый берег Пянджа, ища облегчения от тяжелых условий жизни под игом феодальных правителей Афганистана. Не исключена также возможность, что, как думают сами локайцы, культурно-экономическое общение их с перечисленными племенами существовало в те времена, когда локайцы являлись ветвью племени катаган и жили по ту сторону Пянджа.

Более обстоятельное этнографическое изучение локайцев вообще и их пищи, жилищ, одежды, украшений, вышивки и изобразительного искусства в особенности, может дать много ценного материала для понимания истории не только локайцев и других тюркоязычных племен современного Южного Таджикистана, но и таджиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончив историко-этнографический очерк о жизни локайцев в связи с их основным хозяйственным занятием — животноводством, мы считаем необходимым коснуться, хотя бы кратко, современного состояния культуры и быта этой части узбеков. Отчетливо сознавая, что этот вопрос должен быть предметом специального изучения и публикации, мы в нашем небольшом заключении сообщим лишь самые общие сведения, чтобы дать читателю некоторое представление о жизни локайцев в условиях советского государственного строя в составе Таджикской ССР.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции в области хозяйства, культуры и быта узбеков-локайцев произошли крупные изменения, отражающие большие достижения локайцев в экономическом и культурном развитии. Надо сказать, что строительство новой жизни началось у локайцев в весьма трудных условиях. Хозяйство их было разорено басмачеством. Значительная часть трудового населения, скрывавшаяся в горах от басмачей или насильственно угнанная басмачами в Афганистан, лишь постепенно возвращалась в родные места. Советское государство оказывало локайцам постоянную и систематическую помощь с момента установления у них Советской власти. Советское правительство не только освобождало разоренных трудящихся локайцев от налогов, но выдавало им различные ссуды и кредиты как безвозвратные, так и долгосрочные для приобретения скота, сельскохозяйственного инвентаря, для постройки домов и т. д. Были созданы материальные условия для перехода локайцев на оседлость, что в свою очередь являлось необходимым условием для экономического и культурного развития народа. Локайцы стали жить оседло в постоянных кишлаках и ведущее место в их хозяйстве заняло земледелие. Находясь на территории Таджикской ССР, локайцы, благодаря Советской власти, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, окружены вниманием и заботой Коммунистической партии и правительства Таджикистана наравне с таджиками и другими национальностями, населяющими Таджикскую республику. В этих условиях, в атмосфере дружбы народов, воспитанной в трудящихся массах великой Коммунистической партией, узбеки-локайцы чувствуют себя равноправным членом дружной семьи различных национальностей, населяющих Таджикистан, и с большим энтузиазмом и трудолюбием участвуют в общем деле построения коммунизма в СССР.

В числе важнейших хозяйственных задач локайцев восстановление и дальнейшее развитие животноводства заняло видное место с момента установления мирной жизни. Но осуществление этой задачи по настоя-

Щему стало возможным только с созданием крупного социалистического хозяйства в виде совхозов и колхозов. Коллективизация сельского хозяйства проходила здесь в своеобразных условиях. Известно, что в Таджикистане земельно-водная реформа не проводилась, как это было в других частях Средней Азии, поэтому значительная часть скота, как и земли, вплоть до коллективизации оставалась в руках феодально-байской верхушки. По мере развития совхозного и колхозного строительства и ликвидации эксплуататорской верхушки, основная масса скота у локайцев сосредоточивалась в совхозах и колхозах. Социалистическая собственность была установлена на пастбища, пахотную землю и скот. Это не только подорвало основу для эксплуатации трудящихся локайцев феодально-байскими элементами, но привело к полному уничтожению ее. В связи с этим исчезла и почва для вражды между племенами и народностями. Быстрыми темпами стали развиваться не только хозяйство, но и культура локайцев.

В настоящее время локайцы объединены в коллективные хозяйства часто совместно с таджиками, карлуками, катаганами и другими.

Локайские колхозы по направлению хозяйства можно разделить на два типа: 1) в зоне богарного земледелия расположены колхозы, ведущие зерновое хозяйство наряду с высокоразвитым животноводством; 2) в колхозах, расположенных в зоне орошаемых земель в долинах рек, ведущее место занимает хлопководство. В этих колхозах обычно имеются и посевы зерновых на богаре, а также различные животноводческие фермы. Большинство локайских колхозов относится к первому типу, т. е. является по направлению сельского хозяйства земледельческо-животноводческими, в которых земледелие имеет зерновое направление. Но за последние годы даже в колхозах, расположенных более, чем в 40—50 км от поливных земель, стали отводиться поливные участки под посев хлопка. Эти участки обрабатываются специальной бригадой, члены которой даже полностью переселяются к участку, т. к. хлопковое поле требует внимания почти в течение всего года. Кроме того, в колхозах богарной зоны также за последние годы начали распространяться посевы неполовного хлопка.

Таким образом, все локайские колхозы в настоящее время ведут многоотраслевое хозяйство. Животноводство теперь составляет в них лишь одну из отраслей и организовано в специальные коневодческие, овцеводческие и молочные товарные фермы.

Хотя большинство поголовья скота содержится в течение круглого года на подножном корму, однако современное социалистическое отгонное животноводство локайцев резко отличается от старого кочевого и полукочевого. Можно отметить следующие основные черты нового локайского колхозного животноводства: 1) социалистическая собственность на пастбища и скот, сочетающаяся с единоличной собственностью колхозников на скот; 2) распределение и закрепление пастбищ за коллективными хозяйствами; 3) кормление и уход за скотом по научно-разработанной системе; 4) заготовка корма на зимнее время для стойлового содержания и создание зимних страховых запасов корма для тебенюющего скота; 5) хорошо налаженное современное зоотехническое и ветеринарное обслуживание; 6) применение социалистической техники в животноводстве, облегчающей труд человека; 7) социалистические формы организации труда в животноводстве; 8) увеличение продуктивности скота (по надою, настригу шерсти, нагулу и т. д.).

На основании статьи 8-й Конституции СССР колхозам навечно

и бесплатно переданы земля и пастбища. Кроме того, большие и богатые пастбищные массивы составляют государственный фонд и распределяются между районами республики Министерством сельского хозяйства Таджикской ССР. При упомянутом министерстве существует специальный пастбищно-мелиоративный трест, который не только проводит учет, геоботаническое обследование и планомерное распределение богатейших пастбищ Таджикистана, но и организует мероприятия по восстановлению и дальнейшему улучшению пастбищ (путем правильного их использования, борьбы с сорняками и т. д.), а также по улучшению путей перегона скота на сезонные пастбища.

Районы локайского расселения, расположенные к западу от Вахша (Дагана-Киикский, Яванский, Кокташский, Куйбышевский и южные районы Вахшской долины), получили летние пастбища в основном на хребте Петра Первого, включая известное урочище Тубчак. Районы же Кулябской области, в том числе и районы локайского расселения, получили пастбища на хребтах Дарвазском и Вахшском и их отрогах.

К настоящему времени большое количество жителей горных теснин (преимущественно таджики) переселились в долины рек Вахша, Кзыл-Су и Ях-Су, где они возделывают длинноволокнистые сорта высокорентабельного хлопка. Коммунистическая партия и правительство Таджикской ССР оказали большую помощь горным жителям при переселении их из старых мест обитания, из горных теснин, где они с большим трудом могли выискивать и обрабатывать небольшие участки пригодной земли. В результате этого переселения в высокогорных районах освободились значительные массивы земель, пригодных для выпаса скота, что создает большие возможности для развития животноводства. Вопрос с обеспечением стад осенне-зимне-весенними пастбищами также успешно разрешается. Несмотря на то, что долины рек и речные террасы теперь отведены под посевы хлопка и, таким образом, значительная часть пастбищ сокращена, оставшиеся пастбища вполне способны обеспечить потребности растущего животноводства. Развитие сенокосения, правильное использование выделенных пастбищных участков отдельными колхозными хозяйствами, травосеяние, борьба с сорняками и т. п. мероприятия позволяют на тех же пастбищах содержать гораздо больше скота, чем при экстенсивном бесплановом стравливании их.

За последние годы проводится не только распределение сезонных пастбищ между отдельными хозяйствами (совхозами и колхозами), но и закрепление их за последними, чтобы каждое хозяйство было заинтересовано в улучшении своих пастбищ, вкладывало бы определенные средства и планировало бы использование пастбищ на много лет.

Таким образом, социалистическая собственность на пастбища и скот создала неограниченные возможности для увеличения поголовья скота и улучшения его продуктивности. Наличие таких выдающихся пород, как гиссарская овца и локайская лошадь, богатых пастбищ и потомственных мастеров-животноводов позволяют Таджикистану стать одной из передовых республик в СССР и в области животноводства.

Животноводческие фермы локайских колхозников отличаются многочисленностью поголовья скота. Коневодческие фермы характеризуются большой товарностью: часть поголовья сбывается колхозам и государственным учреждениям, в частности военным. В локайских колхозах фермы укомплектованы преимущественно лошадьми локайской породы. Лучшие фермы выделены как племенные и, наряду с 41-м конным заводом, Кокташским государственным племенным рассадником и тремя государственным

ными заводскими конюшнями (ГЗК), снабжают колхозы племенными производителями. На колхозных конефермах и на конезаводе локайская лошадь разводится в чистопородном виде, так как лучшие представители ее отвечают высоким требованиям, предъявляемым к ней народным хозяйством Таджикской республики. Локайская лошадь может использоваться не только под верх и вьюк, но и в упряжи, а также для сельскохозяйственных работ в хлопководческих районах. Дальнейшая селекционная работа над локайской лошадью ведется, с одной стороны, в целях доведения основной массы поголовья до показателей лучших, а, с другой, в целях улучшения породы в смысле повышения ее грузоподъемности, выносливости и увеличения роста.¹

Для характеристики локайской колхозной конефермы сошлемся на ферму колхоза «Правда» Дагана-Киикского района.²

Этот колхоз является типичным для земледельческого зернового и животноводческого направления хозяйства. Конеферма была организована в начале 30-х годов, т. е. в первые же годы коллективизации. В момент организации в ней было всего 18 лошадей. В 1938 году на ферме было уже 215 голов, помимо проданных и переданных в армию. В 1940 г. табунщик (ныне зав. фермой) 65-летний старик Чаубай Юлдашев ездил в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку с питомцем своей конефермы жеребцом Асау-туры. На следующий год ферма вновь была представлена на выставке.

Конеферма с честью выдержала испытание Великой Отечественной войны. Она систематически сдавала в армию кавалерийских лошадей и сумела сохранить количество и качество поголовья.

Маточный состав и молодняк в благоприятные годы содержатся почти круглый год на подножном корму, их подкармливают преимущественно сеном, лишь в зимний период. Производители и рабочие лошади зимой находятся на стойловом содержании. Производители получают усиленную подкормку в течение трех месяцев перед случной кампанией, а рабочие лошади получают подкормку в виде ячменя в течение всего года.

До 1947 г. лошади фермы летом паслись на пастбищах Ранген-Тау, а с 1947 г. стали отгоняться на Тубчак — высокогорные (3500 и более метров над уровнем моря) ковыльно-типчаковые степи на хребте Петра Первого, т. е. на расстояние более 300 км от колхоза. Этот путь лошади совершают в течение 10 дней при подъеме вверх и в течение 20 дней — осенью при возвращении. На летовку отправляются в середине июня. Перегон бывает довольно трудным и обычно не обходится без потерь. Трудность представляет плохое состояние пути, по которому перегоняется скот. На большей части путь этот совпадает с автотрассой, по которой идет оживленное движение. Дорога проложена вдоль реки Сурхоба по крутым горным склонам и скалам. Обычно с одной стороны дороги высится каменная многометровая стена, а с другой — пропасть, на дне которой бурлит река. Местами встречные машины с трудом могут разве-

¹ Буденный С. М., О племенной работе в коневодстве и коннозаводстве, Коневодство, № 4, 1949, стр. 8; Шекин В. А., Первоочередные мероприятия по улучшению транспортного животноводства Таджикистана, Сельское хозяйство Таджикистана, № 26, 1948, стр. 32; Солдатенков Н. И., Локайская порода лошадей, Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР, вып. XXI, 1949.

² Ныне колхоз «Правда» объединен с соседним колхозом им. Ворошилова. Наши материалы относятся к 1950 г.

хаться. И вот по этой трассе с непрерывным автомобильным движением прогоняется несколько миллионов голов скота.

Трудность перегона в значительной степени усугубляется недостатком корма дорогой. Подкормочные площадки не удовлетворяют и десятой части прогоняемого скота. Колхозы, расположенные вдоль трассы, нередко, вопреки постановлению Министерства сельского хозяйства, производят посевы вдоль самой трассы. Несмотря на бдительность чабанов и табунщиков, бывают случаи отравы полей проходящим скотом. Местные колхозники и районные власти обычно пытаются взимать штрафы за отраву. В результате недостатка корма приходится гнать скот быстро, несмотря на сильный подъем, что, несомненно, отражается на состоянии животных, особенно молодняка. На пастбище скот поэтому приходит нередко истощенным.

Расширение подкормочных площадок, а со временем и проведение особого скотопргона должны в недалеком будущем избавить животноводов от указанных трудностей.

Как уже отмечалось, каждая ферма имеет страховые запасы корма. Для лошадей, находящихся на выпасах и достаточно снабженных кормом, нет необходимости в теплых помещениях.

Следует отметить, что до сих пор в некоторых колхозах не всегда благополучно проходит зимовка. Случается, что руководители колхозов, надеясь на теплую зиму, не заготавливают своевременно достаточного количества сена, и если расчеты таких руководителей в отношении погоды не оправдываются, это тяжело отражается на поголовье скота. Организация машинно-животноводческих станций внесла коренной перелом в дело заготовки кормов.

Каждая животноводческая ферма обслуживается в централизованном порядке зоотехниками и ветеринарными работниками, а наиболее крупные из них имеют своих ветеринаров и зоотехников. Зоотехническое и ветеринарное обслуживание колхозных животноводческих ферм является одной из отличительных черт современного животноводства локайцев. Обязанности зоотехников и ветеринаров многообразны и нет необходимости перечислять их в нашей работе. Укажем лишь, что колхозные животноводы с большим доверием относятся ко всему тому новому, что вносят в общую работу специалисты, так как сама жизнь, практика каждый раз убеждают их в правоте науки. Например, еще лет 5 тому назад нам приходилось наблюдать, как некоторые старые чабаны и табунщики неодобрительно относились к применению метода искусственного осеменения, считая, что вмешательство человека в естественные акты греховно и не может способствовать быстрому размножению стад. Но уже теперь, спустя всего 4—5 лет, пункты искусственного осеменения широко распространились и не вызывают недоверчивого отношения, наоборот, колхозники поняли их пользу в деле быстрого улучшения породы скота.

Весьма важную роль в деле испытания лошадей с целью выявления лучших играют конно-спортивные состязания. Систематически проводятся районные, межрайонные, областные и республиканские скачки. Каждая племенная колхозная ферма выделяет лучших представителей молодняка для содержания в тренконюшнях при ипподромах. В колхозах же подготовка коней к состязаниям ведется обычно по тем старым методам, которые были нами описаны. Скачками и спортивными играми сопровождаются не только семейные тои, но и революционные праздники и другие народные торжества.

Овцеводческие фермы в локайских колхозах нередко насчитывают несколько тысяч голов овец. Разводится преимущественно гиссарская порода. Овцы большую часть года содержатся на подножном корму и под открытым небом. За последние годы распространились крытые загоны или кошары, куда овцы загоняются в непогоду. На зиму делаются страховые запасы сена и отчасти ячменя. Большинство описанных нами в главе о дореволюционном животноводстве методов пастбы, выработанных в течение многих веков народом, применяются еще и в настоящее время. В лучших фермах ведется углубленная племенная работа специалистами-зоотехниками госплемрассадников. Большую роль в работе колхозных ферм по улучшению качества овец и в применении новых методов разведения и ухода играют совхозы.

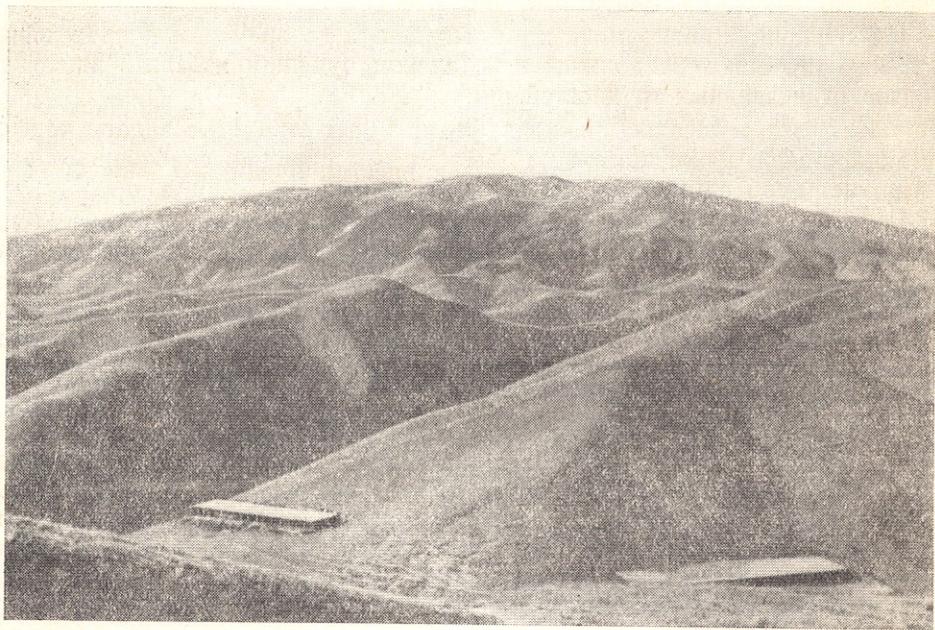

Рис. 17. Крытые загоны для овец на зимних пастбищах. Фото Н. В. Темнова.

Существенные изменения произошли в содержании и уходе за крупным рогатым скотом. В зимний период крупный рогатый скот получает достаточно подкормки. Содержится он в специальных хлевах, причем фермы, как правило, имеют 4 рода помещений: 1) для коров и телок, 2) для бычков, 3) для телят и 4) для рабочих волов. Каждый вид из перечисленных животных имеет соответствующие ясли.

Летом молочные фермы со всем обслуживающим персоналом и оборудованием выезжают на летовку, обычно в более высокие части окрестных гор. Так, например, молочные фермы Дагана-Киикского и Яванского районов на лето выезжают в горы Ранген-Тау, где раньше пасли только лошадей и байских коров. Это стало возможно теперь потому, что лошади стали отгоняться на высокогорные пастбища, освободились выпасы для крупного рогатого скота.

В связи с приведенными данными по разведению крупного рогатого скота, необходимо упомянуть о силосе. К сожалению, силосование

кормов еще не нашло должного места в животноводстве локайцев, но работы по внедрению силосования дикорастущих, а также опыты по выращиванию кормовых растений для силоса, ведутся в широких размерах и в недалеком будущем, несомненно, силосование займет подобающее ему место.

Необходимо отметить также, что в Таджикистане работает большой коллектив научных работников в ряде учреждений (Институт животноводства Академии наук Таджикской ССР, Таджикский сельскохозяйственный институт, Зооветеринарный техникум, Госплемрассадники, Конный завод и т. д.) над первоочередными проблемами животноводства республики, такими, например, как улучшение шерстности гиссарских овец, повышение продуктивности крупного рогатого скота и т. д. В этом нельзя не видеть залог успешного дальнейшего развития животноводства, в том числе и локайского.

Коренным образом изменились условия труда и быта современных табунщиков, чабанов и пастухов в колхозах и совхозах. Это не забытые, невежественные люди, вечно гнувшие спину перед баем, а свободные люди творческого труда, работающие с сознанием полезности своего дела. Теперь это люди всеми уважаемые, выдающиеся достижения которых отмечаются не только своим колхозом, но и государством. Среди локайских животноводов немало орденоносцев, есть и Герои Социалистического Труда. Стоит посетить ежегодно проводимый в столице республики — Сталинабаде съезд передовиков животноводства, посмотреть на энергичных, жизнерадостных, нарядных и деловых людей, приехавших с рапортом о своих достижениях и для обмена опытом, чтобы преисполниться гордостью и радостью за советского человека.

Колхозы проявляют постоянную заботу о том, чтобы табунщики и чабаны были обеспечены жилищем (на летних пастбищах они имеют палатки, а зимой табунщики живут дома, а для чабанов строятся теплые помещения), теплой одеждой и питанием, им выделяются лошади и ослы для перевозки вещей и для езды и т. д.

На высокогорных летовках устанавливаются радиостанции, приезжают агитаторы, привозится почта и, таким образом, на далеких пастбищах табунщики и чабаны не чувствуют себя оторванными от общей жизни своего колхоза, республики, страны.

Характерной чертой быта локайцев-животноводов, как и вообще локайцев-колхозников, является их материальная обеспеченность. Труд колхозных животноводов хорошо оплачивается.

С удивлением и любопытством слушает теперь молодежь рассказы стариков о тех временах, когда на весь кишлак бывала одна пара сапог и один приличный халат. Этот халат и сапоги иногда выпрашивали для жениха на время поездки за невестой. В настоящее время колхозники локайцы получают высокую оплату за трудодни, выработанные в колхозном производстве. Но кроме этого основного заработка локайцев-колхозников большое подспорье в их жизни имеет и небольшое личное хозяйство. Колхозники обычно имеют в личном пользовании 1—2 коровы, 2—3 ослов, 1—2 лошади и несколько десятков коз и овец. Кроме того, они имеют приусадебные участки, засеваемые бахчевыми и зерновыми — в богарных, огородными культурами и садом — в орошаемых районах.

Большие изменения произошли в домашнем быту локайцев. В настоящее время локайцы живут оседло в кишлаках и глинобитных домах, крытых двухскатной кровлей. Причиной полного, относительно быстро-

Рис. 18. Локайка-колхозница в праздничном наряде. Фото П. Г. Чучева.

го и одновременного исчезновения юрт, по мнению самих локайцев, послужило то страшное разорение, которое было принесено им в свое время басмачеством. Басмачи сжигали целые аулы, угоняли людей, скот и т. д.

Современные локайские дома по конструкции своей мало отличаются от прежних, но просторны, опрятны, хорошо оштукатурены, нарядно убраны. Все чаще появляются застекленные окна, железные печи или даже плита с обогревателем, мебель. Из мебели прежде всего появляется кровать, а затем стол и стулья. За столом еще не едят, а он служит письменным столом. Едят на полу на дастархане. Посуда самая разнообразная, фабричного производства, уже давно прочно вошла в быт. Одежда локайцев в основном сохраняет описанные нами национальные черты, но охотно носят и готовое платье городского покроя. Одежда, в частности мужская, в подавляющем большинстве случаев представляет собой самые причудливые сочетания местных национальных элементов с городскими. Жепская одежда шьется преимущественно из сатина и шелка.

Мы не имеем возможности описать все те изменения, которые произошли в локайском колхозе. Если до революции грамотные люди среди локайцев встречались лишь в виде редкого исключения, то в настоящее время неграмотность среди них совершенно ликвидирована. Нет колхоза, где не было бы школы. Школа — это лучшее здание в кишлаке. Большинство учителей — локайцы. Во многих колхозах таджикско-узбекские школы, так как население смешанное. Правительство Таджикистана предоставляет полную возможность локайцам учиться на родном языке. В Таджикистане издаются учебники и книги для узбекских школ, а также многочисленные газеты и журналы на узбекском языке. Районные газеты обычно печатают материал на двух языках. Почти во всех колхозах имеются клубы, кружки самодеятельности, библиотеки, медицинские пункты. Теперь нам, советским людям, все это кажется нормальным, обычным, неотъемлемой частью колхозной жизни. Но не следует забывать, что еще в недалеком прошлом локайцы были кочевниками, считавшимися «диким разбойничьим племенем».

В среде локайцев выросла собственная советская интеллигенция, в том числе из женщин. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, ибо женщина в условиях старого локайского быта, несмотря на большое значение ее труда, была угнетена и принижена господствующей классовой верхушкой во главе с фанатичным духовенством, жестокими обычаями и религиозными предрассудками.

Огромную роль в росте культуры и зажиточности локайцев играет переселение их в районы орошаемого земледелия, в частности в известную Вахшскую долину, где за годы первой и второй пятилеток была сооружена одна из крупнейших в Союзе оросительных систем. Обширные пространства ранее заболоченных земель осваиваются также и в долине рек Ях-Су и Кзыл-Су. В этих вновь освоенных землях, как правило, колхозы многонациональные. Таджики, узбеки (в том числе и локайцы), туркмены, казахи, киргизы, русские, татары и различные мелкие этнические группы (арабы, белуджи, хазара, лярхоби и др.) работают в одном колхозе, живя дружной трудовой семьей и обогащая культуру друг друга в результате совместного творческого труда. Не осталось и следа от былой, веками насаждавшейся эксплуататорским классом, межнациональной и межплеменной вражды.

Рис. 19. Учитель локаец с родителями-колхозниками и сестрой.
Фото П. Г. Чучева.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о развитии сельского хозяйства нашей страны, о росте благосостояния народа и его культуры многонациональные колхозы Южного Таджикистана, как расположенные в горах и предгорьях, так и на вновь освоенных землях, приумножают свои богатства, развивают свое многоотраслевое хозяйство.

Историческое решение сентябрьского Пленума ЦКПСС вдохновило колхозников к еще большему творческому подъему.

Самоотверженный вдохновенный труд приведет к еще более великим преобразованиям жизни народа, к еще большему расцвету колхозов и культурному росту людей.

Лакай

эсен-хоца

бадрағлы

күрдөк

морын
ақ-сары
утарчы
үздөн
туяңи
күл-бөчө
мырсаул
алтмыш
малыш
күнту
құлмбет

1

қармыш
мулла-бөчө
мадыр-бөчө
яшылдық-бөчө
бай-қуңғар

қазылай
келекөл
парча
қуңус
кетте мерген
киш мерген

2

түққанды
башқап
абдал
алты-бай
қазық
қакд
қара-тума

малай
бүсай-туяңи
қадығер
келбди-дек
бақы-бөчө
нор-бөчө
малмыш

али-бөчө
бахты-бөчө
зоғамьяр

дедетер
серке
үгеш
қай-қалты

3

буура
самарқанди
қызылы
күчек

4

ақна-хоца
бай-хоца

қара-құл

әлладу-хасан
әлладу-назар
ақ-баш
бай-сөца
қанқұл
бешқуруқ
бүдене
қонур

эсе-бай
бай-малыш
қырқ-садақ
буранай

заяра-туяң
ақ-бүзәу
қара-сырақ

сақсу
ғұлы-мүрза-бөчө
қадығер
тырқия

эбедәктүган
эбйле
қаннанан-туган
қарыдан-туган
ақ-чанақ
ғилдан-туган
туғлыдан-туган
Азамдан-туган

усул-бөчө
уроз-бөчө
алым-бөчө
мурат-бөчө
сары-бөчө
хелте-бөчө
шақсым-бөчө
кичисан

адлае
қан-хур

байрам

түрт-ата
шәкәй
дөбөт
чөгәмә

Эск-бай
бай-талыш
күрәк-садақ
Бүранай

5
чаулы-мурат
ақ-чанақ

палбан
теңгә-берәли
худай-берәли
алпа-берәли

6
ақ-дөбөт
қара-дөбөт
ақ-чура
хәйвәт
бүргәнгәл

эбләди-хүсән

чырқырауық
қаззақ
чуяға
азәу

қутыр
чүлей
келікәй
рысай
қазанай

тинал
чәм-пұлат
бедель
қара-тайақ

саркөч
чубурма
тентек-айпад

түрт-оул

учуул
сұюнаук
бүрунаук
чал
күсе
гүргәру

эбләди-турғы
эбләди-қар
элетән
қара-мурча
қара-сүйрақ
ЧӘМӘН
МРАЗ

7
құлб
сақалы
Аусай

сары-мраз

чадеуэ

8
қунғыр-мана

чалпуш

сары-чал
қуқи
қый-теңме
қарақа

кичкене

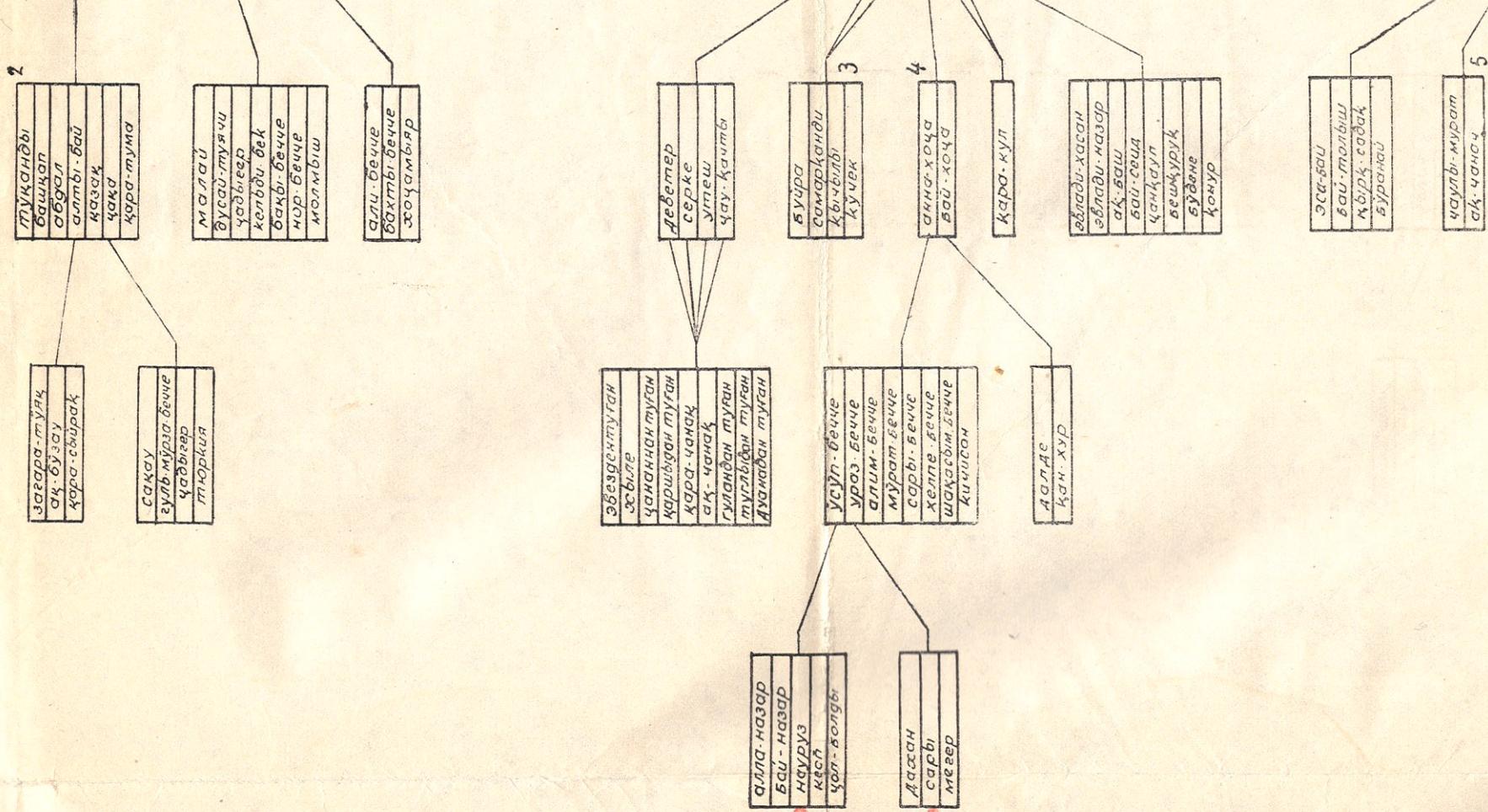
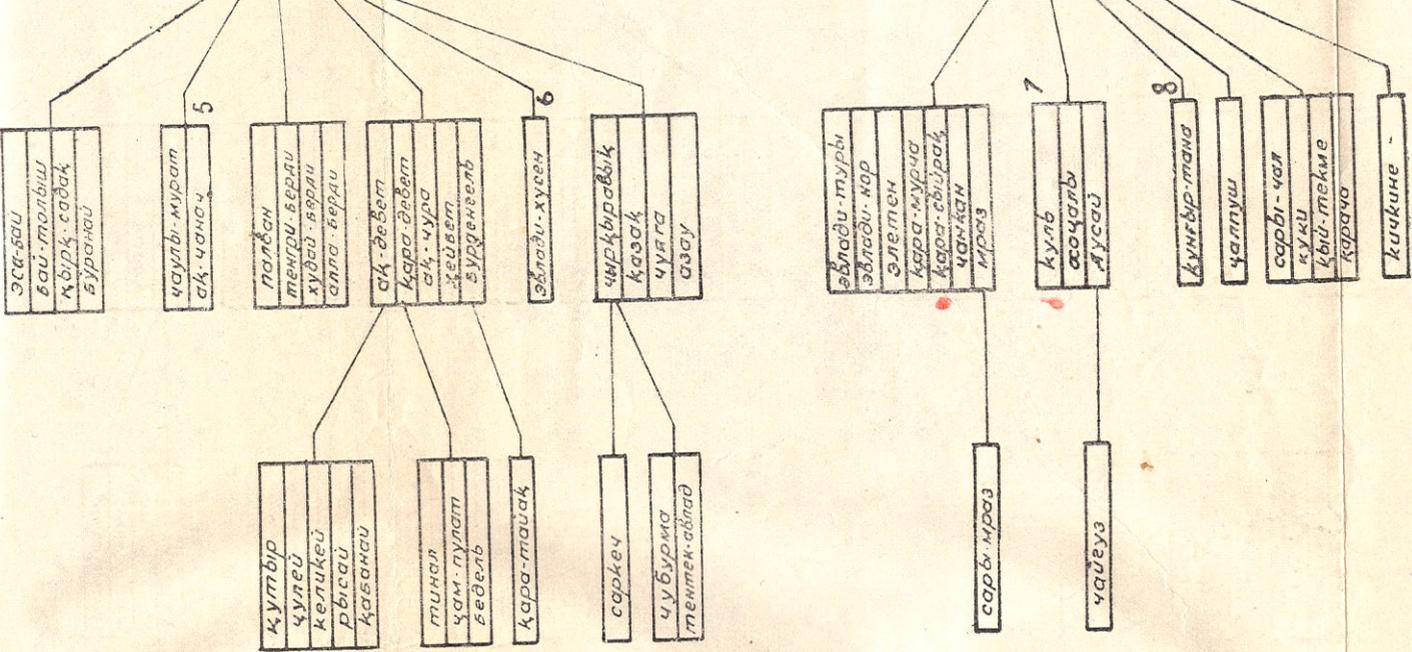
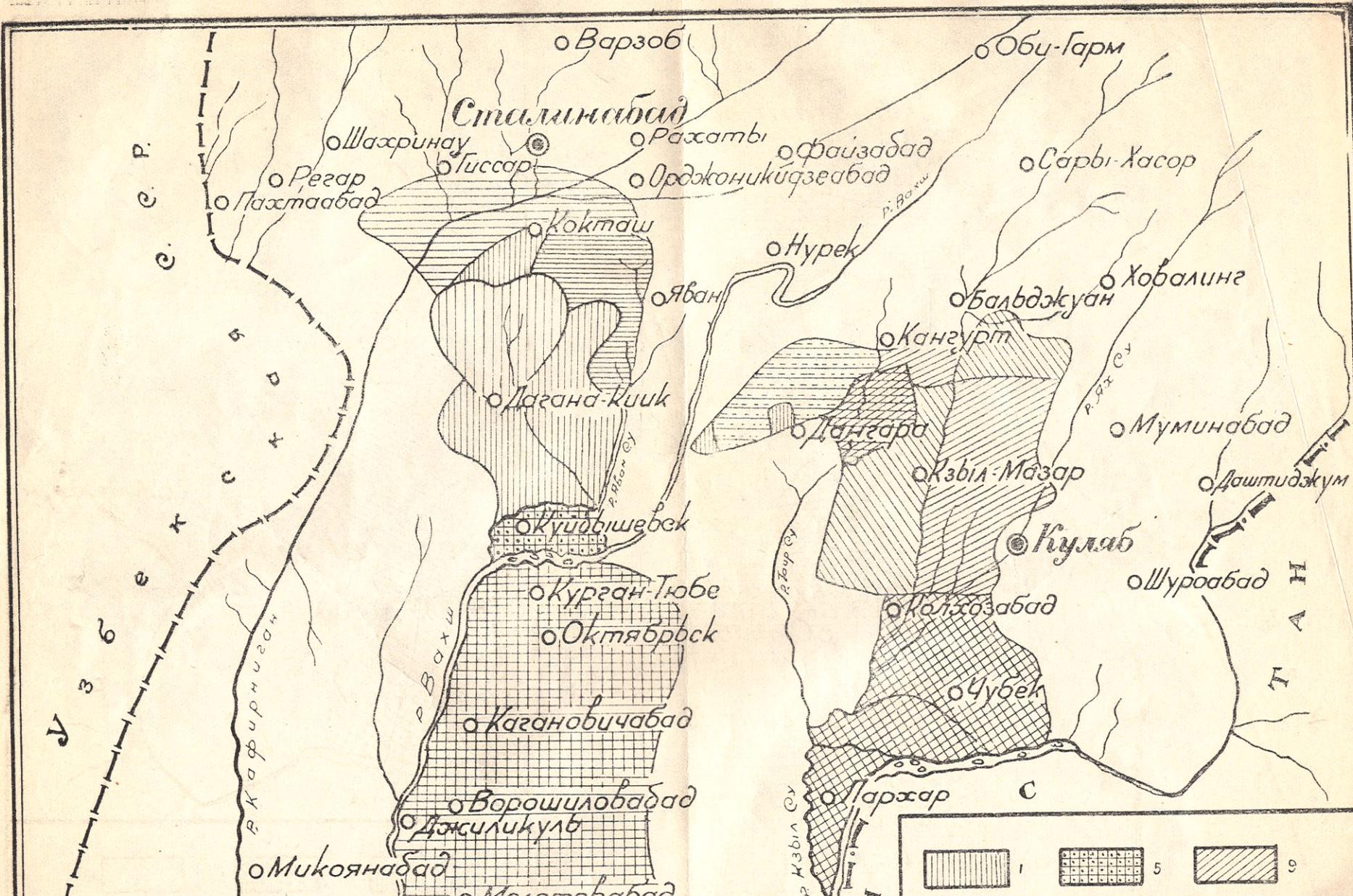

Таблица 1. Реконструкция родо-племенной структуры локайцев. Примечания: 1—ся подразделениями приведенными названиями; 2—в наших материалах названия *ме загара-уяк*; 3—роды *Парча* и *Джунус*—парные, и их подразделения не дифференцированы; 4—названия *х* переходят в *и*, т. е. произносится *анна-юджа*; 5—эти два рода, по подсчету предыдущих, но у нас нет точных сведений; 6—возможно, является подразделением; 7—в записи неясно *куль* или *кель*; 8—возможно, является подразделением.

ев. Примечания: 1—эти пять родов, возможно, являются-
 материалах название этого рода встречается еще в фор-
 подразделения не дифференцированы; 4—обычно в этих
 —эти два рода, повидимому, являются подразделениями
 ожно, является подразделением одного из предыдущих
 является подразделением одного из предыдущих родов.

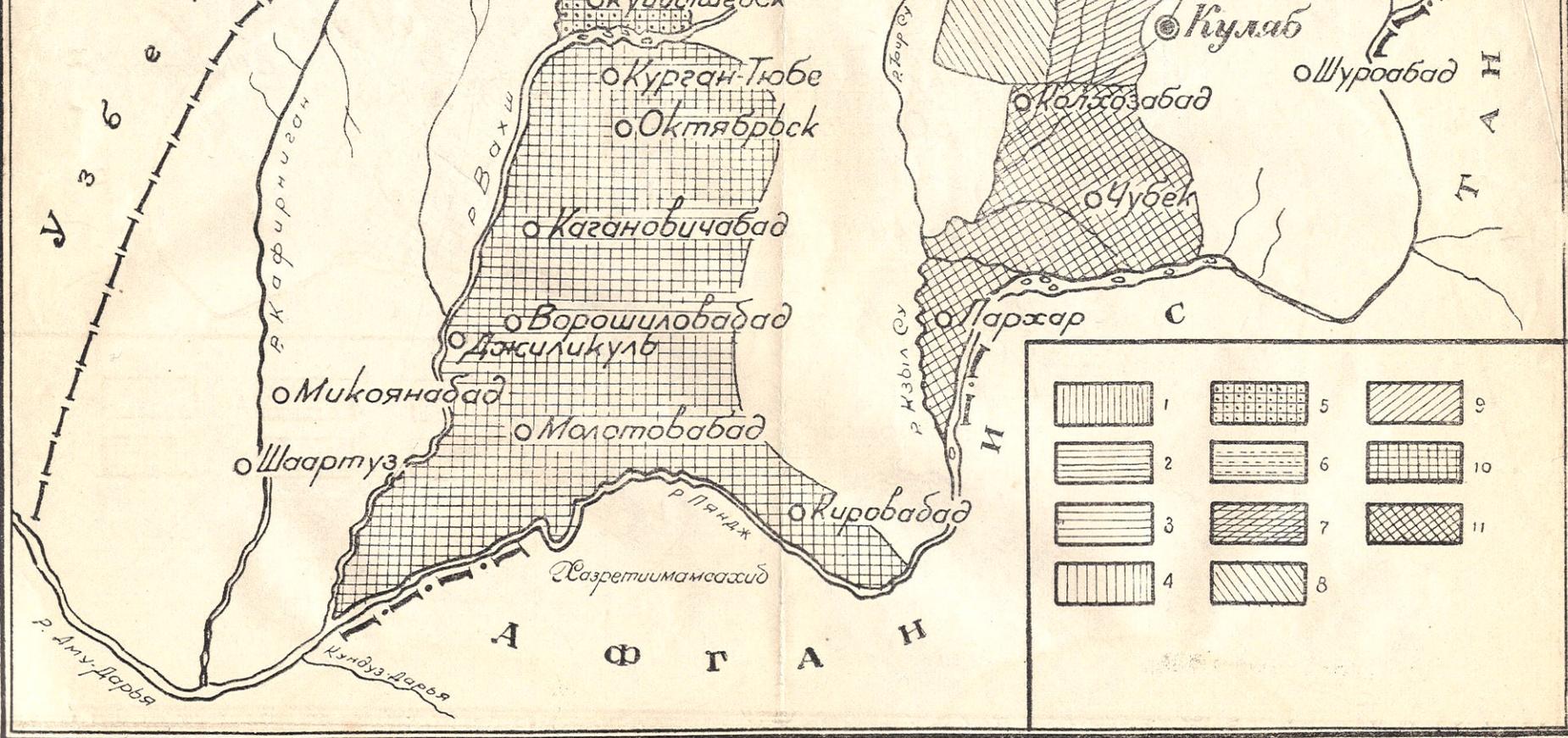
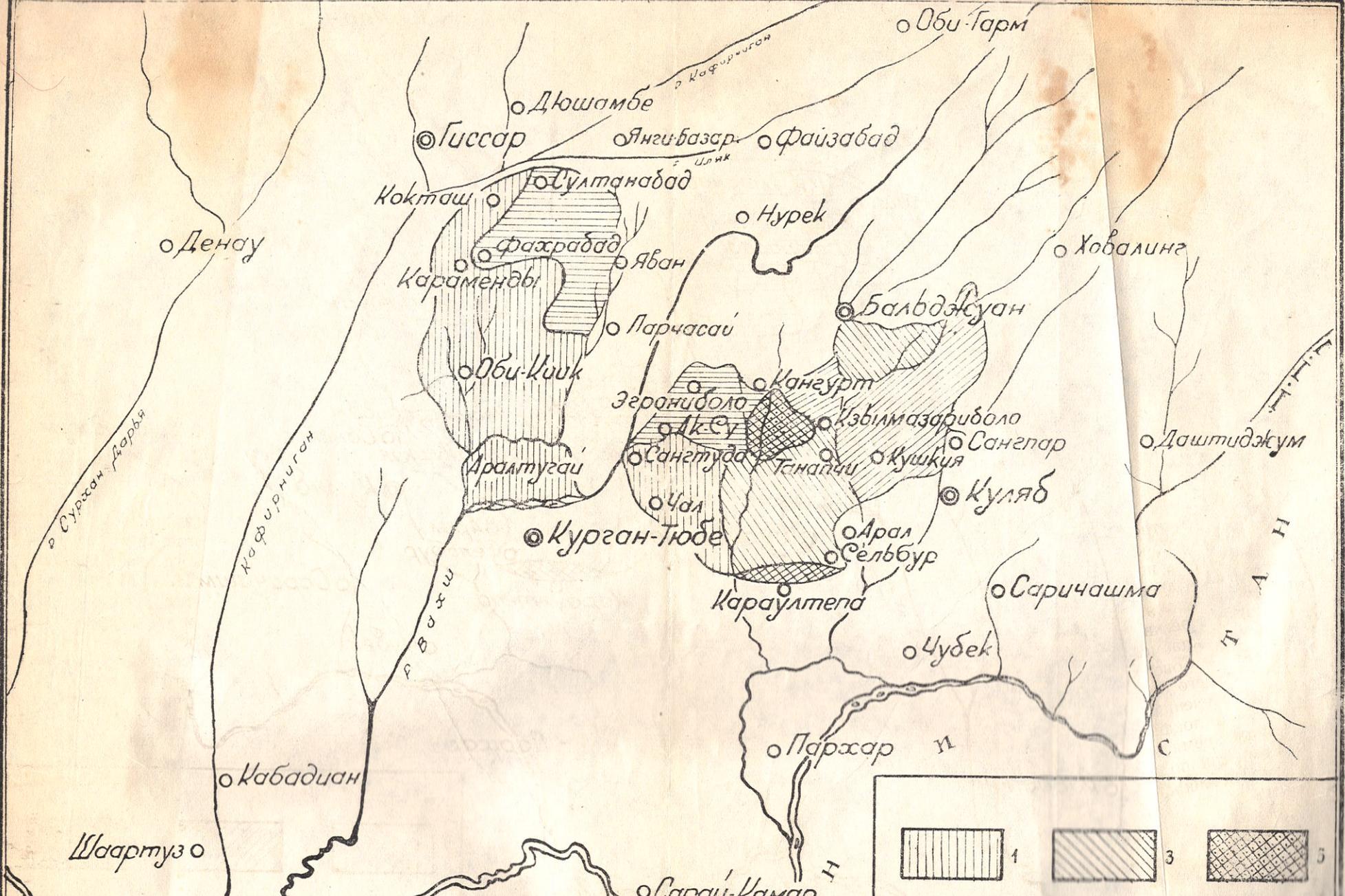

Рис. 3. Современное расселение локайцев по признаку прежнего родового деления: 1—Бадраглы; 2—Эсен-ходжа; 3—незначительное число Эсен-ходжа среди нелокайских соседей; 4—Бадраглы и нелокайское население; 5—Эсен-ходжа, Бадраглы и нелокайское население; 6—Эсен-ходжа и нелокайское население; 7—Эсен-ходжа, Турт-оул и нелокайское население; 8—Байрам и нелокайское население; 9—Турт-оул и нелокайское население; 10—незначительное число Эсен-ходжа и Бадраглы и нелокайское население; 11—незначительное число представителей всех четырех родов среди нелокайского населения.

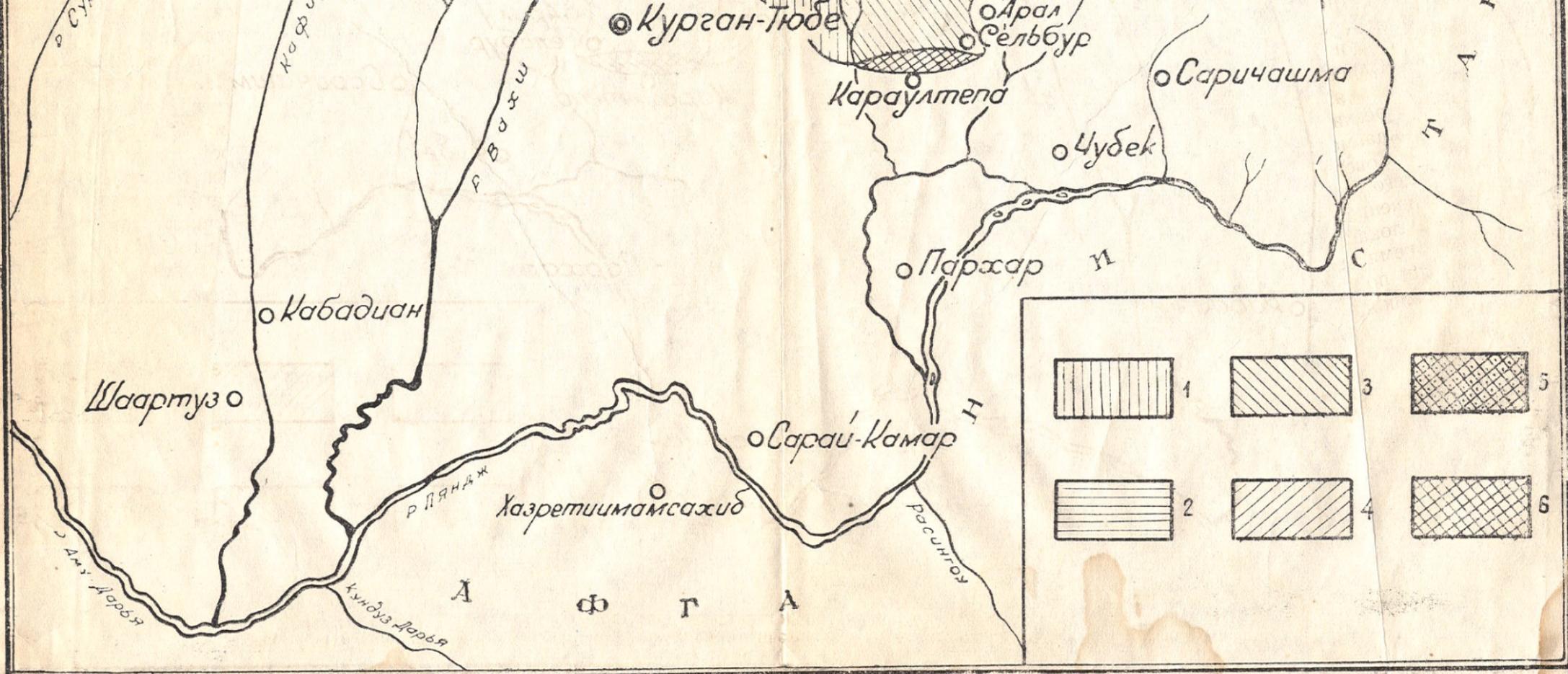

Рис. 7. Расселение локайцев накануне установления Советской власти: 1—род Бадроглы; 2—Эсен-ходжа; 3—Байрам; 4—Турт-оул; 5—Эсен-ходжа, Турт-оул и нелокайское население; 6—Байрам, Турт-оул.

№ п/п	Локайцы	Доузбекские племена Южного Таджикистана				Туркмены	Киргизы	Узбеки	Каракал- паки	Большой жуз
		тюрк	карлук	барлас	мугул					
1	Турт-оул						Турт-оул* (катаган)			
2	Суюндук				Суюндук (теке)			Суйиндик (кыпшак)	Суюндук (уйсун)	
3	Байрам				Байрам-чол (номуд)			Байрам (джаунгыр)		
4	Бурундук				Бегендык (теке) (?)					
5	Рысай									
6	Худай-берди								Худай-берди (дулат)	
7	Ураз-бечче									
8	Малыш									
9	Бай-Назар									
10	Назар-бечче					Назар (чирик)				
11	Саркеч									
12	Утеш									
13	Келекей								Кулюке (сары-уйсун)	
14	Ак-сары									
15	Чайгуз									
16	Кара-тума					Ак-тума (тагай) Кара-тума (ичкилик)				
17	Сары				✓ Сары (нгдыр)	✓ Сары (монгуш)		✓ Сары (ашамайлы, кенегес)	✓ Сары	
18	Мурзагул									
19	Тенгри-берди							Тангирберди (муйтен)		
20	Алты-бай									
21	Серке					Серке (бугу)				
22	Тинал									
23	Малай						Малай (катаган)		Малай (исты)	

цев в сравнении с этнонимами других тюркских народов

Каракал- паки	К а з а х и					Младший жуз	Букев- ские	Сибир- ские татары	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы
	Большой жуз	Средний жуз									
		аргын	найман	керей	кыпчак						
Суйиндик (кыпшак) Байрам (джаунгыр)	Суюндук (уйсун)	Турт-уул Суюндук Майрам Бегендык (?) Рысай	Турт-уул Майрам	Турт-уул		Турт-уул (алим-улы)					
	Худай-берди (дулат)	Худай-берди -агагай Ураз Ак-малыч Бай-Назар Назар Серкеч Утей	Худай-берди	Худай-берди	Худай- берди Ураз	Худай-берди Ураз	Назар (алим-улы) Серкеш (бай-улы) Утей				
	Кулюке (сары-уйсун)	Келукей, Кулякай Ак-сары		Ак-сары Чайкуза, Чайгуз	Утей	Ак-сары (байулы) Чайкуза (джеты-уру- керент)					
		Кул-тума	Тума	Тума		Кул-тума (бай-улы)		Каратума (телеуты)	Тумат		
✓ Сары (ашамайлы, кенегес)	✓ Сары	✓ Сары	✓ Сары	✓ Сары		✓ Сары (бай-улы)	✓ Сары		Сары		Сарыг (сагайцы?)
Тангирберди (муйтен)		Мурзагул Тайры-бер- ган Алты-бай Серке Теназы Малай Тентек	Алты-бай								
	Малай (исты)			Малай							

21	Серке		Серке (бугу)		
22	Тинал				
23	Малай			Малай (катаган)	Малай (исты)
24	Тентек-эвлад	Кырк-тен- так, Эллик- тентак			
25	Джау...				
26	Будене				
27	Карача				Карача (дулат)
28	Куки				
29	Джака				
30	Курдек				
31	Конур		Конгур (теке)		Конур (исты)
32	Ак-чура			Чура (саяк)	
33	Мурат-бечче				
34	Джулей			Джулай-та- най (сары- уйсун)	
35	Хелпе-бечче			Калпе (джалаир)	
36	Куль (каль?)				Каль (кун- грат, дурмен, кесамир)
37	Кунту			Кунту (султу)	Кунту (дулат)
38	Кулумбет				Кулумбет (сары- уйсун)
39	Сакау			Сакау (менди- джеты-уруг)	Сакау (катаган) Сакау (абдан)
40	Кармыш			Кармыш (кыпчак- ичкилик)	Кармыш
41	Эсен-ходжа				
42	Чал (чаллар)				Шалдар
43	Кырк-садак				Кырк-садак (кандекли) Кырк-садак (чаншклы)
44	Бай-кучкар				

45	Палван			Палван (катаган)	
46	Дусай				Дусай (исты) Джан-дусай
47	Кичкине				
48	Науруз				
49	Кара-мурча				
50	Джадыгер			Джадыгер (тагай)	Джадыгер (дулат)
51	Кзыл-бай			Кзыл-бай (ичкилик)	
52	Гургуру			Гуркреу, Куркреу	
53	Яхшылык-бечче			Яхшылык (бугу)	
54	Загара-туяк			Туяк, нюяк	
55	Кетте-мерген			Кара-мерген (кунту-султу)	
56	Кичи-мерген				
57	Бай-сеид			Бай-сеит (кощи)	
58	Бахты-бечче			Бакты (чирик)	
59	Бадраглы		Бадраг (номуд)		Бадрак (канглы)
60	Девет		Дат (номуд) (?)		
61	Туячи		Туячи (эрсари)		
62	Абдал		Абдал (чаудур)		
63	Утарчы			Утарчи (ктай-кыпчак)	

Дусай
(исты)
Джан-дусай

Джадыгер
(дулат)

Джадыгер

Джаксылык

Бадрак
(канглы)

П алван
(алим-улы)

Дусай
(бай-улы)

Кичкине
(алим-улы)

Науруз-бай

Кара-мунча
(джеты-уру)

мунча
(джеты-уру)

Бай-сент
(бай-улы)

Абдал
(бай-улы)

63	Утарчы				Утарчи (ктай-кыпчак)	
64	Кара-сыйрак				Кара-сыйрак (кырк-мен-юз)	Карасыйрак (колдаулы)
65	Кусе			Куся (игдыр)	Куся (кунграт, мангыт)	
66	Парча-джунус				Парча-юс (кырк-мен-юз)	
67	Конгур-тана			Тана (иомуд)	Кара-тана (дурмен)	
68	Тюркия					
69	Эсе-бай				Иса-бай (мангыт)	
70	Шекей	Шакайди				
71	Анна-ходжа					Анна-ходжа (кара-мойн)
72	Алла-берди					Алла-берди (муйтен)
73	Кара-чанак, Ак-чанак				Чанак (тартулы-кунграт)	
74						

* В скобах дано название племени или более крупного рода, к которому относится данный род или мелкое родов

Карасыйрак
(колдаулы)

Ак-тана

Кара-тана
(бай-улы)

Анна-ходжа
(кара-мойн)

Алла-берди
(муйтен)

ый род или мелкое родовое подразделение.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
I. Введение	5
Вопрос изученности локайцев	—
Расселение и родоплеменной состав	6
Происхождение локайцев	14
Краткие исторические сведения о локайцах	32
II. Животноводство как основная отрасль хозяйства локайцев до революции	55
Общая характеристика	—
Коневодство	77
Разведение мелкого и крупного рогатого скота	104
III. Общественные отношения	119
IV. Домашний быт	133
Заключение	149
Указатель родо-племенных и этнических названий	159
Хулоса	165

У К А З А Т Е Л Ь

РОДО-ПЛЕМЕННЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абдал, локайский род, таблица 2, стр. 10, 31.
- Абдал, казахский род, таблица 2.
- Абдал, туркменский род, таблица 2, стр. 31.
- Абдал, афганское племя, стр. 31.
- Абдан, казахский род, таблица 2.
- Аваздан туган, локайский род, стр. 12.
- Авлоди-джата, тюркский род, стр. 28.
- Авлоди-кыргыз, тюркский род, стр. 28.
- Азау, локайский род, стр. 11.
- Ак-баш, локайский род, стр. 10.
- Ак-бузау, локайский род, стр. 10.
- Ак-девет, локайский род, стр. 11.
- Ак-малыч, казахский род, таблица 2.
- Ак-сары, локайский род, таблица 2, стр. 9, 63.
- Ак-сары, казахский род, таблица 2.
- Ак-тана, казахский род, таблица 2.
- Ак-тума, киргизский род, таблица 2.
- Ак-чанап, локайский род, стр. 12.
- Ак-чанап, локайский род, стр. 11.
- Ак-чуря, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Ак-шора, казахский род, таблица 2.
- Али-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Алим-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Алим-улы, казахское племя, таблица 2.
- Алла-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Алла-берди, каракалпакский род, таблица 2.
- Алла-Назар, локайский род, стр. 10, 15.
- Алтайцы, таблица 2, стр. 16, 129.
- Алтмыш, локайский род, стр. 9, 18.
- Алты-бай, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Алты-бай, казахский род, таблица 2.
- Алчи, казахское племя, стр. 19.
- Англичане, стр. 38.
- Анна-ходжа, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Анна-ходжа, каракалпакский род, таблица 2.
- Араб, ираноязычное племя в Южном Таджикистане и Северном Афганистане, стр. 41, 49, 157.
- Арабы, древние, стр. 14, 27.
- Аргын, древнее тюркское племя, стр. 15, 18, 27, 28.
- Аргын, узбекское племя, стр. 29.
- Аргын, казахское племя, таблица 2, стр. 15, 17, 29.
- Армяне, стр. 51, 126.
- Афганцы, стр. 29, 31, 37, 38.
- Ашамайлы, каракалпакское племя, таблица 2.
- Аялы, род сибирских татар, стр. 18.
- Бадраг, туркменский род, таблица 2.
- Бадраглы, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 22, 23, 36, 38, 39, 42, 46, 63, 90.
- Бадрак, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Бай-кошкар, казахский род, таблица 2.
- Бай-кучкар, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Бай-кучкар, казахский род, таблица 2.
- Бай-Назар, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Бай-Назар, казахский род, таблица 2.
- Байрам, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 17, 23, 36, 38, 120.
- Байрам, каракалпакский род, таблица 2.
- Байрам-чол, туркменский род, таблица 2.
- Бай-сеид, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Бай-сент, казахский род, таблица 2.
- Бай-сент, киргизский род, таблица 2.
- Бай-толыш, локайский род, стр. 11, 63.
- Бай-улы, казахское племя, таблица 2, стр. 29.
- Бай-ходжа, локайский род, стр. 10.
- Бакты, киргизский род, таблица 2.
- Бакы-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Балта гирей, казахский род, таблица 2.
- Барлас, узбекское племя, таблица 2, стр. 7, 8, 20, 21, 28, 32, 44, 72, 77.

* В Указателе родоплеменные названия приведены в форме единственного числа. Однако под этими же названиями указаны и имеющиеся в тексте упоминания представителей данного племени во множественном числе. Например, под словом Барлас указаны встречающиеся в тексте слова Барлас и барласы. Названия народов даны обычно во множественном числе — арабы, казахи, киргизы и т. д.

- Батрак, туркменский род, таблица 2.
 Бахты-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Башкап, локайский род, стр. 10.
 Бегендык, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Бегендик, туркменский род, таблица 2.
 Ведель, локайский род, стр. 11.
 Велуджи, стр. 8, 41, 139, 148, 157.
 Беш-курук, локайский род, стр. 10.
 Боранай, локайский род, стр. 11.
 Борка, катаганский род, стр. 24, 82, 125.
 Бугу, киргизское племя, таблица 2.
 Будене, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Буене, казахский род, таблица 2.
 Буйра, локайский род, стр. 10, 15.
 Буки, туркменский род, стр. 19.
 Бурденгель, локайский род, стр. 11, 120.
 Бурундук, локайский род, таблица 2, стр. 11, 17.
 Бухарцы, группа сибирских татар, стр. 18.
 Векиль, туркменский род, стр. 19.
 Гергере, см. Гургуру.
 Гуляндан туган, локайский род, стр. 12.
 Гульмурза-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
 Гунны, стр. 74.
 Гургуру, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Гуркреу, киргизский род, таблица 2.
 Дайде, локайский род, стр. 10.
 Дахан, локайский род, стр. 10.
 Дат, туркменский род, таблица 2, стр. 17.
 Да-юэчжи, стр. 74.
 Девет, локайский род, таблица 2, стр. 11, 17, 36, 119, 120.
 Деветер, локайский род, стр. 10, 12.
 Джадыгер, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Джадыгер, казахский род, таблица 2.
 Джадыгер, киргизский род, таблица 2.
 Джака, локайский род, таблица 2, стр. 10, 17.
 Джакай, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Джакау, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Джаксылык, казахский род, таблица 2.
 Джалаир, киргизское племя, таблица 2.
 Джалпуш, локайский род, стр. 11.
 Джам-пулат, локайский род, стр. 11.
 Джананнан туган, локайский род, стр. 12.
 Джан-дусай, казахский род, таблица 2.
 Жанкаул, локайский род, стр. 10.
 Джата, узбекский род, стр. 28.
 Джау-качты, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
 Джау-качты, казахский род, таблица 2.
 Джаунгыр, каракалпакское племя, таблица 2.
 Джемшиды, стр. 138, 148.
 Джеты-уру, казахское племя, таблица 2, стр. 29.
 Джети-уруг, киргизский род, таблица 2.
 Джеты-уру-кереит, казахский род, таблица 2.
 Дюол-болды, локайский род, стр. 10.
 Дюулай-тапай, киргизский род, таблица 2.
 Дюулей, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Джунгары, стр. 36.
 Дюунус, локайский род, стр. 10.
 Дуанадан туган, локайский род, стр. 12.
 Дулат, казахское племя, таблица 2.
 Дурмен, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 20, 21, 22, 23, 25, 29, 49, 73.
 Дуррани, афганское племя, стр. 31.
 Дусай, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Дусан, казахский род, таблица 2.
 Дусай-туячи, локайский род, стр. 10.
 Евреи среднеазиатские, стр. 51, 126.
 Загара-туяк, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Загара-уйак, см. Загара-туяк.
 Игдыр, туркменское племя, таблица 2.
 Индусы, стр. 126.
 Иомуд, туркменское племя, таблица 2, стр. 19.
 Иса-бай, узбекский род, таблица 2.
 Исты, казахский род, таблица 2.
 Ичкилик, киргизское племя, таблица 2, стр. 17, 18.
 Кабанай, локайский род, стр. 11.
 Казак, локайский род, стр. 10, 11, 120.
 Казахи, таблица 2, стр. 4, 8, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 26, 27, 29, 30, 31, 35, 44, 49, 50, 64, 68, 70, 76, 107, 133, 134, 135, 140, 142, 157.
 Калпе, казахский род, таблица 2.
 Калпе, киргизский род, таблица 2.
 Каль, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Каль, кунгратский род, таблица 2.
 Каль дурменский род, таблица 2.
 Каль, кесамирский род, таблица 2.
 Кельта-той, узбекское племя, стр. 20, 21, 72.
 Кандекли, каракалпакское племя, таблица 2.
 Канглы, катаганский род, стр. 29.
 Канглы, казахское племя, таблица 2, стр. 19.
 Канхур, локайский род, стр. 10.
 Кара-бузау, локайский род, стр. 10.
 Кара-девет, локайский род, стр. 11.
 Каракалпак, таблица 2, стр. 4, 16, 19, 30.
 Кара-кисяк, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кара-киргизы, см. киргизы.
 Кара-мерген, киргизский род, таблица 2.
 Кара-мойн, каракалпакское племя, таблица 2.
 Кара-мунча, казахский род, таблица 2.
 Кара-мурча, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кара-сыйрак, локайский род, таблица 2, стр. 10, 11.
 Кара-сыйрак, узбекский род, таблица 2.

- Кара-сыйрак, каракалпакский род, таблица 2.
 Кара-тана, узбекский род, таблица 2.
 Кара-тана, казахский род, таблица 2.
 Кара-таяк, локайский род, стр. 11.
 Кара-тума, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кара-тума, киргизский род, таблица 2.
 Кара-тума, род алтайцев-телеутов, таблица 2.
 Карача, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Карача, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кара-чанак, локайский род, таблица 2, стр. 12.
 Карлук, узбекское племя, таблица 2, стр. 2, 8, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 43, 44, 49, 62, 63, 72, 73, 76, 77, 82, 94, 104, 106, 113, 114, 124, 127, 134, 140, 150.
 Карлуки древние, стр. 13, 14, 28, 75.
 Кармыш, локайский род, таблица 2, стр. 9.
 Кармыш, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кармыш, киргизский род, таблица 2, стр. 17, 18.
 Каршидан туган, локайский род, стр. 12.
 Катаган, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 14, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 37, 38, 41, 42, 49, 68, 73, 121, 125, 134, 140, 148, 150.
 Катаган, киргизский род, стр. 32.
 Каучин, узбекское племя, стр. 8, 20, 23, 29.
 Келекей, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
 Келукей, казахский род, таблица 2.
 Кельди-бек, локайский род, стр. 10, 15.
 Кенегес, каракалпакское племя, таблица 2, стр. 19.
 Керей, казахское племя, таблица 2, стр. 17, 19.
 Керей древние, стр. 15, 27.
 Кесамир, узбекский род, таблица 2, стр. 8, 20, 22, 29, 37, 38, 40.
 Кесек, казахский род, стр. 17.
 Кесек, киргизский род, стр. 17.
 Кесп, локайский род, стр. 10, 15.
 Кетте мерген, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кзыл-бай, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12, 39, 63.
 Кзыл-бай, киргизский род, таблица 2, стр. 18.
 Киргизы, таблица 2, стр. 9, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 26, 27, 31, 32, 44, 68, 73, 77, 82, 157.
 Кичи мерген, локайский род, таблица 2, стр. 10.
 Кичи-сан, локайский род, стр. 10.
 Кичкине, локайский род, таблица 2.
 Кичкине, казахский род, таблица 2.
 Кюки, казахский род, таблица 2.
 Колдаулы, каракалпакское племя, таблица 2.
 Конгур, казахский род, таблица 2.
 Конгур, туркменский род, таблица 2, стр. 19.
 Конгыр-тана, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Конур, локайский род, таблица 2.
 Конур, казахский род, таблица 2.
 Коши, киргизский род, таблица 2.
 Ктай-кыпчак, узбекское племя, таблица 2.
 Кувандык, казахский род, стр. 17.
 Куки, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кул-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 9, 15.
 Кул-тума, казахский род, таблица 2.
 Кулумбет, локайский род, таблица 2, стр. 9, 63.
 Кулумбет, казахский род, таблица 2.
 Кулюке, казахский род, таблица 2.
 Кулякай, казахский род, таблица 2.
 Куль, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Куль, род тувинцев таблица 2.
 Куль, род хакасов-сагайцев, таблица 2.
 Кунграт, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 14, 16, 20, 21, 22, 23, 63, 73.
 Кунграт, казахское племя, стр. 19.
 Кунту, локайский род, таблица 2, стр. 9.
 Кунту, казахский род, таблица 2, стр. 17.
 Кунту, киргизский род, таблица 2.
 Курдак, род сибирских татар, таблица 2, стр. 18.
 Курдек, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12, 18.
 Куркреу, см. Гуркреу.
 Курт, узбекский род, стр. 23.
 Курта-мерген, киргизский род, таблица 2.
 Кусе, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15.
 Куся, узбекский род, таблица 2.
 Куся, туркменский род, таблица 2.
 Кутыр, локайский род, стр. 11.
 Кучек, локайский род, стр. 10.
 Куюндук, локайский род, стр. 17.
 Кый-текме, локайский род, стр. 11.
 Кыпчак, казахское племя, таблица 2, стр. 17, 19.
 Кыпчак, киргизский род, таблица 2, стр. 17.
 Кыпшак, каракалпакское племя, таблица 2, стр. 19.
 Кыргыз, узбекский род, стр. 32.
 Кырк-мен-юз, узбекское племя, таблица 2, стр. 23.
 Кырк-садак, локайский род, таблица 2, стр. 11.
 Кырк-садак, казахский род, таблица 2.
 Кырк-садак, каракалпакский род, таблица 2.
 Кырк-тентак, барласский род, таблица 2, стр. 16.
 Кыр-садак, см. Кырк-садак.
 Кычылы, локайский род, стр. 10.
 Лекей, см. Локай.
 Локай, узбекское племя, *passim*.

- Лярхоби, ираноязычное племя Северного Афганистана, стр. 8, 121, 157.
- Майрам, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Малай, локайский род, таблица 2, стр. 10, 29.
- Малай, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Малай, казахский род, таблица 2.
- Малыш, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Мангыт, узбекское племя, таблица 2, стр. 14, 30, 52.
- Мардат, катаганский род, стр. 125.
- Марна, узбекское племя, стр. 7, 20, 21, 22, 23, 29, 33, 41, 44, 49, 73, 120, 121, 130, 133.
- Мегер, локайский род, стр. 10.
- Менди, киргизский род, таблица 2.
- Мерген, локайский род, стр. 10, 63.
- Минг, узбекское племя, стр. 105.
- Могол, см. Мугул.
- Моголы, выходцы из Моголистана, стр. 69.
- Мугул, см. Мугул.
- Монгуш, киргизское племя, таблица 2.
- Молмыш, локайский род, стр. 10.
- Монголы, стр. 15, 26, 33, 66, 72, 76.
- Мраз, локайский род, таблица 2, стр. 11, 18.
- Мугол, см. Мугул.
- Мугул, узбекское племя, таблица 2, стр. 8, 20, 23, 28, 72, 140.
- Муйтен, каракалпакское племя, таблица 2.
- Мулла-бечче, локайский род, стр. 9, 15.
- Мурзагул, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Мурзагул, казахский род, таблица 2.
- Мурат, казахский род, таблица 2.
- Мурат-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Муса-базари, узбекское племя, стр. 7, 8, 20, 44, 72.
- Надыр-бечче, локайский род, стр. 9.
- Назар, казахский род, таблица 2.
- Назар, киргизский род, таблица 2.
- Назар-бечче, локайский род, таблица 2.
- Найман, узбекское племя, стр. 23, 29.
- Найман, казахское племя, таблица 2, стр. 16, 17, 19, 29.
- Найман, киргизский род, стр. 17.
- Найманы древние, стр. 15, 27, 28.
- Нар-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Нарын, локайский род, стр. 9.
- Науруз, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Науруз-бай казахский род, таблица 2, стр. 29.
- Ногайцы, стр. 30.
- Палван, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15, 29.
- Палван, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Палван, казахский род, таблица 2.
- Парча, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Парча-джунус, см. Парча и Джунус.
- Парча-юс, узбекское племя, таблица 2.
- Русские, стр. 13, 53, 56, 93, 157.
- Рысай, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Рысай, казахский род, таблица 2.
- Сагайды, таблица 2.
- Сакау, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15, 29.
- Сакау, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Сакау, казахский род, таблица 2.
- Сакау, киргизский род, таблица 2.
- Саки, древние, стр. 45.
- Самарканды, локайский род, стр. 10, 15.
- Сарай, узбекское племя, стр. 49, 134.
- Саркеч, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Сары, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Сары, казахский род, таблица 2.
- Сары, каракалпакский род, таблица 2.
- Сары, киргизский род, таблица 2.
- Сары, туркменский род, таблица 2.
- Сары, род тувинцев, таблица 2.
- Сары-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Сарыг, хакасский род, таблица 2.
- Сарык, туркменское племя, стр. 19.
- Сары-мраз, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Сары-уйсун, казахский род, таблица 2.
- Сары-уйсун, киргизский род, таблица 2.
- Сары-чал, локайский род, стр. 11.
- Саяк, киргизское племя, таблица 2, стр. 18, 32.
- Семиз, узбекский род, стр. 8, 20, 22, 29, 37, 38, 125.
- Сергеле, казахское племя, стр. 19.
- Серке, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
- Серке, казахский род, таблица 2.
- Серке, киргизский род, таблица 2.
- Серкеч, казахский род, таблица 2.
- Серкеш, казахский род, таблица 2.
- Суйндик, каракалпакский род, таблица 2.
- Султу, киргизское племя, таблица 2.
- Суюндук, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Суюндук, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Суюндук, туркменский род, таблица 2.
- Тагай, киргизское племя, таблица 2.
- Таджики, стр. 3, 7, 13, 14, 16, 20, 21, 22, 27, 28, 29, 31, 36, 37, 41, 42, 43, 51, 52, 57, 62, 72, 77, 81, 82, 99, 105, 107, 114, 116, 121, 127, 129, 130, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 148, 149, 150, 151, 157.
- Таз, узбекский род, стр. 14, 23, 29.
- Таз, казахский род, стр. 29.
- Тазлар, см. Таз.
- Тайры-берган, казахский род, таблица 2.
- Тама, казахский род, таблица 2.
- Тана, туркменский род, таблица 2.

- Тангир-берди, каракалпакский род, таблица 2.
- Тартулы, узбекский род, таблица 2.
- Татары, стр. 13, 31, 157.
- Татары сибирские, таблица 2, стр. 19.
- Татары тарские, стр. 18.
- Татары тобольские, стр. 18.
- Теке, туркменское племя, таблица 2, стр. 17, 19, 98.
- Текинцы, см. теке.
- Телеуты, таблица 2.
- Темаз, катаганский род, стр. 37, 125.
- Теналы, казахский род, таблица 2.
- Тенгри-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Тентек, казахский род, таблица 2.
- Тентек-эвлад, локайский род, таблица 2, стр. 11, 15, 16.
- Тинал, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Тлеу, казахское племя, стр. 19.
- Токанды, локайский род, стр. 10.
- Торту-улоуас, ногайский род, стр. 19.
- Тохтамыш, туркменский род, стр. 19.
- Туглыдан туган, локайский род, стр. 12.
- Тума, казахский род, таблица 2, стр. 18.
- Тума, киргизский род, стр. 18.
- Тумат, род, тувинцев, таблица 2.
- Туралы, род сибирских татар, стр. 18.
- Турк, киргизский род, таблица 2.
- Туркмен, узбекское племя, стр. 15.
- Туркмены, таблица 2, стр. 4, 8, 9, 15, 16, 17, 19, 22, 28, 30, 31, 49, 157.
- Турт-ата, локайский род, стр. 11, 63.
- Турт-оул, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 29, 36, 38.
- Турт-оул, катаганский род, таблица 2, стр. 29.
- Турт-уул, казахский род, таблица 2, стр. 17.
- Туяк, киргизский род, таблица 2.
- Туячи, локайский род, таблица 2, стр. 9, 10, 31.
- Туячи, туркменский род, таблица 2, стр. 31.
- Тюрк, узбекское племя, таблица 2, стр. 7, 8, 15, 19, 20, 21, 27, 28, 32, 44, 72, 73, 77, 105.
- Тюрки, древние, стр. 14, 27, 31, 67, 72, 74.
- Тюркия, локайский род, таблица 2, стр. 10.
- Тюяк, см. Туяк.
- Увак, казахское племя, таблица 2.
- Узбеки, таблица 2, стр. 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 40, 41, 50, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 81, 105, 127, 130, 133, 135, 139, 149, 157.
- Узден, локайский род, стр. 9.
- Уйгур, узбекское племя, стр. 15.
- Уйгуры, стр. 31.
- Уйсун, казахское племя, таблица 2.
- Ураз, казахский род, таблица 2, стр. 29.
- Ураз-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Усуни, древние, стр. 74.
- Усуп-бечче, локайский род, стр. 10, 15.
- Утарчы, локайский род, таблица 2, стр. 9.
- Утарчи, узбекский род, таблица 2.
- Утей, казахский род, таблица 2.
- Утеш, локайский род, таблица 2, стр. 10, 12.
- Уч-уул, локайский род, стр. 11, 23.
- Ушак, туркменский род, стр. 19.
- Уштамгалы, казахский род, стр. 19.
- Хазара (хезарейцы), стр. 8, 138, 148, 157.
- Хакасы, таблица 2.
- Хейбет, локайский род, стр. 11.
- Хелле-бечче, локайский род, таблица 2, стр. 10, 15.
- Ходжалы, локайский род, стр. 11.
- Ходжа-мыяр, локайский род, стр. 10.
- Худай-берди, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Худай-берди, казахский род, таблица 2.
- Худай-берди-атагай, казахский род, таблица 2.
- Хыле, локайский род, стр. 12.
- Чагатай, стр. 28.
- Чайгуз, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Чайгуз, казахский род, таблица 2.
- Чайкуза, казахский род, таблица 2.
- Чал, локайский род, таблица 2, стр. 11.
- Чал, казахский род, таблица 2, стр. 29.
- Чаллар, см. Чал.
- Чанак, узбекский род, таблица 2.
- Чанкан, локайский род, стр. 11.
- Чаншклы, казахское племя, таблица 2.
- Чаудур, туркменское племя, таблица 2, стр. 31.
- Чаулы-мурат, локайский род, стр. 11.
- Чегене, локайский род, стр. 11.
- Чирик, киргизское племя, таблица 2.
- Чоборма, локайский род, стр. 11.
- Чора, казахский род, таблица 2.
- Чуйага, локайский род, стр. 11.
- Чура, киргизский род, таблица 2, стр. 18.
- Чурак, катаганский род, стр. 29, 125.
- Чурак, казахский род, стр. 29.
- Чуяге, локайский род, см. Чуйага.

- Чыркыравык, локайский род,
стр. 11, 63.
- Шакайди, карлукский род, таблица 2,
стр. 16.
- Шакасым-бечче, локайский род,
стр. 10, 15.
- Шалдар, казахский род, таблица 2.
- Шекей, локайский род, таблица 2,
стр. 11, 16.
- Шорцы, стр. 18.
- Эвлади-Конгур, локайский род, стр. 10.
- Эвлади-Назар, локайский род,
стр. 10, 15.
- Эвлади-Нар, локайский род, стр. 11.
- Эвлади-Туры, локайский род, стр. 11.
- Эвлади-Хасан, локайский род,
стр. 10, 15.
- Эвлади-Хусан, локайский род,
стр. 11, 15.
- Элетен, локайский род, стр. 11.
- Эллик-тентак, барласский род, таб-
лица 2, 16.
- Эрсари, туркменское племя, таблица 2,
стр. 8, 16, 30, 31.
- Эсе-бай, локайский род, таблица 2,
стр. 11.
- Эсен-ходжа, локайский род, таблица 2,
стр. 9, 10, 12, 18, 22, 23, 36, 38, 42,
45, 53, 63, 90.
- Эсен-ходжа, казахский род, таблица 2,
стр. 29.
- Эфталиты, стр. 14, 31, 74.
- Яхшылык-бечче, локайский род, таб-
лица 2, стр. 9.
- Яхшылык, киргизский род, таблица 2.

ЎЗБЕКҲОИ ЛАҚАИ ТОҶИКИСТОНИ ҶАНУБИ

Хулоса

Дар территорияи РСС Тоҷикистон, аз он ҷумла дар водии Хисор ва районҳои ҷанубии республика аз қадим боз миқдори зиёди ўзбекҳо зиндагонӣ мекунанд. Ҳатто Коммунистӣ ва Ҳукумати Тоҷикистон, ҳамчун тамоми халқи тоҷик, дар бораи тараққиёти иқтисодӣ ва маданияи аҳолии ўзбек доимо ғамхорӣ мекунанд. Яке аз мисолҳои равшани ин ғамхорӣ иборат аз он аст, ки дар плани тадқиқотҳои илмии Академияи Ҷанубии Тоҷикистон, дар баробари омӯхтани таърих, археология ва этнографияи халқи тоҷик масъалаи омӯхтани таърих, маданият ва тарзи зиндагонии аҳолии ўзбек низ дохил карда шудааст.

Аксариати ўзбекҳои дар Ҷануби Тоҷикистон зиндагонӣ мекардагӣ ба он қисми халқи ўзбек дохил мешаванд, ки дар замини гузашта нимқучманчӣ буда, то ҳоло ба қабилҳои зиёд тақсимшавиро нигоҳ доштаанд. Омӯхтани ҳамаи хел ўзбекҳои нимқучманчӣ чи барои муайян кардани этногенези халқҳои тоҷикӣ ўзбек ва равшан кардани таърихи гузаштаи онҳо, чи барои нишон додани процесси ташкилӣ миллиятҳои социалистӣ, процесси ба вучуд омадан ва тараққи ёфтани маданият ва тарзи зиндагонии социалистӣ аҳамияти калон дорад.

Лақайҳо яке аз қабилҳои калонтарини ўзбек буда, дар айни ҳол хеле кам омӯхта шудаанд. Дар ин монография барои пурра тасвир кардани тамоми тарафҳои маданият ва тарзи зиндагонии лақайҳо имконият пайдо карда натавониста, муаллиф диққати худро ба ҳоҷагии пеш аз революционӣ, маданият ва тарзи зиндагонии лақайҳо вобаста ба қорводорӣ, ки дар замини гузашта тамоми тарзи ҳаёти онҳоро муайян мекард, ҷалб кардааст.

Лақайҳо дар Ҷануби Тоҷикистон, дар ҳавзаи дарёҳои зиндагонӣ мекунанд, ки дар сарғаҳи Аму-Дарё аз тарафи соҳили рости ба вай ҳамроҳ мешаванд.

Масъалаи пайдо шудани лақайҳо то ҳоло муайян карда нашуда буд. Материалҳои таърихӣ-этнографияи аз тарафи муаллиф на танҳо аз лақайҳо, балки аз дигар қабилҳои туркизабони истиқоматкунандаи Ҷануби Тоҷикистон ҳам карда шудагӣ, киёс кардани ин материалҳо бо материалҳои ба дигар халқҳои туркизабони Осиёи Миёна дахл доштагӣ, инчунин далел овардани маълумотҳои таърихӣ ва тадқиқотҳои олимони советӣ доир ба этногенези ин халқҳо ба муаллиф имконият доданд, ки гипотезаи зеринро пешниҳод кунанд. Лақайҳо ҳамчун бисёр қабилҳои дигари ўзбек, гурӯҳи якхелаи этникӣ набуда, балки конгломерати қabila ва қавмҳои туркӣ-муғулӣ буданд. Ба ин иттиҳоди қабилҳои дар давоми таърих элементҳои этникии туркизабоне дохил шудаанд, ки ба қазоқҳо, қирғизҳо ва тоторҳои Сибирь дахл дошта, қисман ба этногенези ўзбекҳо, туркманҳо,

қарақалпоқҳо ва як қатор халқҳои дигари туркизабон ҳам иштирок карданд. Ба қатори лақайҳо қабила ва ғуруҳҳои туркизабони қипчоқӣ низ дохил шудаанд, ки дар давраи пароканда шудани қаламрави Қучӣ тақсим ва пароканда мешуданд, аралаш ва омехта мегардиданд.

Эхтимол дорад, ки лақайҳо асосан аз қисми шимолӣ-шарқии Улуси Қучӣ, яъне Улуси Шайбонӣ баромада бошанд. Таърихи ба вуҷуд омадани лақайҳо дар Ҷануби Тоҷикистон аввалҳои асри XVI ҳисоб кардан мумкин аст.

Чи навъе ки дар ривоятҳои лақайҳо гуфта мешавад, мумкин аст, ки лақайҳо аввал дар соҳили чапи дарёи Панҷ истиқомат карда, яке аз қабилаҳои қатаған ҳисоб меёфтанд, вале баъдҳо ба соҳили ростии ин дарё кӯчиданд.

Дар давраи пеш аз дохил шудани лақайҳо ба ҳайати халқҳои хонигарии Бухоро, яъне то солҳои 70-уми асри XIX, машғулияти асосии онҳо чорводорӣ экстенсивии кучманчигӣ буда, зироаткорӣ онҳо бошад, характери тасодуфӣ дошт. Дар ҳаёти қабилаи лақай ба ҳамсоғонашон тохтутоз кардан ва ғорат кардани қорвонҳои савдо мавқеи асосиро ишғол мекард.

Аз вақти ба ҳайати хонигарии Бухоро дохил шудани лақайҳо лалмакорӣ онҳо чунон тараққӣ кард, ки районҳои лақайҳо бекигарӣҳои шарқии Бухоро аз ғалла таъмин мекардагӣ шуда монданд. Дар баробари ин чорводорӣ, хусусан аспарварӣ дар хоҷагии онҳо роли муҳими худро давом додан гирифт. Тохтутозҳои торочгаронаи лақайҳо кам шуданд, гарчанде ки онҳо танҳо дар давраи советӣ тамоман нест шуданд.

Лақайҳо асосан навъи аспҳои хушсифат парвариш мекарданд, ки онҳо номи аспҳои лақайро ба худ гирифтаанд.

Пас дар асар масъалаҳои пайдо шудани навъи аспҳои лақай ва ғусфандони ҳисорӣ бардошта шудааст. Дар боби ба чорводорӣ пеш аз революционӣ лақайҳо бахшида шудагӣ техникаи парвариш кардан ва иккишоф додани навъҳои гуногуни ҳайвонот ҷурра тасвир меёбад.

Ба муносибатҳои иҷтимоии пеш аз революционӣ боби махсус бахшида шудааст. Дар чорводорӣ лақай воситаи истеҳсолот замин ва ҳайвонот буд. Аз он ҷумла дар шароити чорводорӣ кучманчигӣ воситаи асосии истеҳсолот ҷароғоҳо ҳисоб мешуд. Баъди ба зироатчигӣ гузаштани лақайҳо ба воситаҳои истеҳсолии онҳо заминҳои қорам, ҳайвонотҳои қорӣ ва асбобҳои гуногуни меҳнат низ ҳамроҳ шуданд.

Тамоми воситаҳои истеҳсолот моликияти хусусӣ буданд. Моликияти хусусӣ асрҳо боз дар ин ҷо устувор буд ва қайҳо боз асоси дифференциацияи иҷтимоии лақайҳо ҳисоб мешуд. Заминҳои ҷароғо дар вилоятҳои шарқии хонигарии Бухоро аз онӣ давлат ҳисоб меёфтанд ва дар ихтиёри онӣ ва ё он ҳокими вилоят буданд, ки вай аз тарафи амири Бухоро таъин мешуд. Зоҳиран ҷароғоҳо дар байни қисмҳои ҷудоғонаи қабилаи лақайҳо барои истифодаи умумии ҳар як ин гуна қисмҳо тақсим карда шуда буданд. Вале дар амал бошад, беҳтарини онҳоро ғуруҳи истисморчиёни бой-феодалии лақай забт карда буданд ва ин ғуруҳи бойҳо тамоми ҷароғоҳои территорияи қабилаҳо дар тасарруфи худ нигоҳ медоштанд.

Заминҳои беҳтарини қорамро низ табақаи истисморкунандагон забт карда буданд. Бойҳо одатан участкаҳои киштзорӣ худро аз ҳисоби заминҳои камбағалон васеъ мекарданд, камбағалон бошанд, аз сабаби надоштани ҳайвоноти қорӣ, асбобҳои киштзор ва ғаллаи тухмӣ наметавонишанд, ки заминҳои худашонро кишт кунанд ва аз

ни сабаб чорьяккор ва батрак шуда барои бойхон ҳамқавмашон хизмат мекарданд.

Муносибатҳои ҷамъиятии лақайҳо дар натиҷаи тараққиёти ҳаёти дохилии иқтисодӣ-ҷамъиятии онҳо, инчунин дар зерин таъсири сиёсати мустамликавии хонигарии Бухоро ташкил ёфта буданд. Ин сиёсат бештар дар идоракунии административӣ ва системаи налогӣ, ки ба гардани меҳнаткешони лақай бори бениҳоят вазнин буд, равшан намоён мешуд. Ғайр аз ин, бевосита дар байни худӣ лақайҳо дар асоси побаробарии иҷтимоӣ—иқтисодии кишлоқи лақай шаклҳои зиёди истисмор пайдо шуда буданд. Инҳо ҳелҳои гуногуни чорьяккорӣ, қисман муздурӣ ва ғайраҳо буданд.

Эътироф бояд кард, ки шаклҳои истисмор дар байни лақайҳо характери патриархалӣ-феодалӣ доштанд.

Мазмунан феодалӣ буда, ин шаклҳои истисмор дар зерин пардаи шаклҳои патриархалӣ, ҳамчун „ёри хешу таборӣ“, „савоб“, „кори хайр“, „ёрдам ба یتимони бепадару модар“ ва ғайра ё бо ҳамин шаклҳо печ дар печ шуда зоҳир мешуданд. Аммо муносибатҳои ҷамъиятӣ дар лақайҳо таҷро бо муносибатҳои патриархалӣ-феодалӣ маҳдуд намешуданд. Тараққиёти муносибатҳои молиқӣ пулӣ дар кишлоқи лақай дар арафи Революцияи Кабири Социалистии Октябр ба табақаҳо ҷудошавии синфиро боз ҳам бештар тезонд ва ба пайдошавии элементҳои муносибатҳои капиталистӣ, ки пеш аз ҳама дар афзоиши корфармоии меҳнати кироӣ намоён мешуданд, оварда мерасонд.

Боби дигари асар ба тасвир кардани тарзи зиндагонии пеш аз революционии лақайҳо бахшида шудааст. Дар ин боб нишон дода мешавад, ки дар натиҷаи охиста тараққӣ ёфтани зироатчиӣ ва ба ҳаёти муқимӣ гузаштани омман асосин аҳоли манзилгоҳҳо, асбобу анҷомҳо, либос ва хӯроки лақайҳо чӣ навъ тағйир ёфтаанд.

Дар қисми хулосавии асар он дигаргунҳои қатъие тасвир карда мешаванд, ки онҳо дар натиҷаи Революцияи Кабири Социалистии Октябр дар ҳаёти лақайҳо дар масъалаи муносибатҳои иҷтимоӣ ва фаъолияти хоҷагӣ, инчунин дар соҳаи маданият ва тарзи зиндагонӣ ба вуҷуд омадаанд.

Холо лақайҳо дар артельҳои хоҷагии кишлоқ аксар вақт якҷоя бо тоҷикон, инчунин бо дигар гурӯҳҳои аҳолии узбек мутаҳид шудаанд. Колхозҳои лақай хоҷагии комплексӣ мебаранд. Дар баробари ғаллакорӣ ва чорводорӣ дар бисёрини колхозҳо майдони заминҳои пахта беш аз беш меафзолид. Як қатор колхозҳо аз заминҳои лалмӣ тамоман ба водӣҳои даръёҳо кӯчиданд ва пахтакорӣ дар онҳо соҳаи асосини хоҷагӣ шуда мондааст.

Баъд муаллиф хислатҳои асосиро, ки барои чорводорӣ нави колхозҳо характернок мебошанд, қайд мекунад.

Шароитҳои меҳнат ва тарзи зиндагонии ҷунин коркунони чорводорӣ, монанди галабонҳо, ҷупонҳо ва даҳмардаҳо тамоман дигар шудаанд; ин коркунон аз ҷиҳати моддӣ нағз таъмин мебошанд, меҳнати онҳоро баҳои баланд медиҳанд ва хурмат мекунанд.

Меҳнаткешони лақай тамоман тағйир ёфтанд ва аз ҷиҳати маданий сабзиданд. Онҳо ба биннокорони фаъол ва бошуури социализм табдил ёфтанд. Интелигенцияи маҳаллии социалистии лақай сабзид, ки дар байни онҳо занон ҳам ҳастанд. Дар халқи лақай шуури социалистӣ, ҷаҳонбинии социалистӣ тараққӣ ёфта мустақкам шуда истодааст, ки асоси онро патриотизми советӣ, ғояи дӯстии халқҳо ва садоқат ба қори Партияи Коммунистӣ ташкил медиҳанд.

Дар охири қор рӯйхати номҳои этникӣ ва авлоду қабिलाҳо оварда шудааст.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
I. Введение	5
Вопрос изученности локайцев	—
Расселение и родоплеменной состав	6
Происхождение локайцев	14
Краткие исторические сведения о локайцах	32
II. Животноводство как основная отрасль хозяйства локайцев до революции	55
Общая характеристика	—
Коневодство	77
Разведение мелкого и крупного рогатого скота.	104
III. Общественные отношения	119
IV. Домашний быт	133
Заключение	149
Указатель родо-племенных и этнических названий	159
Хулоса	165

